

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
Email: kravchenko.n@gmail.com

В статье рассматриваются факторы, усложняющие процесс изучения гражданской идентичности. Проводится краткий обзор основных подходов и методологии исследования гражданской идентичности по материалам диссертационных исследований российских социологов за последние годы. Описывается авторское понимание специфики гражданской идентичности россиян и обосновывается необходимость особой методологии ее изучения.

Ключевые слова: гражданская идентичность, качественные методы.

Methodological Aspects of Civil Identity Research

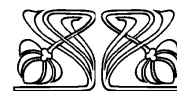
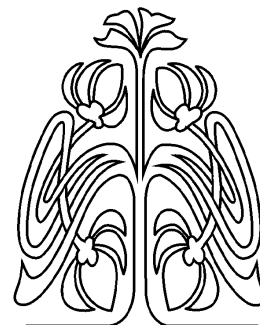
N. Yu. Kravchenko

In this article problems of civil identity research are regarded. The author made a short review of the main approaches and methodology of civil identity research, based upon modern dissertational works, conducted by Russian sociologists. The author's understanding of civil identity specificity is described, and the special methodology of its research is proved.

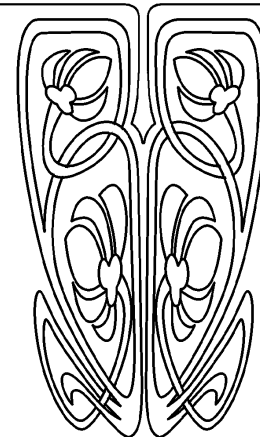
Key words: civil identity, qualitative methods.

Гражданская идентичность россиян – одна из ключевых составляющих построения гражданского общества, на которую оказывают влияние процессы глобализации, локализации, индивидуализации. Неслучайно последние десятилетия она находится в фокусе внимания социологов, это важная исследовательская задача, требующая постоянного мониторинга.

Рассмотрим некоторые факторы, усложняющие процесс изучения гражданской идентичности. Российские ученые, такие как профессор НИУ ВШЭ Н. Л. Иванова, кандидат педагогических наук А. А. Логинова, аспирант кафедры социологии МГИМО МИД РФ Н. Б. Помозова, отмечают, что для успешного исследования гражданской идентичности следует сформировать четкое понимание понятия «гражданская идентичность»¹. Доктор Института социологии РАН Л. М. Дробижева предлагает развести «государственную» и «гражданскую» идентичности и изучать их как отдельные состояния². По мнению социолога С. В. Рыжовой, необходимо преодолеть противоречия между процессами формирования этнической и гражданской идентичности, так как связи между этими двумя явлениями слабо проработаны в теоретическом плане³. Профессор МАДИ-ГТУ Е. М. Арутюнова обращает внимание на то, что современный официальный дискурс, транслируемый властью в отношении гражданской идентичности, функционирует одновременно с дискурсом оппозиционных идеологов, и это не может не влиять на изучение гражданской идентичности⁴. Важно выявить степень влияния каждого из этих дискурсов на сознание граждан и на формирование массовых представлений о гражданской идентичности. Определенную сложность при исследовании гражданской идентичности в нашей стране может создавать кризис (о котором говорит ряд авторов в своих работах) гражданской идентичности, вызванный глобализацией, распадом СССР, индивидуализацией, процессом трансформации идентичности⁵.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

А. А. Логинова в своем исследовании предлагает анализ различных ракурсов, в которых осмысливается гражданская идентичность:

- как реализация базисных потребностей личности в принадлежности к группе;
- в качестве политико-ориентированной категории;
- как осознание принадлежности человека к общности граждан того или иного государства, имеющей для него значимый смысл;
- как тождественность личности статусу гражданина⁶.

Как показывает анализ диссертационных работ социологов, посвященных исследованию гражданской идентичности, исследователи применяют различные подходы:

- выявление содержания, интенсивности и устойчивости совместности государственно-гражданской и этнической идентичности через основные идеологемы и представления молодежи (Е. М. Арутюнова)⁷;
- изучение состояния и динамики гражданской идентичности молодежи (доктор социологических наук Е. А. Гришина)⁸;
- определение природы российской гражданской идентичности, ее сущности, условий формирования и направлений развития (преподаватель Центра социологических исследований кандидат социологических наук Р. И. Анисимов)⁹;
- изучение влияния социальной активности, ее структуры и мотивации на формирование современных моделей гражданской идентичности российской студенческой молодежи (кандидат социологических наук А. А. Николаева)¹⁰;
- социокультурный анализ сущности и особенностей гражданской идентичности молодежи в полиэтничном регионе (кандидат социологических наук Р. Ю. Шикова)¹¹;
- определение динамических особенностей функциональной роли армии в формировании социальной идентичности российской молодежи по различным целевым группам (кандидат социологических наук Н. А. Погодин)¹²;
- проведение социологического исследования процесса формирования и конструирования идентичности студенческой молодежи посредством ее самореализации в социальных практиках (кандидат социологических наук В. А. Передерий)¹³.

На наш взгляд, проблема изучения гражданской идентичности заключается в ее специфике. Как показывают результаты авторских исследований, невозможно изучить российскую гражданскую идентичность, пытаясь взять за образец западный аналог. Политическая активность, гражданское участие, чувство гражданской общности у россиян особые, латентные, не проявляющиеся в институциональных практиках¹⁴. Например, в случае несогласия европейцы голосуют «против»; бастуют, причем даже при утрате экзотических, с точки зрения здравого смысла,

привилегий. Так, машинисты локомотивов государственной железнодорожной компании Греции объявили забастовку после отмены доплаты в размере 420 евро в месяц по графе «За соблюдение санитарной гигиены», что предполагало мытье рук несколько раз за смену. Равно как и работники государственной железной дороги получали отпуск из расчета по 28 часов в рабочих сутках. Это произошло после принятия очередного пакета экономии государственных средств, и тысячи греков вышли на марши протеста¹⁵.

Митинги российских «рассерженных горожан» (декабрь 2011 г., март 2012 г.) против результатов декабрьских выборов в Государственную думу показали неоднозначность проявлений гражданской активности населения. Это был протест только городского населения, к тому же незначительной его части¹⁶. Помимо этого, гражданская идентичность россиян немонолитна, для нее характерны фрагментарность, нестабильность, отсутствие целостности. Она отражена в определении, данном французским философом Ж. Лаканом, идентичность «децентрированного субъекта», ее характеризуют неполнота, непроявленность.

На наш взгляд, гражданская идентичность присутствует в идентификационной матрице россиян, но она настолько отличается от западного аналога, что вызывает затруднения в инициализации. При сравнении граждан развитых стран и «наших» становится очевидно, что граждане России могут называться таковыми лишь частично. В связи с этим напрашивается вывод о слаборазвитой гражданской идентичности. Так, Л. М. Дробужева говорит, что «гражданская российская идентичность – еще формирующаяся идентичность»¹⁷. С. В. Рыжова отмечает, что «гражданская идентичность как вид социальной идентичности возникает только в гражданском обществе»¹⁸, и в то же время ставит под сомнение существование развитого гражданского общества в России. Ю. А. Семенова, кандидат философских наук, поднимает вопрос о наличии в России гражданского общества и, как следствие, гражданской идентичности: «...пока развитие гражданского общества иницируется государством сверху, гражданин *de jure* так и не превращается в гражданина *de facto*»¹⁹. С другой точки зрения, возможно, идентичность россиян настолько «иная», что ей нужно иное определение, при этом она может быть развита в достаточной степени. Например, в своих работах С. Г. Кордонский, профессор НИУ ВШЭ, доказывает наличие развитой, сформировавшейся, исторически сложившейся антигражданской, коррупционной идентичности населения России. Данный подход вызывает полемику, но он учитывает особый характер гражданской идентичности россиян, отражает ее специфику²⁰.

Гражданскую идентичность россиян исследуют как количественными, так и качественными методами. Проводятся социологические мони-

торинги и опросы общественного мнения федерального масштаба²¹, регионального масштаба²²; телефонные опросы²³, полуформализованные интервью²⁴, глубинные интервью²⁵. В основном исследователи обращаются к количественной методологии, хотя, на наш взгляд, неполную идентичность можно уловить именно качественными методами, точнее, методом глубинного интервью.

Возможности использования качественных методов и принципов понимания связываются нами с интерпретацией концепта габитуса, предложенного французским социологом и философом П. Бурдьё. Безусловно, данный концепт не связан напрямую с гражданской идентичностью, но дает ключ к методологии ее изучения. Обратимся к определению габитуса по П. Бурдьё: это система диспозиций, приобретаемых в процессе имплицитного или эксплицитного обучения, которая функционирует как система производящих схем – есть генератор стратегий, которые могут соответствовать объективным интересам их авторов, при этом не являясь специально для этого предназначенными.

Исходя из этого определения, очевидно, что концепт габитуса включает и имплицитное, и эксплицитное. Соответственно, в количественной методике легче выявить эксплицитное, а в качественной – имплицитное. Например, протестные митинги декабря 2011 г. собрали десятки тысяч граждан. В качестве гипотетического предположения примем тот факт, что мотивация активности у митингующих была различной. Это могли быть чувства несогласия с нарушениями и желание продемонстрировать свою гражданскую позицию; возможно, также привлечение внимания к своей персоне (для политиков), набор очков; поход на митинг за компанию с друзьями; чтобы познакомиться с интеллигентными, интересными людьми и т. д.

Также можно предположить, что большинство несогласных с результатами выборов-2011 на митинги не вышли. Как известно, идентичность проявляется не только в практиках, но и в установках. Именно качественные методы, конкретно глубинные интервью помогают уловить имплицитное. Ежегодно крупные социологические центры страны проводят мониторинги гражданской идентичности. По результатам этих опросов мы можем видеть, насколько больше патриотов в нашей стране, как увеличивается количество граждан с позитивной гражданской идентичностью и т. д. Но сложная природа человека состоит в том, что он говорит одно, думает другое, а делает третье. Концепт габитуса помогает выявить имплицитную составляющую, а через нее не только поведенческие практики индивида, но и установку на поведение.

Поясним вышесказанное. В работе П. Бурдьё «Социология политики» постулируется, что государство – обладатель монополии на легитимное насилие, но с поправкой, что это насилие имеет

символический характер²⁶. Индивиды определяют символическую той или иной практики, которая считается приемлемой через признание авторитета. С одной стороны, наличие авторитета можно выявить через нормы, существующие в обществе, через габитусы и систему гражданских практик, принятые индивидами как «нормальные». Государство формирует поле, начиная с момента ранней социализации детей и подростков, в общеобразовательных школах – основных институтах внушения подрастающему поколению официального дискурса²⁷.

По П. Бурдьё, гражданственность – это сумма диспозиций, то есть габитусов. Исторически в нашей стране габитус сформировался государственный, при этом практики осуществляются внегражданские. Через данные негражданские практики идет формирование гражданского общества. Через деформацию габитуса исторического проходит процесс формирования гражданского общества.

В данный момент в современном российском обществе идет процесс накопления потенциала для изменения габитуса. Расслоение общества происходит в зависимости от того, как субъективно складываются отношения индивида и государства. Г. Гегель отмечал: «...действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, и лишь они играют главную роль»²⁸. Габитусы индивидуальны в случае, когда действия государства или государственных чиновников не отвечают интересам граждан. Происходит накопление отрицательного взаимодействия с государством, накопление габитусов, приводящих к созданию установки на отрицательное действие. Как было сказано выше, неоднородность готовности населения к проявлению гражданской активности продемонстрировали протестные митинги, в официальном дискурсе обозначенные как митинги «рассерженных горожан» (декабрь 2011 г., март 2012 г.)²⁹.

Государство использует власть номинанта, опираясь на авторитет, осуществляя кодирование, тем самым обозначая, чем является нечто или некто (например, социальные явления, субъект) в соответствии с законным социальным определением. Оно закрепляет в официальном дискурсе, чем позволено быть индивиду или общественному явлению, чем он имеет право быть, на какое социальное существование вправе претендовать и чем заниматься. Иные действия, противоположные государственной позитивной номинации, рассматриваются как нелегальные³⁰.

Согласно П. Бурдьё, чтобы понять власть государства во всей ее специфике, нужно соединить в одной объяснительной модели интеллектуальные традиции, обычно воспринимаемые как несовместимые. Нужно преодолеть противоположность физикалистского видения социального мира, понимающего социальные отношения как отношения физических сил, и «кибернетического»

или семиологического видения, которое превращает все отношения в символические, коммуникативные, в отношения смыслов. Самые грубые отношения силы в то же время всегда являются символическими, а действия подчинения, повиновения – когнитивными актами, которые в таком своем качестве приводят в действие когнитивные структуры, формы и категории перцепции, принципы видения и деления³¹. «Социальные агенты конструируют социальный мир посредством когнитивных структур, ... которые они могут применить ко всем вещам в мире и, в особенности, к социальным структурам»³².

Согласно результатам исследования научного сотрудника Института социологии РАН К. Клейман³³, обыватели становятся гражданами крайне редко, после какого-либо гиперстресса. При этом окружение с недоверием относится к «активистам», подозревая в их практиках корыстный интерес. Наше предположение заключается в следующем: если изучить гражданское поведение, которое принято считать в социуме «ненормальным», в результате мы получим «норму» гражданского, принятого в России. На наш взгляд, целесообразно изучение гражданской идентичности через символы и диспозиции, которые позволяют выявить именно латентную идентичность: что индивид думает, к какому действию у него созрела установка и (как одна из триангуляций) что он чувствует.

Таким образом, изучение гражданской идентичности – процедура непростая, усложненная рядом факторов. Гражданская идентичность россиян требует особого подхода и особых определений, отличных от западной кальки. Возможно, российская гражданская идентичность не эмбриональна, а сформирована в достаточной степени, несмотря на специфику гражданского общества «сверху». Особая гражданская идентичность требует особого подхода к ее изучению, особых методов. Соответственно, нужны не только новые методологические, но и методические подходы. На наш взгляд, для раскрытия имплицитной составляющей гражданской идентичности россиян методически оправданно применение глубинных интервью с расчетом по методике логической схемы обоснования выборки в качественных исследованиях, предложенной исследователем-социологом И. Е. Штейнбергом³⁴.

Но эта тема требует отдельного развернутого описания и будет отражена в следующей статье.

Примечания

¹ См.: *Иванова Н. Л.* Гражданская идентичность как социальный капитал. Модернизация экономики и общественное развитие : материалы науч. конф. М., 2007 ; *Логонова А. А.* Формирование гражданской идентичности школьников средствами Интернет-проектов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2010 ; *Помозова Н. Б.* Символы как инструмент управления формированием гражданской идентичности : сравни-

тельный анализ России и Китая : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.

- ² См.: Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев, 2007. С. 17.
- ³ См.: *Рыжова С. В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
- ⁴ См.: *Арутюнова Е. М.* Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи (на примере московских студентов) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
- ⁵ См.: *Семенова Ю. А.* Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // *Вестн. ОГУ.* 2010. № 7.
- ⁶ См.: *Логонова А. А.* Указ. соч.
- ⁷ См.: *Арутюнова Е. М.* Указ. соч.
- ⁸ *Гришина Е. А.* Гражданская идентичность российской молодежи : опыт мониторинговых исследований 90-х годов : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.
- ⁹ *Анисимов Р. И.* Трансформация гражданской идентичности в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
- ¹⁰ *Николаева А. А.* Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2010.
- ¹¹ *Шикова Р. Ю.* Гражданская идентичность современной молодежи : Социокультурный анализ (на примере Республики Адыгея) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010
- ¹² *Погодин Н. А.* Институт армии в формировании идентичности молодежи российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.
- ¹³ *Передерий В. А.* Конструирование идентичности студенческой молодежи в поле различных социальных практик : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2009.
- ¹⁴ См.: *Кравченко Н. Ю.* К вопросу методологии изучения гражданской идентичности. М., 2012. С. 2143–2149 ; *Она же.* Особенности формирования идентичности на современном этапе : в 2 т. Саратов, 2008. Т. I. С. 85–88 ; *Она же.* К вопросу об особенностях идентификаций в современной России (на материалах исследования студенческой молодежи) : в 2 т. Саратов, 2011. Т. II, вып. 3. С. 18–21.
- ¹⁵ См.: *Анненский А.* Отчего распадается Европа // *Эхо Москвы.* 10 декабря 2011, 19:46. URL: <http://echo.msk.ru/blog/annenski/838077-echo/> (дата обращения: 10.09.2012).
- ¹⁶ См.: *Акции протеста против фальсификации выборов в России (2011–2012).* URL: <http://www.wikipedia.org> (дата обращения: 05.09.2012).
- ¹⁷ *Дробижева Л. М.* Российская идентичность в массовом сознании // *Вестн. Российской нации.* 2009. Т. 3, № 1.
- ¹⁸ *Рыжова С. В.* О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности* / отв. ред. В. С. Магун. М., 2006. С. 28.

- ¹⁹ Семенова Ю. А. Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире : философско-антропологический аспект : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, 2012.
- ²⁰ См.: Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Гражданский диалог. 2008. № 2. С. 23–30.
- ²¹ См.: Анисимов Р. И. Указ. соч. ; Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Гришина Е. А. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч.
- ²² См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Гришина Е. А. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч. ; Передерий В. А. Указ. соч. ; Погодин Н. А. Указ. соч. ; Шикова Р. Ю. Указ. соч.
- ²³ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч. ; Погодин Н. А. Указ. соч.
- ²⁶ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 72.
- ²⁷ См.: Бурдые П. Некоторые свойства полей. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_633.htm (дата обращения: 02.09.2012).
- ²⁸ Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Соч. М. ; Л., 1935. С. 20.
- ²⁹ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М., 2012.
- ³⁰ См.: Бурдые П. Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Козлов А. Интервью с директором Института «Коллективное действие» Карин Клеман. URL: http://leftpolicy.ru/articles.php?article_id=36 (дата обращения: 24.08.2012).
- ³⁴ См.: Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки в качественных исследованиях // Блог «Социолог в поле». URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/> (дата обращения: 17.04.2011).

УДК 1:316:316.32

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНА

А. Р. Евстифеева

Поволжский институт им. П. А. Столыпина РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов
E-mail: a.evstifeeva@iTail.ru

В статье рассматривается инвестиционная политика как фактор формирования инвестиционного климата региона, конкретизируются параметры оценки и формирования инвестиционного климата региона с позиций социологического подхода. Подчеркнута актуальность взаимодействия государства и гражданского общества в целях активизации инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова: инвестиционная политика, инвестиционный климат, социальный капитал.

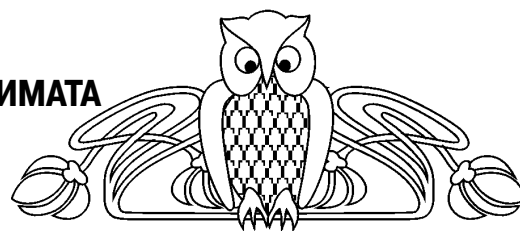
Sociopolitical Factors of the Region Investment Climate Formation

A. R. Evstifeeva

In article the investment policy is considered as the factor of the region investment climate formation, writing the parameters of the region investment climate estimation and formation from positions of the sociological approach. The urgency of the interaction between a state and a civil society for the activation of the region investment potential is underlined.

Key words: investment policy, investment climate, social capital.

В настоящее время возрастает важность изучения инвестиционного климата с позиций социологической науки, так как на принятие решений

об инвестировании оказывают большое влияние социально-политические факторы (политическая стабильность, социальная напряженность, этноконфессиональное согласие и др.). Актуальность проведения социологического анализа инвестиционного климата региона обусловлена тем, что в научной среде наблюдается доминирование экономических исследований инвестиционной политики, а категория «инвестиционный климат» рассматривается сугубо как экономическая.

Социологический подход связан с рассмотрением общества как структуры, состоящей из разнообразных групп, обладающих собственными интересами и потребностями, главным рычагом реализации которых является власть. Инвестиционная политика в таком случае расценивается как отношения, направления и способы взаимодействия государства и разных социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей посредством инвестиционных решений. Эти взаимодействия определяются инвестиционными интересами участников, которые представляют собой непосредственную побудительную причину инвестиционной активности. Они формируются из осознания экономических, социальных, религиозных, этнических интересов, своего положения на основе сравнения с положением других групп и предполагают ориентацию на участие в инвестиционной деятельности как

- ¹⁹ Семенова Ю. А. Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире : философско-антропологический аспект : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, 2012.
- ²⁰ См.: Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Гражданский диалог. 2008. № 2. С. 23–30.
- ²¹ См.: Анисимов Р. И. Указ. соч. ; Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Гришина Е. А. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч.
- ²² См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Гришина Е. А. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч. ; Передерий В. А. Указ. соч. ; Погодин Н. А. Указ. соч. ; Шикова Р. Ю. Указ. соч.
- ²³ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Арутюнова Е. М. Указ. соч. ; Николаева А. А. Указ. соч. ; Погодин Н. А. Указ. соч.
- ²⁶ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 72.
- ²⁷ См.: Бурдые П. Некоторые свойства полей. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_633.htm (дата обращения: 02.09.2012).
- ²⁸ Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Соч. М. ; Л., 1935. С. 20.
- ²⁹ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М., 2012.
- ³⁰ См.: Бурдые П. Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Козлов А. Интервью с директором Института «Коллективное действие» Карин Клеман. URL: http://leftpolicy.ru/articles.php?article_id=36 (дата обращения: 24.08.2012).
- ³⁴ См.: Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки в качественных исследованиях // Блог «Социолог в поле». URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/> (дата обращения: 17.04.2011).

УДК 1:316:316.32

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНА

А. Р. Евстифеева

Поволжский институт им. П. А. Столыпина РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов
E-mail: a.evstifeeva@iTail.ru

В статье рассматривается инвестиционная политика как фактор формирования инвестиционного климата региона, конкретизируются параметры оценки и формирования инвестиционного климата региона с позиций социологического подхода. Подчеркнута актуальность взаимодействия государства и гражданского общества в целях активизации инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова: инвестиционная политика, инвестиционный климат, социальный капитал.

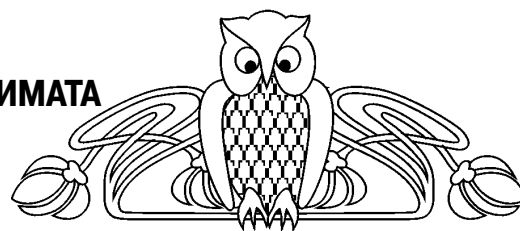
Sociopolitical Factors of the Region Investment Climate Formation

A. R. Evstifeeva

In article the investment policy is considered as the factor of the region investment climate formation, writing the parameters of the region investment climate estimation and formation from positions of the sociological approach. The urgency of the interaction between a state and a civil society for the activation of the region investment potential is underlined.

Key words: investment policy, investment climate, social capital.

В настоящее время возрастает важность изучения инвестиционного климата с позиций социологической науки, так как на принятие решений

об инвестировании оказывают большое влияние социально-политические факторы (политическая стабильность, социальная напряженность, этноконфессиональное согласие и др.). Актуальность проведения социологического анализа инвестиционного климата региона обусловлена тем, что в научной среде наблюдается доминирование экономических исследований инвестиционной политики, а категория «инвестиционный климат» рассматривается сугубо как экономическая.

Социологический подход связан с рассмотрением общества как структуры, состоящей из разнообразных групп, обладающих собственными интересами и потребностями, главным рычагом реализации которых является власть. Инвестиционная политика в таком случае расценивается как отношения, направления и способы взаимодействия государства и разных социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей посредством инвестиционных решений. Эти взаимодействия определяются инвестиционными интересами участников, которые представляют собой непосредственную побудительную причину инвестиционной активности. Они формируются из осознания экономических, социальных, религиозных, этнических интересов, своего положения на основе сравнения с положением других групп и предполагают ориентацию на участие в инвестиционной деятельности как

условие закрепления или изменения этого положения. Таким образом, инвестиционная политика отражает взаимоотношения и взаимодействие государства и социальных групп в целях создания оптимальных условий для активизации инвестиционного потенциала, которые предусматривают обеспечение правовой защищенности интересов граждан и хозяйствующих субъектов, развитие деловой среды, формирование социального партнерства, придание стабильности общественным отношениям, учет объективных интересов сторон по поводу выработки и принятия политических решений, обращенных в инвестиционную сферу. В широком смысле с позиции социологической науки инвестиционная политика рассматривается не как система мер и мероприятий, а как система взаимоотношений и взаимодействий между государством и гражданским обществом, главной целью которых выступает благосостояние, социальная защита и социальное развитие населения страны.

Повышение устойчивости и темпов инвестиционного роста, улучшение структуры привлекаемых инвестиций требует активной государственной инвестиционной политики не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Регион представляет собой сложную территориальную, юридически оформленную социальную систему, в которой воспроизводятся экономические, социальные, политические, идеологические, демографические, этнические, экологические и другие отношения. Как и любая сложная система, регион обладает своими особенностями формирования и развития, которые зависят от состава элементов и характера связей между ними и многообразными связями с внешней средой. К основным элементам региона как социальной системы чаще всего относят социальную общность людей, население территории, объединенное многочисленными связями (производственными, культурными, дружескими, семейными), едиными целями и задачами¹.

Основная работа по привлечению инвестиций должна проводиться в соответствии с региональными приоритетами, так как реализация инвестиционных проектов выступает значимым фактором повышения благосостояния и уровня жизни населения. Следовательно, технология реализации инвестиционной политики в регионе должна быть построена с учетом объективных интересов всех заинтересованных групп лиц в инвестиционной деятельности, включая гражданское общество. С этих позиций решение проблемы формирования положительного инвестиционного климата на уровне региона представляет собой теоретическую и практическую значимость.

Вышесказанное обуславливает необходимость более глубокого рассмотрения понятия «гражданское общество». Понимание данной категории со временем неоднократно менялось, и до сих пор ученые не пришли к единому определению. Американский политолог О. Энкарнасон

считает, что гражданское общество охватывает обширный и разнородный мир организаций, созданных частными индивидами для отстаивания своих интересов и ценностей. Этот мир включает в себя свободно созданные низовые организации граждан, такие, например, как ассоциации людей, проживающих по соседству, так же как и иерархически организованные группы типа общенациональных союзов и этнических ассоциаций².

Наиболее часто под гражданским обществом понимается сфера жизнедеятельности людей, свободная от непосредственного влияния со стороны государства и его должностных лиц, но вместе с тем организованная, внутренне упорядоченная сфера, где люди реализуют свои частные интересы, объединяясь в группы и организации³.

Зарубежные ученые Д. Битэм и К. Бойл выделяют следующие условия функционирования гражданского общества:

- рыночная экономика;
- независимые средства массовой информации и связи;
- негосударственные оценки всех аспектов политики правительства;
- множество добровольных организаций во всех сферах общественной жизни⁴.

Важным условием функционирования гражданского общества выступает социальный капитал, который представляет собой основу социально-экономического развития региона и, следовательно, привлечения инвестиций.

Изучением концепции социального капитала занимались многие ученые: П. Бурдьё, Мальберг, Р. Путнам, Дж. Коулман, Дж. Л. Твигг, А. Подберезкин и др.

Понятие «социальный капитал», введенное П. Бурдьё, обозначает социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгод. Согласно мнению Бурдьё, социальный капитал является продуктом общественного производства, материальных и тем самым классовых практик, средством достижения групповой солидарности. Социальный капитал является групповым ресурсом, который выступает проявлением социально-экономических условий и обстоятельств, опосредованного политическим строем, религиозными традициями, доминирующими ценностями⁵.

Р. Путнам тесно связывает понятие «социальный капитал» с гражданским обществом, под которым подразумевает общество с эффективным правительством, где уважают правила, сформулированные правительством; которому присущи беспристрастные отношения между его гражданами, что, в свою очередь, делает граждан удовлетворенными личной жизнью и вселяет в них чувство персонального счастья. Так, высокий уровень демократического развития и производительность регионов Италии он обуславливает активным гражданским участием, провозглашением солидарности и честности, развитием кооперации⁶.

Среди основных подходов к пониманию сущности социального капитала можно выделить:

- определение социального капитала как условия формирования и функционирования гражданского общества;
- отождествление гражданского общества и социального капитала;
- понимание социального капитала как составляющей гражданского общества;
- рассмотрение социального капитала как инфраструктуры и содержания автономных социальных отношений.

Формой накопления социального капитала является создание некоммерческих организаций разного рода (союзов, ассоциаций) и развитие сетей взаимодействующих организаций (предпринимательских, образовательных и др.) с устойчивыми связями, позволяющими вырабатывать единые нормы поведения, объединять усилия по достижению общих целей. В них происходит формирование кооперативных институтов, в которых реализуется общественная активность, развивается самоуправление⁷.

Следует особо подчеркнуть, что гражданское общество – это не только наличие независимых ассоциаций граждан, но и существование таких социальных отношений в обществе, при которых эти ассоциации способны играть роль обоюдопольного посредника в отношениях между индивидом и государством и в случае необходимости, обладая необходимым авторитетом и влиянием, в состоянии защитить индивида от незаконных действий государственных структур и бюрократического аппарата⁸.

Автор считает, что социальный капитал представляет собой потенциал формирования и развития гражданского общества и эффективной реализации его интересов, который состоит из следующих элементов: демографический, духовно-ценностный, этнический, кадрово-профессиональный, культурный потенциалы населения региона.

Комплексный подход к исследованию требует изучения теоретических и прикладных аспектов интеграции гражданского общества в региональное управление, что также обусловлено очевидным ростом роли граждан и их добровольных ассоциаций в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в инвестиционной сфере.

Изучению проблемы взаимоотношений и взаимодействия государства и общества посвящены труды В. Ф. Уколова, И. К. Быстрякова, Д. В. Гончарова, Н. А. Баранова и других.

По нашему мнению, в контексте инвестиционной политики актуальным является рассмотрение такого инструмента взаимодействия государственных органов и структур гражданского общества, как политические сети, объединенные общим интересом, взаимозависимостью, сотрудничеством и равноправием. Значительный вклад в изучение политической сетей сделал

отечественный исследователь Л. В. Сморгунув. По его мнению, политическая сеть есть система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы⁹.

Л. В. Сморгунувым выделены следующие характеристики данного вида взаимодействия:

- политические сети представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество и состоит из множества разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некий совместный интерес;

- политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у ее акторов, что предполагает их заинтересованность друг в друге;

- важным элементом политической сети выступает общий кооперативный интерес, отличающий ее от рынка, где каждый участник преследует прежде всего собственные интересы;

- между участниками сети складываются горизонтальные связи, так как с точки зрения возможностей формирования совместного решения все они равны;

- сеть – это договорная структура, основанная на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации, в которой действует особая культура консенсуса.

Профессор В. И. Малый в своей монографии, посвященной проблемам формирования бизнес-партнерства, отмечает, что важным элементом экономических коммуникаций является феномен доверия¹⁰. Таким образом, посредством политических сетей легче наладить взаимодействие государства и гражданского общества, так как используются механизмы доверия, возникающие при формировании сети.

Государственное управление инвестиционной деятельностью тесно соприкасается с управлением развитием региона, ибо, помимо объективного интереса инвесторов, обязательно должен учитываться объективный интерес общества. Следовательно, соответствие интересов гражданского общества и интересов инвесторов становится особо приоритетным.

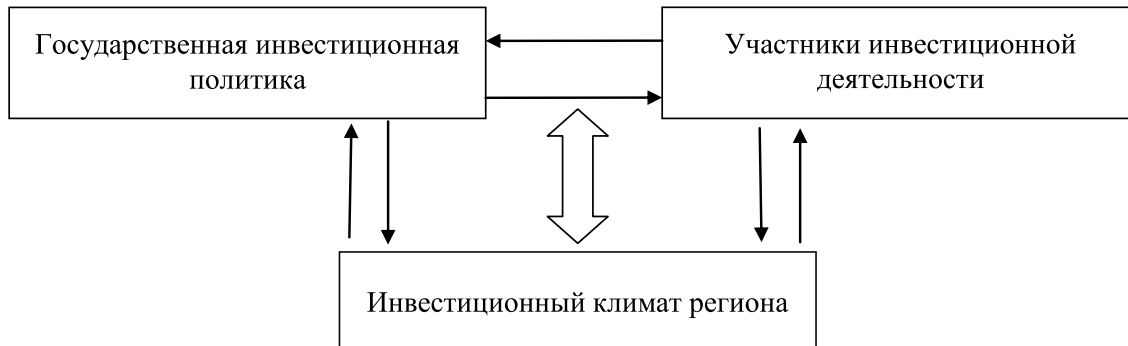
Эффективно решить задачу привлечения инвестиций можно только путем повышения инвестиционной привлекательности конкретного региона для потенциальных инвесторов.

Несмотря на то что риск инвестиционных решений лежит на предпринимательском сообществе, инвестиционный климат в значительной степени формируется воздействием гражданских объединений, которые в настоящее время активно привлекаются к участию в выработке социаль-

но-политических решений, осуществляют гражданский контроль над текущей деятельностью властных структур и гражданскую экспертизу законодательных и административных актов.

Представим взаимосвязи государственной инвестиционной политики, участников инвестиционной деятельности и инвестиционного климата в виде схемы.

Государственная инвестиционная политика в регионе

Так, инвестиционный климат в регионе формируется под воздействием политических, социальных, экономических, юридических и других факторов, определяющих государственную инвестиционную политику и предопределяющих степень риска инвестиций. Государственная инвестиционная политика реализуется в двух основных формах: создании благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности и прямом участии государства в инвестиционной деятельности. При этом инвестиционный климат, формируясь под влиянием государственной инвестиционной политики и субъектов инвестиций, в свою очередь, влияет на взаимоотношения государства и заинтересованных групп лиц, выступая условием их взаимодействия.

В соответствии с Законом РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (в ред. от 30 декабря 2008 г. № 309-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ) инвестициями являются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта.

Так, традиционно в рыночных условиях инвестиции в решение социальных проблем рассматриваются с позиции выплаченных государству налоговых средств¹¹. Однако в современных зарубежных публикациях часто упоминается термин «социально ответственное инвестирование» («socially responsible investing», «social investing», «socially aware investing», «mission-based investing»), который обозначает процесс принятия инвестиционных решений, учитыва-

ющий в рамках традиционного финансового анализа социальные и экологические последствия инвестиций¹².

С этих позиций оценка эффективности при обосновании инвестиционных проектов должна учитывать понятие социальной эффективности инвестиций, которое измеряется конкретными показателями:

- социальный эффект, характеризующий степень удовлетворенности населения качеством жизни;
- социальная эффективность – показатель, определяющий повышение уровня жизни людей;
- эффективность, связанная с ценностью человеческой жизни;
- эффект длительного воздействия на состояние людей (совершенствование здравоохранения, образования, культуры, борьба с загрязнением окружающей среды);
- эффект длительного воздействия на уровень жизни (совершенствование жилищных условий, увеличение уровня доходов населения, улучшение экономической обстановки);
- экономия времени, связанная с совершенствованием инфраструктуры.

Таким образом, полноценное функционирование и развитие инвестиционной системы отдельной семьи может служить критерием эффективности не только региональной инвестиционной политики, но и социально-экономической политики региона в целом.

Эффективно решить задачу привлечения инвестиций, подразумевающих высокую социальную отдачу, можно только путем повышения инвестиционной привлекательности конкретного региона для потенциальных инвесторов.

По нашему мнению, круг показателей, используемый в настоящее время для оценки инвестиционного климата региона, недостаточно детален для адекватного отражения всего комплекса

условий, обычно принимаемых во внимание инвесторами. Основным недостатком вышеописанного подхода к измерению инвестиционной привлекательности регионов является то, что он не учитывает трансформационных процессов региона: масштабы институциональных преобразований, состояние и перспективы проводимых реформ, качество трудовых ресурсов. Ни одна из существующих оценок инвестиционного климата не учитывает социальный капитал как инвестиционную возможность, принимая во внимание лишь количественные характеристики, такие как численность рабочей силы, экономически активного населения, уровень образования.

Тщательное изучение подсистем, составляющих инвестиционный климата региона позволило сформулировать собственное видение данного понятия. Как социологическая категория «инвестиционный климат» представляет собой совокупность субъективных и объективных условий осуществления инвестиционной деятельности, которая формируется под воздействием многообразия взаимосвязанных социальных процессов и влияет на принятие инвестиционного решения. Данный методологический подход позволяет рассматривать региональный инвестиционный климат как систему социальных условий функционирования регионального инвестиционного рынка, включающую в себя такие составляющие, как социальный капитал региона, социальные риски и социальная активность. На региональном уровне инвестиционный климат проявляет себя через взаимодействие органов региональной власти, местного самоуправления, предпринимательских структур, кредитных учреждений, профсоюзов, общественных объединений и других субъектов инвестиционных отношений. Инвестиционный климат является элементом инвестиционной системы (инфраструктуры) региона, которая, в свою очередь, отражает сбалансированность экономических и социальных условий регионального развития.

Преимущество такого подхода к изучению категории «инвестиционный климат» заключается в том, что он позволяет учитывать взаимные интересы участников инвестиционного процесса, связь инвестиционного климата с инвестициями в социальную сферу, а также достижение положительного социального эффекта от инвестиционных проектов. Данное рассмотрение инвестиционного климата достаточно субъективно, однако позволяет определить инвестиционную среду, в которой осуществляется инвестиционный процесс.

Инвестиционный климат региона рассматривается как комплексная характеристика, состоящая из трех ключевых подсистем: инвестиционный потенциал; инвестиционный риск; законодательные условия¹³.

Инвестиционный потенциал региона складывается из следующих основных частных потенциалов, каждый из которых, в свою очередь,

характеризуется целой группой показателей: ресурсно-сырьевого, трудового, производственного, инновационного, институционального, инфраструктурного, финансового, потребительского¹⁴.

По нашему мнению, при оценке инвестиционного потенциала региона необходимо использовать интегрированный подход, который позволяет наиболее точно определить его совокупный потенциал и выражается в количественной и качественной оценке, учитывающей не только макроэкономические показатели, но и социально-политические факторы.

Автором статьи представлено собственное видение совокупного инвестиционного потенциала региона, который следует дополнить такой составляющей, как «социальный потенциал», отражающей социальный капитал региона: демографический, этнический, духовно-ценностный, социокультурный, гражданский потенциалы населения.

Исходя из темы исследования, остановимся на более детальном рассмотрении социального потенциала как элемента инвестиционного климата, определяющего развитие инвестиционного процесса.

Категорию «социальный потенциал» мы соотносим с рассмотренным выше понятием «социальный капитал».

Этнический потенциал как одна из ведущих составляющих социального капитала региона выделяется в связи с тем, что в настоящее время повышается интерес к анализу этничности региона, обусловленный такими мировыми тенденциями, как глобализация и интеграция. Теоретические и прикладные вопросы этносоциальных процессов тщательно проработаны в трудах зарубежных исследователей К. Каутского, Э. Шилза, К. Гритца, Дж. Ротшильда, Д. Белла, Б. Андерсона, Э. Геллнера, отечественных исследователей С. М. Широкогорова, Л. Н. Гумилева, Ю. В. Бромлея, Э. В. Сикевича, В. С. Малахова, В. А. Тишкова, Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижеева, А. А. Сусоколова. Безусловно, этническая структура имеет важнейшее значение в формировании и функционировании региона. Она играет важную роль в определении состава и соотношения групп, способов расселения, демографических показателей, а также влияет на отраслевую структуру региона.

Гражданский потенциал представлен уровнем развития гражданского общества и общественных институтов в регионе. Таким образом, социальный капитал, выступая важным условием функционирования гражданского общества, представляет собой основу социально-экономического развития региона и, следовательно, привлечения инвестиций.

Конкретизация оценки инвестиционного климата, как правило, происходит уже в ходе реальных контактов инвесторов с региональной средой. Современное общество переживает важный исторический этап перехода от индустриальной

эпохи к новому постиндустриальному обществу, которое принято называть информационным. В политической и социальной сфере новые формы коммуникации создают предпосылки развития институтов и организаций гражданского общества.

Влияние информационных технологий на социальную организацию выражается в следующем: использование новых средств коммуникации принципиально снижает издержки передачи информации, упрощается и стремительно ускоряется процесс создания географически распределенных социальных групп (сетей), характеризующихся преобладанием неиерархических «горизонтальных» коммуникаций, возможностью общения «всех со всеми»¹⁵.

Мы полагаем, что в целях повышения инвестиционной привлекательности региона необходимо формирование системы интегрированных коммуникаций. Такая система должна объединить всех субъектов инвестиционной деятельности региона: государственные и муниципальные власти, потенциальных и реальных инвесторов, институты гражданского общества и других заинтересованных лиц. Система интегрированных коммуникаций в инвестиционной сфере представляет собой единый комплекс, объединяющий участников инвестиционной деятельности, каналы и методы коммуникации на уровне региона. Интегрированные коммуникации будут способствовать достижению коммуникационных целей, направленных на установление и поддержание определенных взаимоотношений самого государства, субъектов инвестиционной деятельности и институтов гражданского общества и других заинтересованных лиц в рамках инвестиционного процесса.

Институты гражданского общества, в данной коммуникационной системе выступая трансляторами общественного мнения широких слоев населения, должны отстаивать и защищать инвестиционные интересы общества, привлекать внимание к социальным проблемам, требующим инвестиционных вложений, поддерживать реализацию социально эффективных инвестиционных проектов. Мы полагаем, что наиболее важную роль в формировании инвестиционной привлекательности региона играют следующие общественные организации: Общественная палата РФ, экологические движения, ассоциации и союзы предпринимателей, национальные объединения.

Таким образом, автором статьи актуализировано рассмотрение инвестиционного климата как социального явления с применением комплексного подхода к его изучению. Положительная ин-

вестиционная политика на уровне региона будет способствовать формированию инвестиционного климата, создавать предпосылки для привлечения социально ответственных инвестиций и обеспечения устойчивого социального развития региона.

Примечания

- 1 См.: Халиков М. С. К вопросу о саморазвитии территориальных образований // Глобализация и социальные изменения : материалы науч. конф. : сб. науч. докл. М., 2006.
- 2 См.: Энкарнасьон О. Г. Миссионеры Токвиля. Пропаганда гражданского общества и поддержка демократии. URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20010220_toc.html (дата обращения: 12.11.2011).
- 3 См.: Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2004.
- 3 См.: Битэм Д., Бойл К. Демократия : вопросы и ответы. М., 1995.
- 5 См.: Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики. М., 2004.
- 6 См.: Putnam R. Making Democracy Work : Civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.
- 7 См.: Калужнова Н. Я. Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации. М., 2003.
- 8 См.: Канунников А. А. Гражданское общество в России : настоящее и будущее // Мир и политика. 2008. № 12.
- 9 Сморгунев Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3.
- 10 См.: Малый В. И. Формирование бизнес-партнерства в современной России : опыт социологического анализа деловых сетей / под ред. проф. А. Л. Маршака. Саратов, 2004.
- 11 См.: Стрижов С. А. Развитие корпоративной социальной ответственности. М., 2006.
- 12 По материалам Eurosif-European Social Investment Forum. URL: <http://www.eurosif.org> (дата обращения: 12.11.2011).
- 13 См.: Семенова Ф. З. Инвестиционный климат и потенциал активизации инвестиционной деятельности региона // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 1.
- 14 См.: Инвестиционный рейтинг регионов России. Информация и методы // Рейтинговое агентство «Эксперт». URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2010/part7> (дата обращения: 10.08.2011).
- 15 См.: Шадрин А. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу. URL: <http://rvles.ieie.nsc.ru:8101/parginov/artem1.htm> (дата обращения: 06.03.2012).

УДК 323.1; 323.2

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

С. А. Панкратов, Н. А. Тельнова

Волгоградский государственный университет
E-mail: s.pankratov@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы гражданской идентичности, специфика которой во многом определяется характером политической модернизации России. Авторы обосновывают «этактистскую» модель модернизации, считая, что основными факторами ее реализации являются гражданская идентичность и патриотизм.

Ключевые слова: гражданская идентичность, политическая модернизация, патриотизм, глобализация, «этактистская» модель.

The Specificity of Civil Identity under the Conditions of Political Modernization in Russia

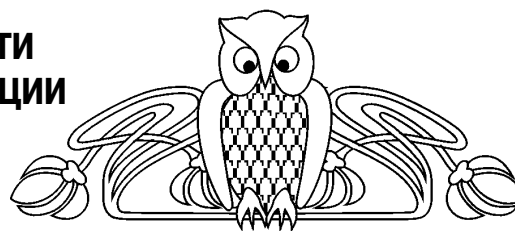
S. A. Pankratov, N. A. Telnova

The article is dealt with the problems of civic identity the specificity of which is mainly defined by the character of political modernization in Russia. The authors substantiate the «etatic» model of modernization, taking into consideration the fact that the basic factor of its realization are civic identity and patriotism.

Key words: civil identity, political modernization, patriotism, globalization, «etatic» model.

Проблема гражданской идентичности в условиях глобальных изменений и специфики развития современного мира приобретает особый смысл, оставаясь одной из основных тем в контексте размышлений о будущем России. Процессы глобализации существенным образом влияют на модернизационные преобразования, придавая им невиданные ранее динамизм и лабильность. «Фундаментальные механизмы и способы поддержания идентичности необратимо разлагаются, состояние всеобщего кризиса идентичности становится нормой, а его конкретные проявления диверсифицируются в зависимости от того, сколь значимой для данного сообщества оказывается *гражданская идентичность* (лежащая в основе реального политического самоопределения индивида)¹. Общественное бытие человека в этой сложной ситуации переживает существенные модификации, что требует пересмотра ряда нормативно-ценностных структур социальной системы, выработки новой парадигмы гражданской идентичности.

Понятие «гражданская идентичность» тесно связано с понятиями «нация», «гражданственность», «патриотизм», которые в ходе общественного развития претерпевают модификации: от естественной принадлежности к роду, племени,

то есть от первоначального (порожденного самой жизнью и природой) чувства отождествления себя с родственной группой к глубоко осознанной созидающей любви к Отечеству, сформировавшейся гражданской позиции. Взятая в исторической перспективе, гражданская идентичность обнаруживает очень важную качественную ступень на пути развития, углубления социальной и духовной сущности человека. В традиционных обществах эта проблема не тематизируется, поскольку идентичность была сословно обусловлена, строго фиксирована социальным статусом индивидов. С развитием самосознания человека (благодаря которому он освобождается от непосредственной привязанности к социальной группе), усложнением его внутреннего мира и отношения к обществу повышается потребность в самоопределении, самоидентификации, в том числе и гражданской.

Гражданская идентичность выступает как осознанный процесс соотнесенности (тождественности) человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте. Это понятие характеризует политическое сообщество как относительно устойчивую целостность, отражающую динамику воспроизводства самосознания индивида на основе его свободного и рационального выбора. По сути, сама проблема идентичности возникает, когда нарушается самоотждественность и существует необходимость в переосмыслении базовых потребностей и ценностей.

Одним из толчков к ее осознанию (и поиску) в настоящее время стало такое драматическое событие в жизни страны, как распад СССР, и последующие за этим радикальные социальные преобразования, породившие кризис идентичности. Советская идентичность, выступавшая ключевым фактором мобилизационного развития, конструировалась при помощи мифологизации мышления, в основе которой лежал навязываемый советскому человеку образ мира с разделением его на «своих» и «чужих», «образ вождя», миф о «соборном человеке», «образ прекрасного будущего». Мифы и символы социалистической идеологии, тесно связанной с определенной интерпретацией культурно-исторического прошлого страны, выступали основой социальных связей, политических действий, в конечном счете воспроизведения самоидентификации советского общества. Согласно идеологии тоталитарной системы только партийный лидер имел право определять

систему ценностей, что резко ограничивало свободу выбора отдельными гражданами способов и форм своей национальной идентичности. В таком социокультурном контексте различия между гражданской и этнической идентичностью стираются в том смысле, что этническая принадлежность наполняется политическим смыслом. Согласно историко-стадиальному подходу, характерному для советской науки в целом, нация представляет собой высшую форму этнической общности, сложившуюся в период капитализма.

Мифологическая сущность советской системы стала одной из причин ее кризиса, следствием которого является то, что идентичность утратила функцию регулятива, приводящего в соответствие индивидуальные смыслообразования и процессы их социального проектирования. Вместе с системой духовных и гражданских ценностей рухнула и советская идентичность. В результате крушения монополии коммунистической идеологии возникает идеологический вакуум, а идентичность приобретает неустойчивый, аморфный, размытый характер. Начинается длительный поиск новой гражданской идентичности. Если в советское время акцент делался на интернационализме и мультикультурности, то после перестройки фокус внимания переместился на понимание России как государства-нации, одной из задач которой стала попытка реинкорпорировать в свой состав русское население ближнего зарубежья. Изменение идеологической парадигмы советского общества (с помощью которой была структурирована его идентичность) привело к необходимости создания новой российской идентичности (которая может быть сформирована с опорой на ценности гражданской нации). Место утерянной советской гражданственности в настоящее время заполняется форсированным формированием этнической и конфессиональной идентичностей.

Следует отметить, что гражданская идентичность имеет свое собственное основание идентификации (отличное от этнической) в виде политических сообществ граждан. Она выступает как поликультурное и полиэтничное образование. Этническая идентичность носит более устойчивый характер, она обусловлена, прежде всего, единством происхождения и общностью культурных универсалий (традиции, язык, обычаи). Подмена национальной идентичности этнической происходит в случае, когда нация как политическое сообщество не сформировалась или она отождествляется с одной этнической общностью.

Ослабление государства-нации неминуемо ведет к кризису гражданской и национальной идентичности. В настоящее время этот процесс связывают с тенденцией к глобализации, под которой понимают всестороннее сближение и интеграцию всех стран мира в технологической, информационно-культурной, экономической и политической сферах. Экономическая и культурная глобализация, обусловленная развитием средств

массовой коммуникации, одновременно и объединяет, интегрирует людей, и провоцирует стремление к обособлению и разделению, зачастую ведущее к нарушению коммуникативных связей и серьезным конфликтам. Захватив всю совокупность общественных отношений, затронув сферу национально-государственных связей, тенденция к глобализации, выраженная в расширении и увеличении протяженности, интенсивности и разнообразия связей, привела к сближению стран и регионов, материально-экономических структур, к перестройке всей системы мировых общественных отношений. Современное человечество живет все больше не в «пространстве мест», а в «пространстве потоков», мир сжимается, становясь интегративным, контакты между народами и нациями крепнут, растет взаимопроникновение и взаимовлияние.

Происходящие в современном мире процессы демократизации, расширения информационного и коммуникативного пространства, культурной стандартизации способствуют формированию универсальной системы ценностей (права и свободы человека, рыночная экономика, гражданское общество, индивидуальный выбор и т. д.). Эти процессы, как считают многие исследователи, ослабляют роль и влияние государства, а создание единого экономического пространства приводит к подрыву национального суверенитета, тем самым угрожая сохранению гражданской идентичности. Но, как показывает опыт стран Юго-Восточной Азии, модернизировать общество можно, не меняя идентичности. Гражданская (и национальная) идентичность способна не только утрачивать значимость, становиться размытой, но и укрепляться в ходе процесса глобализации. Зрелые государства-нации, проходя процесс модернизации, сохраняют свою идентичность.

В России модернизация проходила под сильным влиянием и давлением опыта других стран, который дает образцы эффективной деятельности во всех сферах жизни, показывая пути решения постоянно возникающих сложных проблем. Она никогда не являлась самоцелью, к которой стремилось общество, способное так интерпретировать ее ценности, чтобы они, с одной стороны, сохраняли предметную сущность содержания модернизации, а с другой – не разрушали бы специфику, самобытность национальной культуры. К особенностям модернизации в России можно отнести: этатизм, то есть решающую роль государства в реформировании всей общественной системы; последовательную смену реформ и контрреформ; раскол российской культуры на две основные субкультуры – культуру европеизированных верхов, в значительной мере искусственную и противостоящую национальным традициям, и патриархальную культуру низов.

Политическая модернизация становится решающим и необходимым условием, обеспечивающим способность социальной системы адап-

тироваться к изменившейся ситуации и адекватно отвечать на новые вызовы и угрозы современности. В идентификационном процессе россияне должны найти место идея построения общества, основанного на свободе индивидуального выбора, экономической и политической демократии, приоритете прав человека, то есть общества, в котором будут созданы максимально благоприятные условия для творческой самореализации каждого человека в качестве цели развития. Важно отметить, что движение к ней возможно лишь на путях всесторонней модернизации существующего общества, которая должна осуществляться при опоре на многие традиционные ценности российского общества. Речь может идти не о смене идентичности, а об ее расширении.

Выдающиеся российские мыслители-эмигранты еще в начале прошлого века определили важнейшие методологические положения, способные повлиять на характер современного этапа политической модернизации. Они считали, что России необходима сильная (но не тоталитарная) государственная власть, что важно отличать творческую демократию от формальной, механистической и нельзя представлять ее как новую форму религии, способную безболезненно решить назревшие проблемы и противоречия. И. Ильин отмечал, что «сила власти есть прежде всего ее духовно-нравственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам»².

В условиях переходного состояния глобализирующегося мира, когда формирующееся «общество риска» привносит новые параметры (риски «высокой современности», которые были неизвестны прежним эпохам), «этатистская» модель политической модернизации России, на наш взгляд, может быть наиболее адекватно воспринята большинством представителей различных поколенческих когорт. При этом следует подчеркнуть, что общественное сознание как важнейший фактор развития во всех его формах, в том числе и политической модернизации, свидетельствует о ведущей роли общественных (гражданских) институтов в этих процессах. Принудительная модернизация, какими бы обстоятельствами она ни была вызвана, раскалывает общество, ставя под сомнение достижение поставленной конечной цели. Однако в рамках «этатистской» модели речь идет о руководящей и организующей роли государства и о его непосредственном участии в модернизационном процессе, а не усилении (максимизации) репрессивных функциональных составляющих. «Этатистская» модель политической модернизации опирается на «генеральный код развития» «сильного государства» (не в милитаристском, а в структурном смысле), выработанного на протяжении всей отечественной истории. При этом государственное воздействие на гражданские институты состоит в актуализации поиска консенсуса и согласовании важнейших

сторон модернизационного процесса между его ведущими акторами, а также общества в целом.

Следовательно, «этатистская» модель модернизации предполагает, с одной стороны, структурное и функциональное осовременивание российского государства как политического института, а с другой – выработку специфических механизмов взаимодействия власти и гражданского общества, поиска согласования различных интересов. Суть данной модели состоит в создании условий для формирования открытого общества, где государство выступает политической гарантией действительной альтернативы отсталости и неустойчивому развитию страны. Именно реальный суверенитет и сильное государство во многом позволят обезопасить российское общество от вмешательства со стороны сил, которыми движет соблазн определять внутреннюю и внешнюю политику других стран.

В этих условиях основными факторами модернизации политического пространства современной России являются гражданская идентичность и патриотизм. Гражданская идентичность есть важнейшая характеристика политического сознания человека, включающего в себя систему социокультурных принципов, на основе которой сообщество граждан того или иного государства оценивается как объект социального служения, ответственности, солидарных действий. Она выступает важнейшим механизмом социализации личности, проявляющейся в отождествлении индивида с определенной государственно-политической общностью; способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, присущих членам сообщества, принятию в качестве собственных групповых целей, социальных ролей, установок, идеалов. Это помогает организовать и сплотить индивидов, сориентировать их в изменяющемся мире. Выражая принадлежность человека к данной стране, к данной национальной среде, гражданская идентичность формирует в человеке сознание и ощущение своей слитности с ними и одновременно обособляет его от представителей других государственных общностей.

Осознание человеком сопричастности к определенному государству, к сообществу граждан является основой политической жизни и гражданской позиции. Посредством гражданской идентичности усваиваются и транслируются нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и обряды народа, осуществляется влияние на формирование национально обусловленного мировосприятия. Гражданская идентичность развивается и изменяется в процессе социально-исторических перемен, характеризуя определенную ступень роста политического самосознания индивидов.

Утрата гражданской идентичности порождает серьезные проблемы, связанные с глубоким отчуждением общества от государства, ощущением распада, нестабильности человеческого бытия, с формированием гражданского обще-

ства, которое не существует без опоры на устои, сложившиеся в рамках политической культуры. Как показывает история, когда в обществе ослабевают национальная и гражданская идентичность, начинаются исторические болезни: смуты, самозванство, экономическое запустение, проигранные войны. Идентичность защищает государство, нацию, культуру, с одной стороны, от энтропийных процессов, а с другой – от экспансии и поглощения другими государствами, нациями, культурами.

Проблема идентификации (особенно это касается гражданской и национальной) в настоящее время стала проблемой осознанного выбора. Если государство не сможет удовлетворить запросы и потребности человека, в открытых обществах существует возможность изменения им своего гражданского статуса. Вопрос о гражданском самоопределении, о выборе наиболее значимых политических ориентаций и ценностей возникает, когда появляется необходимость осмысления человеком, обществом, государством своего места в глобализирующемся мире. Это осмысление детерминирует выбор гражданской принадлежности, который осуществляется исходя из экономических, политических и социокультурных предпочтений индивида, что придает выбору изменчивый и ситуационный характер. Чем шире и глубже культурные контакты между разными государствами, тем многообразнее переживания гражданами своей идентичности. Отношение индивида к государству, которое может существенно изменяться и пересекаться с другими идентичностями, предполагает не только принадлежность, но и критическую рефлексию по этому поводу. Помимо этого, идентификация предполагает активность самосозидания: не просто уподобление человека определенной символической структуре, а работу по конституированию и себя, и структуры, относительно которой происходит это уподобление.

Проблема гражданской идентичности тесно связана с проблемами гуманизации общественных отношений, исторической памяти, закономерностей устойчивого развития общества и духовно-нравственного развития личности. Ее можно решить на пути эффективной организации многогранного российского социокультурного опыта. Современные формы этого опыта являются более изменчивыми, и их трансформация происходит на протяжении жизни одного поколения, что приводит к необходимости постоянной корректировки идеалов, ценностей и моделей формирования национального самосознания. Пока у России сохраняются реальные возможности найти свой «особый путь» развития и модернизации, отстаивать свои национальные интересы, переосмыслить «русскую идею», остается надежда на благоприятный выход из кризиса социальной идентичности. При этом важно учитывать характерные особенности российского национального самосо-

знания, которые обусловлены неповторимостью исторического развития страны и судьбы русского народа, его культуры, языка, образа жизни, менталитета, религиозным и этническим факторами, необъятностью территории.

Высший уровень гражданской идентичности выражается в патриотическом отношении человека к своей стране. Патриотизм выступает как основной социально-психологический компонент гражданской идентичности. Патриотизм (с греческого переводится как земля отцов, место рода) – иммунная система народа. Он проявляется в добросовестном исполнении гражданских обязанностей и долга перед своим народом, в уважении к историческому прошлому своей страны, в гордости за достижения своих сограждан, в желании отстаивать честь и достоинство своего государства. Патриотическое чувство, в котором выражается привязанность человека к родной земле, традициям, закреплялось веками в сознании народа. Идея патриотизма, служения Родине становится доминирующей в русской политической культуре начала XIX в., постепенно вытесняя идею служения государю. Патриотическое поведение выступало критерием оценки нравственных качеств личности, ее значимости и социального статуса.

Выражая принадлежность человека к данной стране, к данной социальной среде, идея патриотизма формирует в человеке сознание и ощущение своей слитности с ними и одновременно обособляет его от представителей других национально-культурных общностей. Здесь возникает проблема различия характера отношения человека к своей стране и другим странам. Не соглашаясь с идеей «национального альтруизма» Вл. Соловьева, С. Н. Булгаков писал, что любовь к родине «не должна быть самоутверждающейся в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она не может не быть исключительной»³.

Патриотизм предстает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством и действующей в интересах его возрождения и надежной защиты. Выступая важнейшим мотивом социально значимой и нравственной деятельности личности и фактором консолидации общества, идея патриотизма способствует осознанию единства нации, пониманию уникальности и ценности ее исторического развития, сохранению самобытности русской культуры. Патриотизм представляет собой своего рода идеологический фундамент общественного и государственного здания, нравственно-политическую опору его жизнеспособности, одно из основных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

Таким образом, на сегодняшний день доминирующими цивилизационными процессами,

несомненно, являются процессы глобализации и политической модернизации. Глобализация как процесс нивелирования национально-культурных ценностей должна быть ограничена внутренним духовным содержанием русской нации. Основанием этого может стать национальная идея, наполненная позитивным гражданским и патриотическим содержанием, которая будет формировать духовно-культурную границу, препятствующую исчезновению национальных особенностей и способствующую сохранению российского культурного колорита, гражданской судьбы, социокультурного генотипа.

Российская гражданская идентичность – это неотъемлемый атрибут воспроизводства России в качестве суверенной и самодостаточной цивилизации, обеспечивающей достойные условия существования и саморазвития сообщества, выступающего в качестве суверенного и целостного организма. Гражданская идентичность становится важным инструментом воздействия на развитие (направление, ход) социальных процессов и механизмом формирования

и сохранения национального самосознания. В связи с этим необходима разработка современных программ сохранения самобытности гражданских ценностей и патриотических чувств как условия стабильности российской социальной системы.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы в рамках мероприятия 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

Примечания

- ¹ Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3. С. 50.
- ² Ильин И. А. О сильной власти // О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С. 280.
- ³ Булгаков С. Н. Нации и человечество // Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 647.

УДК 323 (470+571)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Д. С. Горелик

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitriy.goreli@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные изменения в политической системе России, которые отразились на модернизационных преобразованиях.

Ключевые слова: политическая модернизация, политико-правовая система, правовое государство.

Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia

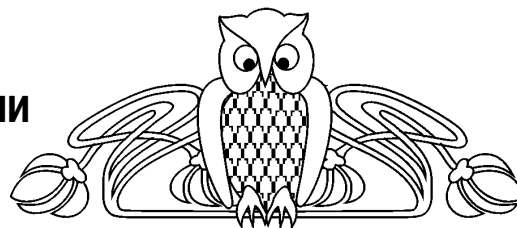
D. S. Gorelik

The article considers institutional changes in political system of Russia, which have an effect on modernization transformation.

Key words: political modernization, political-legal system, legal state.

Среди важнейших стратегических целей политической модернизации российского общества заявлено становление правовой государственности.

В 1990–2000-е гг. произошли радикальные преобразования не только в экономике, но и в политико-правовой системе страны. Самым принципиальным изменением в системе государственной власти периода Новейшей истории стало введение в 1991 г. поста Президента РСФСР и соответствующее перераспределение властных функций

между различными ветвями власти. Несмотря на то, что Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный Совет сохраняли широкие полномочия в области законодательной деятельности, определение внутренней и внешней политики, принятие решений по вопросам государственного устройства и т. д., многие их прежние права, включая подписание и обнародование законодательных актов, формирование правительства и назначение его председателя, контроль за его деятельностью отошли к Президенту РСФСР как высшему должностному лицу в Российской Федерации.

Подобное перераспределение полномочий в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной властей. Именно данный факт привел в октябре 1993 г. к открытому конфликту, завершившемуся роспуском Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и ликвидацией системы Советов.

Все институциональные изменения были закреплены в нормативно-правовых актах. При-

несомненно, являются процессы глобализации и политической модернизации. Глобализация как процесс нивелирования национально-культурных ценностей должна быть ограничена внутренним духовным содержанием русской нации. Основанием этого может стать национальная идея, наполненная позитивным гражданским и патриотическим содержанием, которая будет формировать духовно-культурную границу, препятствующую исчезновению национальных особенностей и способствующую сохранению российского культурного колорита, гражданской судьбы, социокультурного генотипа.

Российская гражданская идентичность – это неотъемлемый атрибут воспроизводства России в качестве суверенной и самодостаточной цивилизации, обеспечивающей достойные условия существования и саморазвития сообщества, выступающего в качестве суверенного и целостного организма. Гражданская идентичность становится важным инструментом воздействия на развитие (направление, ход) социальных процессов и механизмом формирования

и сохранения национального самосознания. В связи с этим необходима разработка современных программ сохранения самобытности гражданских ценностей и патриотических чувств как условия стабильности российской социальной системы.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы в рамках мероприятия 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

Примечания

- ¹ Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3. С. 50.
- ² Ильин И. А. О сильной власти // О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С. 280.
- ³ Булгаков С. Н. Нации и человечество // Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 647.

УДК 323 (470+571)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Д. С. Горелик

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitriy.goreli@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные изменения в политической системе России, которые отразились на модернизационных преобразованиях.

Ключевые слова: политическая модернизация, политико-правовая система, правовое государство.

Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia

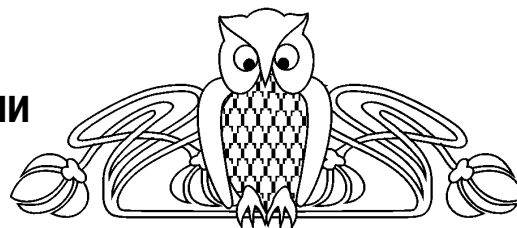
D. S. Gorelik

The article considers institutional changes in political system of Russia, which have an effect on modernization transformation.

Key words: political modernization, political-legal system, legal state.

Среди важнейших стратегических целей политической модернизации российского общества заявлено становление правовой государственности.

В 1990–2000-е гг. произошли радикальные преобразования не только в экономике, но и в политико-правовой системе страны. Самым принципиальным изменением в системе государственной власти периода Новейшей истории стало введение в 1991 г. поста Президента РСФСР и соответствующее перераспределение властных функций

между различными ветвями власти. Несмотря на то, что Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный Совет сохраняли широкие полномочия в области законодательной деятельности, определение внутренней и внешней политики, принятие решений по вопросам государственного устройства и т. д., многие их прежние права, включая подписание и обнародование законодательных актов, формирование правительства и назначение его председателя, контроль за его деятельностью отошли к Президенту РСФСР как высшему должностному лицу в Российской Федерации.

Подобное перераспределение полномочий в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной властей. Именно данный факт привел в октябре 1993 г. к открытому конфликту, завершившемуся роспуском Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и ликвидацией системы Советов.

Все институциональные изменения были закреплены в нормативно-правовых актах. При-

нятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г., как важнейший этап в процессе политической модернизации, позволяет утверждать, что в результате ускоренной модернизации демократическая Конституция была введена авторитарными методами.

Конституция разрабатывалась и принималась в условиях жесткого противостояния сил старого порядка и формирующегося нового режима. Принятие Основного закона страны – несомненное достижение по сравнению с предшествующим этапом трансформации политического режима государства¹. Россия стала определяться как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ч. 1 ст. 1), «светское» (ст. 14), а также «социальное» (ст. 7). Носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве провозглашался «многонациональный народ» (ст. 3).

В ходе радикальных преобразований экономики и соответствующей трансформации политико-правовой системы сформировалась и была зафиксирована в соответствующих нормативно-правовых актах институциональная основа правового государства. Тем не менее, как показал посттрансформационный период жизни российского общества, сами по себе институциональные преобразования не привели к достижению всех заявленных целей по модернизации политической системы. Необходим долговременный процесс формирования соответствующих установок общественного сознания, изменения правового менталитета, развития правовой культуры, воспитания поколений с высоким правосознанием.

Модернизационные преобразования охватывают и экономическую, и политическую, и ценностную системы общества, этому процессу присущи ускорения и замедления. В России модернизация, как отмечают в своем исследовании В. И. Пантин и В. В. Лапкин, необычайно растянута во времени².

Другой особенностью институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать значимую и активную роль государства в инициировании и определении основных направлений этих изменений. Причем общество выступает здесь лишь как объект, а не как опора или стимул к изменениям.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Конституция 1993 г. стабилизировала российский политический процесс. Основные политические акторы, находясь в конституционно-правовом пространстве, оказывали различное влияние на развитие институтов.

Среди институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать многопартийность, институт президентства, двухпалатный парламент, Общественную палату. Однако нужно отметить, что некоторые из

названных институтов не обладают достаточной силой. Этот фактор не позволяет осуществлять в политике какие-либо долгосрочные стратегии. Слабые, неустойчивые институты побуждают различные элитные группы ориентироваться на реализацию краткосрочных и, главным образом, корпоративных целей. В таких системах, как правило, либо плохо прописан в законах, либо фактически не действует на практике институт политической ответственности. В основном все решения принимаются «наверху», но ответственность за плохие решения руководители спускают вниз, на других субъектов политики. Подобная схема хороша для самоподдержания системы, но абсолютно непригодна для осуществления политики модернизации.

С 2000-х гг. институты с формально-правовой точки зрения выглядят более устойчивыми и сильными. Но с точки зрения их влияния на процесс политической модернизации они минимизируются (обе палаты парламента, институт губернаторов и т.д.). Поэтому уровень слабой институционализированности остается прежним, хотя меняются параметры.

Изменения в политической системе 2004–2006 гг. затронули и партийную систему, и способ формирования Совета Федерации, произошел отказ от прямых выборов губернаторов. Все преобразования способствовали завершению формирования «вертикали власти»³.

Создание Государственного совета и Общественной палаты должно было способствовать более тщательному контролю со стороны общественности за готовящимися законопроектами. В реальной политической практике эти институты превратились в дополнительные инструменты, поддерживающие моноцентричную систему власти.

Основу функционирования политических систем демократического типа составляет политическая цепь подотчетности государственной власти гражданскому обществу. Особое влияние должна оказывать многопартийная система, которая обеспечивает политико-идеологическое структурирование общества в форме независимых объединений граждан. Партийная система, которая базируется на ограниченном количестве партий, имеющих вертикально-иерархическое построение, как правило, перестает эффективно выполнять функцию структуризации политического представительства общества во власти, особенно это касается подотчетности государственной власти гражданскому обществу⁴.

Это связано, по-видимому, и с отсутствием запроса на эффективную систему представительства интересов. Для партийной системы, в первую очередь, важен запрос на систему представительства интересов. Даже мировой финансовый кризис не привел к запросу на реально действующую многопартийную систему в стране. Реформа политической системы, которая

в некоторой степени позволяет в цикле 2011 г. участвовать большому количеству партий в выборах в Государственную думу и региональные законодательные органы власти, сохраняет прежний формат функционирования политических институтов. Это обусловлено проблемой доступа на политический рынок, поскольку политический контроль за федеральными и региональными телеканалами исключает допуск к телеэфиру политически нелояльных акторов⁵.

Запаздывание модернизационных преобразований в политической системе России показывает сложность и противоречивость происходящих институциональных трансформаций. Главным фактором, от которого зависит достижение заявленных целей, является деятельность центральных институтов власти и управления. Именно базовые политико-управленческие структуры смогут побудить общество работать в направлении новых целей.

УДК 316.342.5

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ М. А. БАКУНИНА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются особенности социологических воззрений одного из идеологов социологии народничества М. А. Бакунина на одну из ведущих страт современного общества – политическую элиту. Выявляется специфика взглядов мыслителя на роль в обществе политической элиты и дается характеристика его взглядов на прообраз политической элиты, который должен сформироваться в будущем.

Ключевые слова: элита, политическая элита, правящая элита, народничество, политический авторитет, государство.

M. A. Bakunin's Sociological Approach to Political Elite

D. V. Pokatov

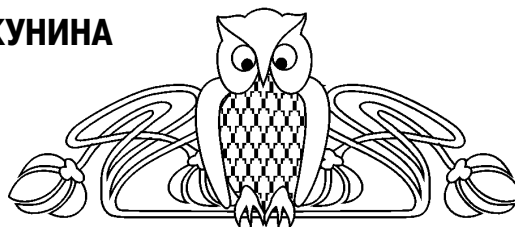
The paper considers some features of M.A. Bakunin's sociological views (one of the populism sociology ideologists) on one of the leading strata of the modern society, i.e. the political elite. The specifics of the thinker's sociological views on the political elite's role in the society are revealed and his views on a political elite prototype to be formed in the future are characterized.

Keywords: elite, political elite, ruling elite, populism, political authority, state.

Социологические воззрения одного из идеологов русского анархизма М. А. Бакунина не так часто становились предметом специального исследования. Однако и здесь нельзя не согласиться с мнением современного исследователя творчества Бакунина И. А. Климова, что он поднимал в

Примечания

- ¹ См.: Медушевский А. Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Проблемы становления гражданского общества в России : материалы науч. семинара. Вып. 3. М., 2003. С. 41.
- ² См.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 41.
- ³ См.: Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг. : причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1. С. 107.
- ⁴ См.: Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 49.
- ⁵ См.: Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации : проблемы и перспективы // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 21. 2010. № 3. С. 15.

своих трудах весьма актуальные и для настоящего времени проблемы – общественной мобилизации и структурной предопределенности действий, инициативы и подчинения, гражданской солидарности и привилегированности, развращенной властными возможностями¹.

На первый взгляд может создаться представление о правомерности рассмотрения воззрений Бакунина на проблему политической элиты, поскольку он (как и П. А. Кропоткин, и многие другие представители данного направления) выступал против самой сферы деятельности политической элиты и даже отрицал саму «власть немногих», как это делал П. А. Кропоткин в «Речах бунтовщика», где он заявлял, что «она уже отжила свое время»². Вместе с тем, думается, данное суждение не совсем соответствует реальности и не отражает всего комплекса взглядов ученого.

Несмотря на свой антиэтатизм, М. А. Бакунин, практически как и все видные представители социологии народничества, обращался в ряде своих работ к вопросу о природе неравенства в обществе, давал оценку роли современной им элиты и стремился выявить своеобразный «идеальный тип» будущей политической элиты.

Одним из главных положений доктрины М. А. Бакунина является идея о необходимости уничтожения всякой государственности, пред-

в некоторой степени позволяет в цикле 2011 г. участвовать большому количеству партий в выборах в Государственную думу и региональные законодательные органы власти, сохраняет прежний формат функционирования политических институтов. Это обусловлено проблемой доступа на политический рынок, поскольку политический контроль за федеральными и региональными телеканалами исключает допуск к телеэфиру политически нелояльных акторов⁵.

Запаздывание модернизационных преобразований в политической системе России показывает сложность и противоречивость происходящих институциональных трансформаций. Главным фактором, от которого зависит достижение заявленных целей, является деятельность центральных институтов власти и управления. Именно базовые политико-управленческие структуры смогут побудить общество работать в направлении новых целей.

УДК 316.342.5

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ М. А. БАКУНИНА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются особенности социологических воззрений одного из идеологов социологии народничества М. А. Бакунина на одну из ведущих страт современного общества – политическую элиту. Выявляется специфика взглядов мыслителя на роль в обществе политической элиты и дается характеристика его взглядов на прообраз политической элиты, который должен сформироваться в будущем.

Ключевые слова: элита, политическая элита, правящая элита, народничество, политический авторитет, государство.

M. A. Bakunin's Sociological Approach to Political Elite

D. V. Pokatov

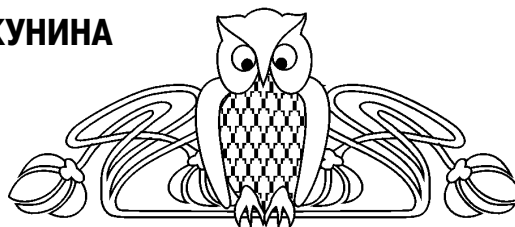
The paper considers some features of M.A. Bakunin's sociological views (one of the populism sociology ideologists) on one of the leading strata of the modern society, i.e. the political elite. The specifics of the thinker's sociological views on the political elite's role in the society are revealed and his views on a political elite prototype to be formed in the future are characterized.

Keywords: elite, political elite, ruling elite, populism, political authority, state.

Социологические воззрения одного из идеологов русского анархизма М. А. Бакунина не так часто становились предметом специального исследования. Однако и здесь нельзя не согласиться с мнением современного исследователя творчества Бакунина И. А. Климова, что он поднимал в

Примечания

- ¹ См.: Медушевский А. Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Проблемы становления гражданского общества в России : материалы науч. семинара. Вып. 3. М., 2003. С. 41.
- ² См.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 41.
- ³ См.: Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг. : причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1. С. 107.
- ⁴ См.: Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 49.
- ⁵ См.: Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации : проблемы и перспективы // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 21. 2010. № 3. С. 15.

своих трудах весьма актуальные и для настоящего времени проблемы – общественной мобилизации и структурной предопределенности действий, инициативы и подчинения, гражданской солидарности и привилегированности, развращенной властными возможностями¹.

На первый взгляд может создаться представление о правомерности рассмотрения воззрений Бакунина на проблему политической элиты, поскольку он (как и П. А. Кропоткин, и многие другие представители данного направления) выступал против самой сферы деятельности политической элиты и даже отрицал саму «власть немногих», как это делал П. А. Кропоткин в «Речах бунтовщика», где он заявлял, что «она уже отжила свое время»². Вместе с тем, думается, данное суждение не совсем соответствует реальности и не отражает всего комплекса взглядов ученого.

Несмотря на свой антиэтатизм, М. А. Бакунин, практически как и все видные представители социологии народничества, обращался в ряде своих работ к вопросу о природе неравенства в обществе, давал оценку роли современной им элиты и стремился выявить своеобразный «идеальный тип» будущей политической элиты.

Одним из главных положений доктрины М. А. Бакунина является идея о необходимости уничтожения всякой государственности, пред-

ставляющей изначально и объективное зло. При этом, по его мнению, любое государство, даже самое демократическое, способно быть весьма деспотичным, поскольку может отрицать индивидуальную свободу³. Один из главных недостатков государства виделся ему в централизации и росте бюрократизма. Данное положение, как справедливо отмечает Н. М. Пирумова, сближает взгляды М. А. Бакунина с П. Ж. Прудоном и левыми прудонистами, также выступавшими главным образом против всевластия бюрократии и централизации государства⁴.

Выступая против государства, М. А. Бакунин также отмечал, что оно возводит в принцип положение о необходимости (для поддержания общественного устройства) верховного авторитета власти вождя, который должен принадлежать «гениальному и добродетельному человеку», законодателю, какими были Моисей, Ликург и Солон⁵.

Несмотря на негативную оценку государства и институтов власти, ученый не отвергал необходимости авторитета как основы элиты будущего. В одном из своих произведений Бакунин отмечал, что преклоняется перед авторитетом специалистов, который внушен ему его «собственным разумом». При этом он отрицал постоянство авторитета, считая, что «всякий является авторитетным руководителем и всякий управляет в свою очередь. Следовательно, отнюдь не существует закрепленного и постоянного авторитета, но постоянный обмен власти и подчинения, временный и, что особенно важно, – добровольный». Постоянный авторитет отсутствует прежде всего потому, что нет универсального человека «способного охватить все науки, все ветви социальной жизни»⁶.

В представлении мыслителя, в современных ему государствах подлинный авторитет как отдельных представителей элиты, так и в целом данного слоя отсутствует. Это связано, по его мнению, с тем, что, с одной стороны, «в числе самых великих гениев до сих пор мало было таких, которые действительно сделали что-нибудь для народа»⁷. Гении народа являлись чрезвычайно аристократичными, и все, что они сделали до сих пор, «послужило только к образованию, усилению и обогащению эксплуатирующего меньшинства». Самые великие гении, как справедливо отмечает мыслитель, «не приносили и не могли приносить нового содержания обществу, а, созданные самим обществом, они, продолжая и развивая многовековую работу, принесли и приносят только новые формы для того же содержания, беспрестанно вновь возрождающегося и расширяющегося самим движением общественной жизни»⁸.

Как и отдельные представители меньшинства общества, все оно зачастую также лишено необходимых источников авторитета. Критикуя современную ему элиту, М. А. Бакунин утверждал, что «удовлетворение народной страсти и народных требований для классов имущих и управляющих

решительно невозможно, поэтому остается одно средство – государственное насилие»⁹.

В некоторых своих произведениях он справедливо отмечает присущую правящим слоям общества аморальность, отрыв от народных интересов, а в ряде случаев и значительную долю коррумпированности. В одной из своих работ он замечает: «Коррупция ... вовсе не изобретение бонапартизма; она возникла с появлением первого в истории политического государства, но именно в наши дни стала политическим институтом государства. Впрочем, никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как средству управления, ни одно государство не могло в достаточной степени укрепиться благодаря урегулированию интересов классов, представителем и защитником которых оно являлось»¹⁰.

Данный факт отражает ситуацию, сложившуюся не только в XIX – начале XX в., но и весьма характерен для современного состояния развития российского общества. Так, в середине 90-х гг. прошлого века, по оперативным данным, каждая седьмая группировка, принадлежавшая к российским организованным преступным сообществам, имела подкупленных чиновников в органах власти и направляла на эти цели значительные суммы денег. Если в 1980-х гг. криминальный мир тратил на коррумпированных чиновников 35% от «заработанного» (по другим данным, значительно больше), то в 1995 г. – уже 50%¹¹.

В последние годы теневые доходы некоторых российских чиновников составляли почти половину доходов государственного бюджета страны¹².

Не лучше обстояли дела и на региональном уровне. Так, в частности, в Саратовской области, по словам бывшего прокурора области Е. Григорьева, в 2006 г. было выявлено более 200 преступлений коррупционной направленности. В результате 25 глав органов местного самоуправления и депутатов различных уровней были привлечены к уголовной ответственности. В 2009 г. выявлено 66 случаев взяточничества среди должностных лиц, из которых 36 являлись сотрудниками муниципальных органов, 25 – федеральных, 5 – государственных органов областного уровня¹³.

В марте 2006 г. 14 из 31 депутата городской думы г. Твери во главе с ее председателем В. Почтаревым были предъявлены обвинения в получении взяток на сумму 4,3 млн рублей от компании «Тверские коммунальные системы»¹⁴.

Все сказанное позволяет говорить о рациональной природе социальной теории М. А. Бакунина, его стремлении к обоснованному, объективному анализу роли элитных групп в жизни общества.

Несомненной заслугой мыслителя является не только критический анализ сущности и роли правящих слоев современного ему общества. В своих работах он также одним из первых показал опасность появления сплоченной, авто-

ритарно ориентированной политической элиты социалистического общества. Бакунин отрицает саму идею народного государства, представленную в трудах К. Маркса и Ф. Лассаля. По его мнению, «если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать?», и продолжая рассуждения, справедливо замечает: «...значит останется ещё другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству». Далее он констатирует, что «если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства»¹⁵.

По мнению ученого, в теории «народного государства» представителей марксизма «народное» управление неизбежно выродится в управление «небольшого числа представителей, избранных народом». И хотя, замечает Бакунин, марксисты утверждают, что это меньшинство будет состоять из работников, однако это бывшие работники, которые, как «только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»¹⁶.

Последующая историческая практика реального социализма в СССР подтвердила точность прогноза М. А. Бакунина о том, что «мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых»¹⁷. Мыслитель отвергает выдвигаемую в трудах представителей марксистского направления идею о временности такого политического порядка, как диктатура пролетариата, считая, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя. Кроме того, «диктатура была способна породить в народе лишь рабство, привычку подчиняться приказам центральной власти, что тоже отнюдь не будет способствовать отмиранию государственности»¹⁸.

Марксистской идее диктатуры пролетариата ученый противопоставляет идею анархии, или вольной организации рабочих масс снизу вверх, которая есть окончательная цель общественного развития. Это устройство является в его понимании антиподом государства, которое в различных

вариантах есть ярмо и порождает, с одной стороны – деспотизм, а с другой – рабство.

В целом, хотя М. А. Бакунин и не создал (вследствие приверженности основным постулатам анархистской теории) системной концепции политической элиты, можно без преувеличения сказать, что его взгляды послужили в дальнейшем основой для формирования такого оригинального направления в отечественной социологической науке, как теория контрэлиты, которая стала развиваться в трудах мыслителей, принадлежащих к различным, иногда диаметрально противоположным школам и направлениям.

Примечания

- ¹ См.: *Климов И. А.* Анархия как общественное устройство в доктрине М. А. Бакунина // Социс. 2001. № 10. С. 108.
- ² *Кропоткин П. А.* Речи бунтовщика. Пг.; М., 1921. С. 11.
- ³ См.: *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика.* М., 1989. С. 89.
- ⁴ См.: *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990. С. 142.
- ⁵ См.: *Бакунин М. А.* Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 89.
- ⁶ *Бакунин М. А.* Избранные сочинения : в 5 т. М., 1919. Т. 2. С. 168.
- ⁷ *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика.* С. 510.
- ⁸ Там же. С. 510–511.
- ⁹ Там же. С. 314.
- ¹⁰ *Бакунин М. А.* Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности // *Вопр. философии.* 1990. № 12. С. 59.
- ¹¹ См.: *Мухин А. А.* Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М., 2003. С. 79.
- ¹² См.: *Константинов А.* Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 8.
- ¹³ См.: *Вольская В.* Системное противодействие // *Сарат. обл. газ.* 2009. 16 сент.
- ¹⁴ См.: *Коммерсант-Власть.* 2008. № 40. С. 18.
- ¹⁵ *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. С. 482.
- ¹⁶ Там же. С. 483.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Борисенок Ю. А., Олейников Д. И.* М. А. Бакунин // *Вопр. истории.* 1994. № 3. С. 71.

УДК 316+929

ФОРМАТ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ? (историографические заметки)

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается более чем вековая историография взглядов Н. Г. Чернышевского на способ изменения общественной жизни России.

Ключевые слова: взгляды Н. Г. Чернышевского, историография, революция, эволюция, социальное изменение.

**Format of Social Change in N. G. Chernyshevsky's
Creativity: Evolution or Revolution? (Historiographic Notes)**

Ya. A. Nikiforov

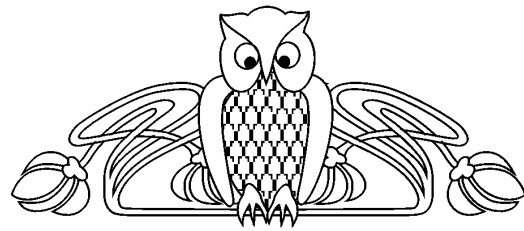
In article historiography of views of N. Chernyshevsky for a way of change of social life of Russia is considered.

Key words: N. G. Chernyshevsky's views, historiography, revolution, evolution, social change.

Литература об Н. Г. Чернышевском, посвящённая сути заявленной проблемы, делится на три неравнозначные по объёму, но концептуально различные группы. Условно назовём их досоветская, советская и постсоветская. Первая – книги, написанные до 1930-х гг. Дискуссия о радикальности социального настроения творчества мыслителя носила полемичный характер, не ограниченный до поры никакими рамками. Трудность, однако, заключалась (и сегодня заключается) в том, что труды Чернышевского являются плодотворной почвой как для заключений о его революционности, так и для выводов о пропаганде им мирного общественного пути развития России.

К числу наиболее значимых сочинений обозначенного периода можно отнести работы Р. В. Иванова-Разумника, А. А. Корнилова, Н. Денисюка (считавших его приверженцем реформ) и Ю. М. Стеклова, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина (признававших революционный пафос творчества Чернышевского).

А. А. Корнилов объективно характеризовал Чернышевского как социалиста, но революционером никогда не признавал, ибо из основополагающих идей мировоззрения мыслителя этого не видно. Радикальный дух статей демократа он объяснял тем, что адресованы они были широким кругам общественности. Ими Чернышевский надеялся сформировать мощное оппозиционное движение, давление которого на власть могло бы вынудить ее к серьезным основательным рефор-

мам. Говоря о начале царствования Александра II, Корнилов отметил, что, объединенные надеждами на молодого, прогрессивно мыслящего царя, все представители российской общественной мысли выражали «полное единодушие, и Чернышевский охотно протягивал руку для совместной и единомышленной деятельности и славянофилам, ... и своим петербургским собратам»¹, и в то время он не хотел чрезвычайно решительных мер, веря в намерения императора провести коренные преобразования. Корнилов не осуждал его за радикализм в вопросе отмены крепостного права, ибо сам видел, что требования передовых общественных групп России, причем не только радикального лагеря, переросли предложения правительства, а объявление воли в марте 1861 г. не удовлетворяло самих крестьян, не говоря уже о радикальных кругах общества. По мнению Корнилова, преувеличенное представление о готовности народных масс к активному выступлению погубило Чернышевского².

Соглашаясь с распространенным среди общественности мнением о невинности Чернышевского, Н. Денисюк утверждал, что он никогда не был революционером «в вульгарном смысле этого слова» и даже правительственные репрессии и полицейский разгул вряд ли могли толкнуть его на революционную борьбу. «Его вера в торжество разума, его мирозерцание, прошедшее через школу утопистов, придававших исключительное значение просветлению ума людей, его отвращение ото всякого насилия, от всяческих грубых форм борьбы, его вера в конечное торжество справедливости, его объективный ум, ясный покой души, его философская натура, более склонная к исследованию и познанию, чем к хотению и революционной борьбе, наконец, его трезвый ум, подсказывавший ему, что политически зрелый элемент в русском обществе слишком слаб и малочислен, чтобы опираться на реальные соотношения сил, – никогда не могли сделать его никем иным, как только борцом в идейном смысле»³. Денисюк отрицает крайнюю революционность Чернышевского, приписанную ему в последующем. Чернышевский, указывает он, и сам прекрасно понимал, что его фигура кабинетного ученого и теоретика была бы смешна на баррикаде, с оружием в руках. Это, по его же словам, сделало бы его «бараном, который вздумал кричать козлом»⁴. Денисюк удачно назвал Чернышевского «революционером за письменным столом», чего власти боялись больше, чем баррикад.

Интересную позицию по отношению к Чернышевскому выработал Р. В. Иванов-Разумник. Он полагает, что Чернышевский не был социалистом-утопистом. До него эти идеи были разработаны В. Г. Белинским, петрашевцами и А. И. Герценом. Что же касается романа «Что делать?», то Иванов-Разумник считает, что тот был написан исключительно с пропагандистской целью⁵. Он предлагает обратиться к отзывам Чернышевского о системах утопического социализма в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Утопический социализм пережил сам себя; сражаться с ним в середине XIX века так же смешно, как, например, начать отечественную войну с идеями Вольтера; все это дела давно минувших дней, дела времен очаковских и покорения Крыма»⁶. Ставя дилемму – «Национальное богатство или народное благосостояние?», Чернышевский отмечает различие этих понятий, указав, что «нация» к «народу» относится так же, как и «право» к «распределению». Иванов-Разумник приводит мысль Чернышевского: «...мы всегда готовы стать на стороне той партии, которая успеет доказать, что ее решение вопроса сообразно с народным благосостоянием»⁷, но замечает, что мыслитель никогда не противопоставлял нацию народу и богатство благосостоянию. Его идеал – их гармоничное сосуществование. Если же национальное богатство и народное благосостояние противостоят друг другу, то выбор однозначно делался им в пользу последнего. Иванов-Разумник тщательно разбирает и характеризует теорию Чернышевского как народническую, останавливаясь на тех частностях, как, например, проблема национализации земли, чего требовал Чернышевский одновременно с освобождением крестьян. Отсюда и вера «в возможность для России миновать капиталистический фазис развития, вера в ее особый путь в буквальном значении этого слова»⁸.

В своей большой работе Ю. М. Стеклов сосредоточил основное внимание на выяснении исторического мировоззрения Чернышевского и говорил о нем как о деятеле, который в «материалистическом смысле» разрешал вопрос «между идеалами и действительностью... применял материалистический метод и к толкованию истории... во многих отношениях близко подошел к современному материалистическому пониманию истории»⁹.

Стеклов пишет, что Чернышевский «по нерешительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности» не принимал непосредственного участия в революционной борьбе, но знал о всех проявлениях ее, и с ним совещались и считались революционеры¹⁰.

Суждения о Чернышевском Г. В. Плеханова были несколько иными. Говоря об огромном влиянии его «на развитие нашей революционной интеллигенции»¹¹, главным пробелом в мировоззрении мыслителя он видел недооценку им роли пролетариата, классовой борьбы и неточное

определение экономических условий, по которым развивается Запад. Если бы все это Чернышевский выяснил верно, то «лучше оценил бы тогда историческую роль пролетариата»¹².

Плеханов же и заметил ту особенность воззрений Чернышевского, которая позволила впоследствии превратить его в главу революционного движения России середины XIX в., кем он не был и к чему не стремился. «Между Н. Г. Чернышевским и нынешними его будто бы последователями та огромная разница, что они относятся догматически к тому самому предмету, к которому он относился критически»¹³. К сожалению, Чернышевский был не властен над судьбой своих воззрений, исказившей его образ в последующие годы.

Значительное влияние на историографию оказала оценка В. И. Лениным Чернышевского как «русского великого социалиста домарковского периода», «гениального провидца»¹⁴. Ленин характеризовал Чернышевского как революционера, считая его предтечей русской социал-демократии. В книге «Что делать?» Ленин писал: «...мы хотим лишь указать, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»¹⁵.

В советской историографии 1930-х – конца 1980-х гг. ленинская концепция «Чернышевский – революционер» строго соблюдалась. Выходившие после середины 30-х гг. книги о нем отличались объемом и содержанием, но не суждениями. Литература оказалась вынужденной пойти по проторенному пути: Чернышевский неизменно представлялся как революционный демократ, который верил в решающую историческую роль народных масс в истории и в крестьянскую революцию.

Будучи типичным представителем авторского сообщества литературы того времени о Чернышевском, Б. И. Горев давал оценки с ленинской прямотой. Особенно им подчеркивалась революционность Чернышевского, который, по его мнению, «впервые поставил проблему крестьянского вооруженного восстания как очередную и притом практическую задачу, требовавшую не только политической, но и военно-технической подготовки». Поэтому он был не только идейным вождем целого поколения революционеров, «не только готовил штаб будущей революции, но и сам обнаруживал, несомненно, задатки практического политического вождя»¹⁶. Испытывая на себе его огромное и общепризнанное идейное руководство, «отдельные революционеры и руководители революционных кружков, несомненно, в ряде случаев советовались с Чернышевским, обсуждали с ним те или иные планы и революционные перспективы»¹⁷.

В книге С. А. Покровского есть глава, которая, исходя из названия («Реформа и революция»), должна была прояснить, как Чернышевский разрешает это дихотомическое противоречие. Но автор сосредоточился на том, чтобы «дать отпор реакционной литературе, стремящейся представить Н. Г. Чернышевского сторонником мирного развития». Резюме не отличается новизной: «В практической деятельности и литературном творчестве Чернышевского ... основное – это вера в народную революцию, ожидание и подготовка её»¹⁸.

Своеобразным «прорывом» в исследовании творчества Чернышевского стал период конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. Советская историческая наука тогда обрела на некоторое время новое дыхание, и изучение мировоззрения мыслителя пошло более оживленно. Градус радикализма Чернышевского в интерпретации исследователей немного снизился. Значительное место анализу его программы отвел в своей работе об общественном движении 60–70-х годов XIX в. Ш. М. Левин. Он показывает Чернышевского как убежденного сторонника общинного землевладения, поскольку, во-первых, в нем он видел средство против пролетаризации крестьянства, во-вторых, рассматривал его как институт, способный в будущем облегчить переход России к социалистическому обществу. Не было у Чернышевского враждебного и пренебрежительного отношения к либерализму, указывает Левин. Русский демократ объективно оценивал идеи своих противников и, если находил в них действительно ценные и интересные позиции, то всегда акцентировал на них внимание¹⁹.

Тем не менее, литература 1970–1980 гг. о Чернышевском возвращается к унылому обсуждению темы революционного представления мыслителя о формате изменения общественной жизни. Из книги в книгу он «обосновывал революционно-демократическую концепцию исторического процесса». Например, из статьи Л. Г. Олева можно в очередной раз узнать, что «излагая свои представления о перспективах развития России, он связывает их ... с неодолимым ожиданием близкой революции»²⁰.

Литература постсоветского периода представлена в большей степени спекулятивными репликами в адрес Н. Г. Чернышевского, причём совершенно различного толка. Авторы в своём желании дистанцироваться как можно дальше от основных установок советской идеологии доходят до совершенно крайних оценочных полюсов. Только два примера: «Чернышевский – аутист, бредущий на ощупь в испарениях собственного воображения»²¹; «Н. Г. Ч., по сути дела, дал русскому обществу систему глубоко христианских ценностей, секуляризованных в современной ему позитивистской одежде»²².

Из крупных специальных работ, касающихся существа рассматриваемого вопроса, можно назвать только монографию В. Ф. Антонова. В книге

осуществлен капитальный (и очень далекий от традиции) пересмотр политических, социально-экономических и исторических взглядов Чернышевского, который, по мнению автора, считал «лучшей формой административно-политического устройства страны» федерацию, «основанную на самоуправлении». Причем Чернышевским «отвергнута идея насилия как средства общественного преобразования. Старые общественные отношения должны быть реформированы сверху... Чернышевский в этом деле целиком полагался на просвещенного и проводящего реформы монарха»²³.

Совершенно очевидно, что более чем столетняя историография Чернышевского в силу разнообразных причин так и не дала окончательного ответа на вопрос, считал ли он революцию или мирный путь предпочтительным в деле переустройства России. Большим подспорьем для исследования взглядов мыслителя сегодня является то, что практически всё, им написанное, опубликовано в годы советской власти. Полное шестнадцатитомное Собрание сочинений Чернышевского, изданное в 1939–1953 гг., представляет собой исчерпывающую документальную базу, позволяющую разобраться, каковы были его истинные взгляды на способ изменения общественной жизни.

Примечания

- ¹ Корнилов А. А. Чернышевский и крестьянская реформа // Русская мысль. 1910. Кн. 1. С. 2.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Денисюк Н. Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения. М., 1908. С. 98.
- ⁴ Там же. С. 150.
- ⁵ См.: Иванов-Разумник Р. В. Герцен и Чернышевский // Критическая литература о произведениях Н. Г. Чернышевского. М., 1908. С. 161.
- ⁶ Там же. С. 162.
- ⁷ Там же. С. 163.
- ⁸ Там же. С. 171.
- ⁹ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность (1828–1889). СПб., 1909. С. 132.
- ¹⁰ Там же. С. 383–391.
- ¹¹ Плеханов Г. В. Несколько слов в защиту экономического материализма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 219.
- ¹² Там же. С. 144.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 138.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. Т. 31. С. 52 ; Т. 1. С. 264.
- ¹⁵ Там же. Т. 5. С. 342.
- ¹⁶ Горев Б. И. Н. Г. Чернышевский. Мыслитель и революционер. М., 1934. С. 100.
- ¹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸ Покровский С. А. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952. С. 264.

- ¹⁹ См.: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958. С. 121.
- ²⁰ Олех Л. Г. На пути от утопического к научному социализму // Н. Г. Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980. С. 91.
- ²¹ Бойко М. Со дня рождения Николая Чернышевского –

180 лет // НГ Ex Libris. Приложение к «Независимой газете». 2008. 7 окт.

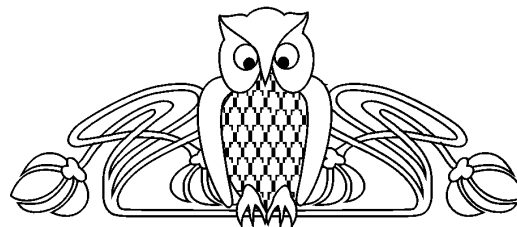
- ²² Кантор В. Срубленное древо жизни // Октябрь. 2000. № 2.
- ²³ Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский : общественный идеал анархиста. М., 2000. С. 194.

УДК 316.334.2

ЗАЕМНЫЙ ТРУД И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Р. Р. Злобин

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: ruslan.zlobin.87@mail.ru

В статье рассматривается одна из форм гибкого рынка труда – заемный труд по лизинговой схеме. Сопоставлены экономические причины этой формы и ее социальные последствия. Представлено отрицательное отношение профсоюзов к быстрому распространению заемного труда в России. Сделан вывод, что такое распространение разрушает систему социальной защиты наемных работников.

Ключевые слова: заемный труд, лизинг персонала, профсоюзы, социальная защита, трудовые отношения.

Clause: Extra Work and Social Protection of Hired Workers

R. R. Zlobin

In article examine one of forms of a flexible labour market – extra work under the leasing scheme is considered. The economic reasons of this form and its social consequences are compared. The negative attitude of trade unions to fast distribution of extra work is presented to Russia. It is drawn a conclusion, that such distribution destroys system of social protection of hired workers.

Key words: extra work, leasing of the personnel, trade unions, social protection, labour attitudes.

Реальная проблема, возникающая в результате усиления гибкости системы трудовых отношений, состоит в поиске оптимального баланса между экономической эффективностью и сохранением основных трудовых прав работников, их социальной защищенностью. Отражением стремления разрешить эту проблему стало распространение термина «flexicurity», представляющего собой соединение понятий «flexibility» (гибкость) и «security» (сохранение достигнутого уровня социальных прав). По мнению современных исследователей, в России (как, впрочем, и в других странах) распространена нестандартная занятость, которая может включать: неполную занятость; сверхурочную занятость; временную занятость (на основе договоров, рассчитанных на определенный срок); случайную занятость; занятость на основе договоров гражданско-правового характера; занятость в компаниях, осуществляющих лизинг персонала; вторичную занятость; неформальную занятость, занятость в домашних

хозяйствах населения¹. Неформальная занятость обеспечила максимально гибкую адаптацию российского рынка труда к экономическим потрясениям 1990-х гг.

Заемный или лизинговый труд представляет собой разновидность «неустойчивой» занятости наряду с работой по срочным трудовым договорам, договорам подряда, возмездного оказания услуг и пр. Специфика заемного труда заключается в том, что работники нанимаются в коммерческую фирму (кадровое агентство) с целью предоставления их в распоряжение третьей стороны (предприятие), которая устанавливает им рабочие задания и контролирует их выполнение. В более упрощенном варианте содержание заемного труда определяется как финансовая аренда сотрудников – заключение договора о долгосрочной или краткосрочной аренде персонала, в соответствии с которым арендатор на протяжении оговоренного срока выплачивает лизинговой компании плату за временное владение и пользование услугами и компетенцией предоставленного персонала. Термин «заемный труд» часто применяется также в расширительном смысле, с включением работы по схеме аутсорсинга (outsourcing), когда компания передает какую-либо из своих функций, не являющуюся профильной, внешней организации. Однако, в отличие от схем заемного труда, предприятие-пользователь покупает услугу, а не труд конкретных работников, а работник состоит в относительно стабильных трудовых отношениях с другим работодателем, хотя трудится на территории предприятия-пользователя на его оборудовании и в его интересах. Например, охранные предприятия берут на себя обязанность охранять помещение, транспортные предприятия предоставляют услуги водителей, аудиторские фирмы берут на себя выполнение функций бухгалтерии и т. д. Что касается заемного труда, то услуги по его предоставлению предусматривают иные схемы, включающие посредника – кадровое агентство. Эти схемы следующие:

- ¹⁹ См.: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958. С. 121.
- ²⁰ Олех Л. Г. На пути от утопического к научному социализму // Н. Г. Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980. С. 91.
- ²¹ Бойко М. Со дня рождения Николая Чернышевского –

180 лет // НГ Ex Libris. Приложение к «Независимой газете». 2008. 7 окт.

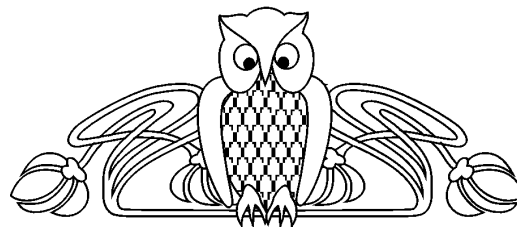
- ²² Кантор В. Срубленное древо жизни // Октябрь. 2000. № 2.
- ²³ Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский : общественный идеал анархиста. М., 2000. С. 194.

УДК 316.334.2

ЗАЕМНЫЙ ТРУД И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Р. Р. Злобин

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: ruslan.zlobin.87@mail.ru

В статье рассматривается одна из форм гибкого рынка труда – заемный труд по лизинговой схеме. Сопоставлены экономические причины этой формы и ее социальные последствия. Представлено отрицательное отношение профсоюзов к быстрому распространению заемного труда в России. Сделан вывод, что такое распространение разрушает систему социальной защиты наемных работников.

Ключевые слова: заемный труд, лизинг персонала, профсоюзы, социальная защита, трудовые отношения.

Clause: Extra Work and Social Protection of Hired Workers

R. R. Zlobin

In article examine one of forms of a flexible labour market – extra work under the leasing scheme is considered. The economic reasons of this form and its social consequences are compared. The negative attitude of trade unions to fast distribution of extra work is presented to Russia. It is drawn a conclusion, that such distribution destroys system of social protection of hired workers.

Key words: extra work, leasing of the personnel, trade unions, social protection, labour attitudes.

Реальная проблема, возникающая в результате усиления гибкости системы трудовых отношений, состоит в поиске оптимального баланса между экономической эффективностью и сохранением основных трудовых прав работников, их социальной защищенностью. Отражением стремления разрешить эту проблему стало распространение термина «flexicurity», представляющего собой соединение понятий «flexibility» (гибкость) и «security» (сохранение достигнутого уровня социальных прав). По мнению современных исследователей, в России (как, впрочем, и в других странах) распространена нестандартная занятость, которая может включать: неполную занятость; сверхурочную занятость; временную занятость (на основе договоров, рассчитанных на определенный срок); случайную занятость; занятость на основе договоров гражданско-правового характера; занятость в компаниях, осуществляющих лизинг персонала; вторичную занятость; неформальную занятость, занятость в домашних

хозяйствах населения¹. Неформальная занятость обеспечила максимально гибкую адаптацию российского рынка труда к экономическим потрясениям 1990-х гг.

Заемный или лизинговый труд представляет собой разновидность «неустойчивой» занятости наряду с работой по срочным трудовым договорам, договорам подряда, возмездного оказания услуг и пр. Специфика заемного труда заключается в том, что работники нанимаются в коммерческую фирму (кадровое агентство) с целью предоставления их в распоряжение третьей стороны (предприятие), которая устанавливает им рабочие задания и контролирует их выполнение. В более упрощенном варианте содержание заемного труда определяется как финансовая аренда сотрудников – заключение договора о долгосрочной или краткосрочной аренде персонала, в соответствии с которым арендатор на протяжении оговоренного срока выплачивает лизинговой компании плату за временное владение и пользование услугами и компетенцией предоставленного персонала. Термин «заемный труд» часто применяется также в расширительном смысле, с включением работы по схеме аутсорсинга (outsourcing), когда компания передает какую-либо из своих функций, не являющуюся профильной, внешней организации. Однако, в отличие от схем заемного труда, предприятие-пользователь покупает услугу, а не труд конкретных работников, а работник состоит в относительно стабильных трудовых отношениях с другим работодателем, хотя трудится на территории предприятия-пользователя на его оборудовании и в его интересах. Например, охранные предприятия берут на себя обязанность охранять помещение, транспортные предприятия предоставляют услуги водителей, аудиторские фирмы берут на себя выполнение функций бухгалтерии и т. д. Что касается заемного труда, то услуги по его предоставлению предусматривают иные схемы, включающие посредника – кадровое агентство. Эти схемы следующие:

- подбор и предоставление находящихся в штате кадрового агентства сотрудников организации-клиенту на относительно длительный срок – от трех месяцев до нескольких лет (staff leasing);
- вывод части работников за рамки штата организации-клиента и передача их кадровому агентству, которое формально выполняет для них функции работодателя, но по факту они продолжают работать в прежней компании (outstaffing);
- подбор и предоставление организации-клиенту временного и сезонного персонала на короткий срок (temporary staffing).

Роль кадровых (рекрутинговых) агентств возросла в связи с повышением мобильности рабочей силы (все меньше специалистов ориентируются на принцип пожизненного найма) и усилением соперничества за высококвалифицированный персонал. Подобные агентства оказывают, в частности, следующие услуги:

- outplacement – трудоустройство (в определенные сроки и на определенных условиях) персонала, увольняемого фирмой-заказчиком;

- leasing (лизинг персонала) – предоставление агентством в распоряжение (использование, аренду) фирмы-заказчика на определенных условиях и на определенный срок сотрудников, которые связаны трудовыми отношениями с самим агентством. При этом заключается договор между арендатором и арендодателем персонала на выполнение определенного объема и вида работ; агентство получает от фирмы-арендатора гонорар и само платит работникам заработную плату².

По данным Международной организации труда (МОТ), во многих странах возрастает численность второго сегмента периферийной группы работников: 1/4 часть их работает неполный рабочий день. Пониженная трудовая нагрузка в сочетании с гибким графиком работы вовлекает в трудовой процесс женщин и студентов. В Западной Европе около 50% женщин трудятся неполный рабочий день или неполную неделю, в Нидерландах – 66%, в Норвегии – 45%, в Швейцарии – 52%, в Великобритании – 45%³.

Происходят заметные изменения в принципах организации труда. На смену жесткому режиму труда и обязательной привязке к рабочему месту все чаще приходят работа на дому, использование графиков гибкого рабочего времени. При гибких режимах работы человек не связан со строго регламентированными часами начала и завершения труда. Это удобно для многих работников, поскольку у них появляется возможность более гибко планировать свое рабочее время, уделять больше внимания образованию, семье, детям, избегать часов пик на транспорте. В США 11,9% (7,6 млн чел.) несельскохозяйственных рабочих, занятых полное рабочее время, трудятся по гибким графикам. В Германии режимом гибкого рабочего времени охвачены 20% рабочих и служащих⁴.

Если прежде подобные эксперименты отражались в правилах внутрифирменного трудового

распорядка, то сегодня в ряде стран произошла легализация новых режимов работы путем закрепления их в законодательстве. Таким образом, происходит институционализация гибкости системы трудовых отношений.

За рубежом происходит усиление гибкости в организации и регулировании трудового посредничества при найме работников. Если еще недавно в ряде стран существовала монополия государственных служб занятости на посредничество при найме, то сегодня ее уже нет, и число частных бирж труда резко возросло. В США, Великобритании, ФРГ и Японии частные агентства серьезно потеснили государственные биржи труда и почти полностью взяли на себя посредничество при трудоустройстве таких категорий работников, как музыканты, актеры, домашние работники, сельскохозяйственные рабочие, некоторые категории государственных чиновников, большинство конторских служащих, определенные категории высококвалифицированных работников (программисты, юристы, руководящий персонал предприятий)⁵.

Заемный труд позволяет предприятиям-пользователям быстро подменять отсутствующих по той или иной причине (болезнь, отпуск, командировка и т. п.) работников, гибко менять количественный состав рабочей силы при колебаниях экономической конъюнктуры (например, пик продаж), получать в свое распоряжение необходимое число людей для оперативного выполнения конкретных производственных задач (срочные и неожиданные заказы, сезонная работа).

Если на Западе тенденции гибкости организации бизнеса отмечаются уже с 70-х гг. прошлого века, то в России вплоть до кризиса 1998 г. постперестроечные менеджеры действовали скорее в противоположном направлении. Одним из компонентов стратегий выживания при сокращении производства были тенденции автаркии – в условиях превратностей рыночной среды предприятия предпочитали аккумулировать свои ресурсы⁶. Это в полной мере относилось и к трудовым ресурсам. Политика удержания излишней рабочей силы (консервации занятости) включала, как известно, уменьшение цены труда, вынужденные административные отпуска, перевод на неполный рабочий день и пр. По мнению Р. И. Капелюшникова, именно этим часто объяснялись гибкость российского трудового рынка и низкий уровень безработицы. Несмотря на то, что такая формальная занятость скрывала множество промежуточных состояний между занятостью и неза занятостью, это позволяло многим работникам сохранять рабочее место и основные трудовые гарантии (пенсионный стаж и пр.). В сфере управления трудом не наблюдалось сколько-нибудь заметных инноваций, за исключением того, что центр тяжести сместился от формальных норм и правил к неформальным⁷.

Сегодня заемный труд в России используют с учетом западных кадровых технологий. В первую

очередь его применяют в организациях, входящих в транснациональные корпорации, а также в компаниях с участием иностранного капитала. Среди первых, кто начал использовать данную форму найма работников, были ОАО «Новомосковскбытхим», корпорация «ИКЕА», компания «Ренессанс Капитал», нефтяная компания «СИДАНКО» и др.

Чем привлекателен заемный труд для граждан? Он позволяет сочетать работу с участием в общественной жизни, поддержанием здоровья и т. д., особенно это касается отдельных категорий работников, для которых полная занятость по каким-либо причинам затруднена или нежелательна (пожилые люди, матери-одиночки, безработная молодежь без профессиональных навыков и др.).

Новая форма труда распространена в столичных торговых сетях, особенно она востребована в праздничные и выходные дни, в период распродаж, различных презентаций, открытия новых магазинов. В пиковые для любого магазина периоды необходим дополнительный персонал для выкладки товара, его упаковки, фасовки, сортировки и т. п. Среди самых популярных позиций специалисты называют вспомогательный персонал: работников, отвечающих за выкладку товаров, складских рабочих, дворников. Также есть спрос на персонал для поддержки процессов по найму, для административных функций: клерков, ассистентов, секретарей. Что касается кассиров и продавцов, которые непосредственно взаимодействуют с клиентами сети, то такие позиции менее популярны, так как требуют глубокого понимания бизнес-процессов внутри компании-заказчика, хотя спрос на данные услуги стабильно растет.

Сотрудники кадровых агентств часто употребляют в разговоре понятие «временный персонал», что подразумевает предоставление работников по заявкам фирм на небольшой срок: для замены во время отпусков, болезней, командировок, учебы штатных сотрудников, а также для работы, носящей разовый и сезонный характер. Предоставление временного персонала – частный случай лизинга, так как последний подразумевает более длительную занятость работников на предприятии-потребителе.

Развитие рынка труда, рост безработицы, а также широкое распространение временной и частичной занятости вызвали стремительный рост рынка рекрутинговых услуг. В России, по данным Ассоциации консультантов по подбору персонала, в 2004 г. функционировало 760 частных агентств занятости, в том числе около 250 в Москве и 80 в Санкт-Петербурге. Численность персонала кадровых агентств составляла 7 700 человек, а объем рынка кадровых услуг – 136,4 млн долл. США. Среди московских частных агентств занятости около 50 занимаются подбором временного персонала. Более распространенным считают деятельность таких агентств по оказанию услуг по лизингу. Им занимается почти 60 агентств⁸.

Эксперты в сфере занятости населения оценивают распространение заемного труда неоднозначно.

Положительная сторона лизинга персонала может заключаться в том, что компания избегает длительной и затратной процедуры поиска специалистов. Кроме того, работодатель имеет возможность в течение более длительного, чем это предусмотрено трудовым законодательством, срока наблюдать за сотрудником, а затем принять его на работу к себе в штат. Польза работодателю от заемного труда состоит также в том, что он может уменьшить потери и простои в случае болезни основного сотрудника.

Однако эти положительные стороны имеют в основном номинальный характер. Вряд ли они покрывают затраты предприятия по оплате агентству за предоставляемые услуги. Главные выгоды работодателя выражаются в следующем:

- «арендуя» специалиста через агентство, работодатель снимает с себя обязательства по социальным гарантиям перед сотрудником при увольнении;

- всевозможные недовольства (в том числе и судебного характера) разрешаются агентством, а не компанией-лизингополучателем.

Для наемных работников использование лизинговых схем означает низкую степень их защищенности, отсутствие гарантий постоянного трудоустройства, а также социальных гарантий и льгот, предусмотренных трудовым законодательством РФ⁹.

Профсоюзы России сталкиваются с рядом новых менеджерских технологий, получивших самые разные названия: аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала, заемный труд, реструктуризация предприятия, срочные договоры. Все они, по сути, нацелены на то, чтобы снизить гарантии занятости, повысить гибкость в планировании штата и, таким образом, увеличить прибыль акционеров за счет работников. Ведь работник с негарантированной занятостью гораздо сложнее добиваться нормальных условий труда, достойной зарплаты, социального обеспечения, безопасной обстановки на рабочем месте и т. д.

Изучив как российский, так и международный опыт профсоюзов в отношении заемного труда, его последствия, принципы регулирования и профсоюзные позиции, появляется крайняя озабоченность концепцией аутсорсинга. Причиной разногласия является вопрос законодательной практики – запретить трудовые отношения такого типа либо жестко их ограничить, другими словами, поддержать принятие закона о регулировании заемного труда или нет? Эта проблема рассматривалась Исполкомом ФНПР, в результате чего были приняты документы, которые рекомендуют профсоюзным организациям изучать ситуацию в каждом конкретном случае и выработать предложения о допустимости использования заемного труда в различных сферах деятельности.

Изначально было установлено, что заемный труд противоречит трудовому законодательству РФ. Но одновременно было также принято решение о возможности и целесообразности ратификации нашей страной Конвенции МОТ № 181 «О частных агентствах занятости».

На примере пищевых предприятий видно, что размывание трудовых отношений, к которым приводят использование заемного труда, происходят уже сейчас. В частности, нами было проведено социологическое исследование на Саратовской кондитерской фабрике по этому вопросу, которое подтверждает данный вывод. Это серьезно подрывает гарантии занятости, условия труда и возможности коллективной защиты как заемных работников, так и работников тех компаний, куда агентства занятости поставляют рабочую силу; размывает взаимоотношения между работодателем, с одной стороны, и работником и его профсоюзом, с другой.

Применяя заемный труд, крайне важно, чтобы права работников (достойная оплата труда, установленные законом продолжительность рабочего времени и социальное обеспечение, доступ к профессиональной подготовке и повышению квалификации, безопасность и охрана труда и др.) соблюдались повсеместно¹⁰.

Развитие кадрового лизинга в России происходит в условиях несовершенства законодательной базы, финансовой непрозрачности подавляющего большинства компаний, а также нестабильности спроса на специалистов при условии их временного привлечения. Лизингополучатель не заключает отдельного договора с работником, он может отказаться от работника в любое время, если иное не установлено в соглашении между лизингодателем и лизингополучателем. Юридически отношения между специалистом и агентством оформляются посредством трудового договора. На этом этапе согласовывается договор, где определяются условия лизинга – оклад специалиста, а также комиссионное вознаграждение (комиссионные агентства составляют обычно до 20–30% оклада специалиста). Одним из важнейших пунктов лизингового соглашения является «объем работ», который специалист должен выполнить качественно и в установленные сроки.

В 2010 г. в Государственной думе РФ прошли парламентские слушания на тему «Перспективы ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 181 и проблемы правового регулирования заемного труда». Сейчас встал вопрос ратификации данной конвенции Международной организации труда. Дело в том, что на сегодняшний день заемный труд в России законом никак не регулируется, в то время как Конвенция МОТ № 181 данный пробел устраняет. Кроме того, она содержит меры по защите работников от злоупотреблений кадровых агентств. На слушаниях подчеркнули необходимость в разработке проекта федерального закона «О защите прав работников,

нанимаемых частными агентствами занятости с целью предоставления их труда третьим лицам». Законодатели предполагают отразить в нем меры по обеспечению защиты работников, занятых поиском работы в частных агентствах и нанятых ими на работу, четкое распределение ответственности между частными агентствами и предпринимателями-пользователями в отношении защиты работников.

Профсоюзы в нашей стране против заемного труда. Самую активную позицию противодействия распространению использования трудовых ресурсов подрядных (субподрядных) организаций, в том числе схем заемного труда, занимают во всем мире профсоюзы. Распространение заемного труда грозит подрывом их позиций. И не только потому, что заемные работники в силу своего положения фактически лишены права на объединение и на ведение коллективных действий, а следовательно, находятся вне профсоюзных рамок. Наличие «гибких» работников с более низкими стандартами условий занятости ослабляет позиции «основных» работников и рабочей солидарности, в целом делая затруднительным коллективную защиту трудовых прав. В «двухслойном» коллективе в конечном итоге все работники (и основной персонал, и заемные работники) разобщены, и ими легче манипулировать. Поэтому вопросы защиты занятости и права на постоянное, стабильное рабочее место являются ключевыми для выживания профсоюзного движения.

Трехсторонние трудовые отношения, которые, по сути, возникают с применением заемного труда, предоставление в аренду работника одной компанией другой являются морально и социально неприемлемыми. Они не вписываются в правовое поле Российской Федерации.

В связи с этим профсоюзы предлагают:

- выступить против применения заемного труда для замены постоянных рабочих мест;
- организовать информационную кампанию для всех членов профсоюза по просвещению в этом вопросе;

- включать положения, запрещающие и ограничивающие использование заемного труда, в коллективные договоры и отраслевые, региональные и другие соглашения;

- занимать однозначную позицию против применения заемного труда;

- продвигать разработку и принятие альтернативного законопроекта, содержащего жесткие ограничения этого явления.

Они планируют:

- организовать широкую кампанию против принятия законопроекта на основе существующей концепции, подрывающего как трудовые права отдельных работников, так и профсоюзные права.

- просвещать членов профсоюза по вопросам заемного труда и последствиям его регулирования;

– противодействовать этому законопроекту, в частности, направить протестные письма в законодательные органы (Государственную думу и Совет Федерации) и президенту Российской Федерации;

– воздействовать на законодательную власть, с тем чтобы продвигать профсоюзную точку зрения;

– организовать протестные действия и мероприятия;

– организовать информационное обеспечение такой кампании¹¹.

Конечно, с появлением новых технологий и форм организации труда в результате усиливающейся конкурентной борьбы происходят серьезные изменения в организации бизнеса. Рынок труда меняется, и распространение гибких форм занятости становится неизбежным. В то же время стремление бизнеса быстро реагировать на колебания рынка без лишних издержек приводит к тому, что он предпочитает не обременять себя расходами на труд наемных работников. В результате происходит существенное реальное сокращение постоянных рабочих мест – прекаризация, то есть превращение ранее относительно гарантированных трудовых отношений в негарантированные и незащищенные. Появилась опасность того, что предоставление стабильной работы с определенными социальными гарантиями будет сокращаться. Это означает отступление от приобретенных прав, которые обеспечивали наемным работникам уверенность в завтрашнем дне в течение нескольких десятилетий.

В российских условиях укоренившегося произвола работодателей заемный труд будет еще больше способствовать разрушению общепринятых норм социальной защиты трудящихся. Этому способствуют два фактора:

– отсутствие независимых от администрации профсоюзных организаций на предприятиях;

– нарушенный баланс прав и обязанностей работодателей в отношении наемных работников в современном российском законодательстве.

Примечания

- 1 См.: *Нестандартная занятость в российской экономике* / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М., 2006. С. 19.
- 2 См.: *Одегов Ю. Г.* Рынок труда (практическая макроэкономика труда) : учебник. М., 2007. С. 491.
- 3 См.: *Колосницина М. Г.* Экономика труда. М., 1998. С. 224.
- 4 См.: *Красинова М.* Гибкие режимы работы : проверенно временем // *Человек и труд.* 2000. № 12. С. 69.
- 5 См.: *Киселев И. Я.* Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М., 2003.
- 6 См.: *Козина И.* Менеджмент новых частных предприятий : практики управления в малом и среднем бизнесе // *Практики управления персоналом на современных российских предприятиях* / под ред. В. Кабалимой. М., 2005. С. 6–35.
- 7 См.: *Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М., 2001. С. 232.
- 8 См.: *Лукьянов В.* Заемный труд в России // *Работа и зарплата.* 2006. № 1. С. 10.
- 9 См.: Википедия : [сайт]. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.02.2012).
- 10 См.: *Смайлов Е. П.* Лизинг персонала, аутстаффинг и современные технологии на рынке труда : [инфоportal для HR-менеджеров]. URL: <http://www.kadry.ru> (дата обращения: 17.02.2012).
- 11 См.: Семинар по стратегиям профсоюзов в отношении аутсорсинга и заемного труда Санкт Петербург, 25–27 марта 2006 г. // *Солидарность.* 2006. № 7. С. 22.

УДК 364.222

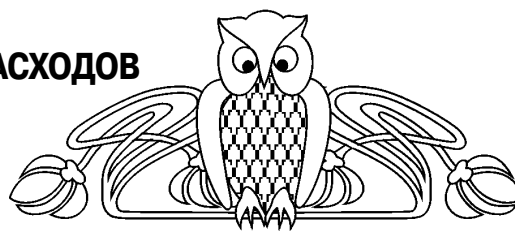
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСХОДОВ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ДЕТЕЙ

А. А. Вяльшина

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: anvyal@mail.ru

В статье рассматриваются сравнительные особенности экономического и социологического подходов к анализу сущности расходов сельских домохозяйств на детей, их специфики для сельской местности и факторы, детерминирующие степень тяжести этих расходов для бюджета сельского домохозяйства. Представлен анализ теоретических концепций и материалов проведенного социологического исследования.

Ключевые слова: сельские семьи с детьми, расходы на детей, инвестиции в детей.

Social-Economic Analysis of the Expenses of Rural Families to Children

A. A. Vyalshina

In article are considered comparative particularities economic and sociological approach to analysis of essence of the expenses rural families on children, their specifics for rural terrain and factors, determined degree of their gravity for budget of rural families. There

– противодействовать этому законопроекту, в частности, направить протестные письма в законодательные органы (Государственную думу и Совет Федерации) и президенту Российской Федерации;

– воздействовать на законодательную власть, с тем чтобы продвигать профсоюзную точку зрения;

– организовать протестные действия и мероприятия;

– организовать информационное обеспечение такой кампании¹¹.

Конечно, с появлением новых технологий и форм организации труда в результате усиливающейся конкурентной борьбы происходят серьезные изменения в организации бизнеса. Рынок труда меняется, и распространение гибких форм занятости становится неизбежным. В то же время стремление бизнеса быстро реагировать на колебания рынка без лишних издержек приводит к тому, что он предпочитает не обременять себя расходами на труд наемных работников. В результате происходит существенное реальное сокращение постоянных рабочих мест – прекаризация, то есть превращение ранее относительно гарантированных трудовых отношений в негарантированные и незащищенные. Появилась опасность того, что предоставление стабильной работы с определенными социальными гарантиями будет сокращаться. Это означает отступление от приобретенных прав, которые обеспечивали наемным работникам уверенность в завтрашнем дне в течение нескольких десятилетий.

В российских условиях укоренившегося произвола работодателей заемный труд будет еще больше способствовать разрушению общепринятых норм социальной защиты трудящихся. Этому способствуют два фактора:

– отсутствие независимых от администрации профсоюзных организаций на предприятиях;

– нарушенный баланс прав и обязанностей работодателей в отношении наемных работников в современном российском законодательстве.

Примечания

- 1 См.: Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М., 2006. С. 19.
- 2 См.: *Одегов Ю. Г.* Рынок труда (практическая макроэкономика труда) : учебник. М., 2007. С. 491.
- 3 См.: *Колосницина М. Г.* Экономика труда. М., 1998. С. 224.
- 4 См.: *Красинова М.* Гибкие режимы работы : проверенно временем // Человек и труд. 2000. № 12. С. 69.
- 5 См.: *Киселев И. Я.* Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М., 2003.
- 6 См.: *Козина И.* Менеджмент новых частных предприятий : практики управления в малом и среднем бизнесе // Практики управления персоналом на современных российских предприятиях / под ред. В. Кабалимой. М., 2005. С. 6–35.
- 7 См.: *Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М., 2001. С. 232.
- 8 См.: *Лукьянов В.* Заемный труд в России // Работа и зарплата. 2006. № 1. С. 10.
- 9 См.: Википедия : [сайт]. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.02.2012).
- 10 См.: *Смайлов Е. П.* Лизинг персонала, аутстаффинг и современные технологии на рынке труда : [инфоportal для HR-менеджеров]. URL: <http://www.kadry.ru> (дата обращения: 17.02.2012).
- 11 См.: Семинар по стратегиям профсоюзов в отношении аутсорсинга и заемного труда Санкт Петербург, 25–27 марта 2006 г. // Солидарность. 2006. № 7. С. 22.

УДК 364.222

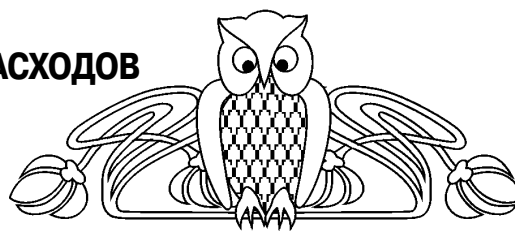
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСХОДОВ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ДЕТЕЙ

А. А. Вяльшина

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: anvyal@mail.ru

В статье рассматриваются сравнительные особенности экономического и социологического подходов к анализу сущности расходов сельских домохозяйств на детей, их специфики для сельской местности и факторы, детерминирующие степень тяжести этих расходов для бюджета сельского домохозяйства. Представлен анализ теоретических концепций и материалов проведенного социологического исследования.

Ключевые слова: сельские семьи с детьми, расходы на детей, инвестиции в детей.

Social-Economic Analysis of the Expenses of Rural Families to Children

A. A. Vyalshina

In article are considered comparative particularities economic and sociological approach to analysis of essence of the expenses rural families on children, their specifics for rural terrain and factors, determined degree of their gravity for budget of rural families. There

are the analysis of theoretical concept and the results of sociological study.

Key words: rural families with children, costs of children, investments in children.

Анализ качества жизни и благополучия детей в 2005–2010 гг. свидетельствует о противоречивости сформировавшихся тенденции в сфере развития детей и защиты детства. С одной стороны, руководством Российской Федерации предприняты беспрецедентные меры по формированию и развитию системы мер социальной поддержки материнства и детства в рамках реализации активной демографической и семейной политики РФ. С другой стороны, сохраняется низкий уровень материальной обеспеченности ряда категорий семей с детьми. Глобальный финансово-экономический кризис заставил пересмотреть государственное финансирование социальной политики в целом и политики в интересах детей в частности в сторону ее относительного сокращения, особенно на уровне регионов РФ. В результате, по мнению некоторых исследователей, «качество жизни российских детей по меркам развитых стран следует признать неудовлетворительным, а его динамику – недостаточной для своевременной реализации заявленных стратегических целей в области детства»¹. В этих условиях необходимо совершенствование инструментов социальной поддержки материнства и детства с целью повышения ее эффективности и соответствия интересам национального развития.

Семья является важнейшим агентом воспроизводства, социализации и адаптации новых поколений к постоянно меняющимся условиям динамично развивающегося общества. Нарастание социальных рисков превосходит адаптационные возможности большинства российских семей, а также компенсационные возможности системы социальной поддержки семей с детьми. В этом заключается одна из причин невысокой эффективности предпринимаемых государством усилий в сфере защиты материнства и детства. В связи с этим представляется важным исследование ресурсов и возможностей российских семей в самообеспечении, стимулирование развития социального потенциала семьи с определением «провалов» семьи в выполнении отдельных ее функций, на компенсацию которых должны быть направлены инструменты государственной семейной политики.

Сельская семья представляет собой сложную, комплексную и полифункциональную единицу, являющуюся ключевым элементом формирования инновационного сельского социума. Устойчивое развитие сельской семьи становится предпосылкой роста вклада ее в интенсивное развитие национального благосостояния страны посредством сбалансированной реализации всех типов своего потенциала.

В результате возникает противоречие между заинтересованностью государства и общества

в эффективном выполнении семьей присущих ей родительских функций воспроизводства и первичной социализации новых поколений и отсутствием осознанной потребности государства в идентификации, оценке и анализе расходов семей на детей как фактора, напрямую влияющего на результаты социализации и интеграции детей в общество, а также на благополучие домохозяйства.

Сельская местность современной России характеризуется неблагоприятными условиями для формирования человеческого капитала подрастающего поколения. Ухудшение демографической ситуации на селе сопровождается снижением уровня жизни семей (стабильно высокий уровень бедности среди различных типов семей, растущие региональные диспропорции в уровне жизни семей, усиление неравенства между различными типами семей). Для оценки масштабов сельской бедности необходимо отметить, что, согласно данным официальной статистики, дети до 16 лет представляют собой единственную возрастную группу, которая с 2006 г. имеет тенденцию к росту ее доли в структуре малоимущего населения на фоне значительного сокращения численности детского населения (рис. 1). По сравнению с 1995 г. детское население до 17 лет к 2010 г. в городе сократилось на 39,1%, в сельской местности – на 34,7%. Эти факты показывают, что дети не только страдают от бедности и депривации, но и по сравнению с другими социально-демографическими группами населения не имеют возможности воспользоваться результатами докризисного экономического роста.

В сельской местности России домохозяйства с детьми до 18 лет составляют 26,8% от численности всех домохозяйств, на селе также выше концентрация домохозяйств с несколькими детьми. Так, 34,9% сельских домохозяйств имеют двоих детей, в городе – 26,0%, а домохозяйств с тремя и более детьми в сельской местности в 3 раза больше, чем в городе (13,1 и 4,1% соответственно).

Согласно данным Росстата, незначительное сокращение разрыва между городскими и сельскими домохозяйствами с детьми по уровню их благополучия и возможностей с 2007 по 2010 г. происходило на фоне роста малоимущих домохозяйств как в городе, так и на селе (рис. 2).

Для сельских домохозяйств без детей характерно снижение их доли в структуре сельских малоимущих домохозяйств на 19,2% с 2006 по 2010 г. Однако доля сельских домохозяйств с детьми до 16 лет в структуре сельского малоимущего населения за это же время выросла на 15,1%.

Необходимость концентрации усилий государственной системы социальной поддержки на компенсации социальных рисков именно детского населения обусловлена не только анализом масштабов и структуры бедности сельских домохозяйств с детьми, но и наличием противоречия в сущности сельской детской бедности. С одной стороны, дети полностью зависят от действий и

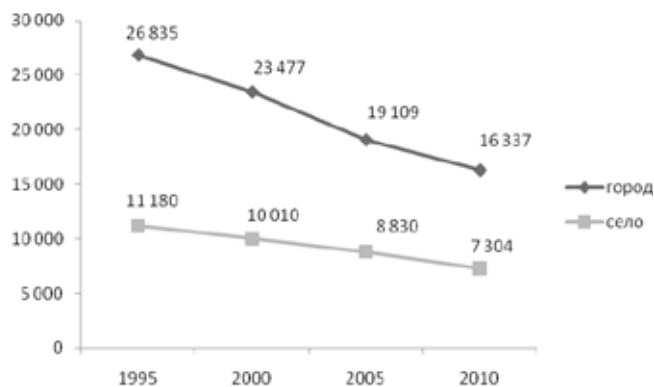

Рис. 1. Динамика численности детей до 17 лет в зависимости от места проживания (на конец года, тыс. человек)

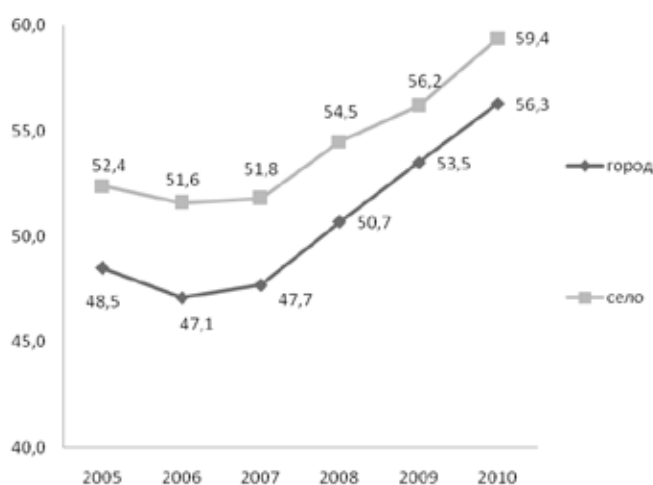

Рис. 2. Распределение малоимущих домохозяйств с детьми в зависимости от места проживания

решений своих семей, общества и государства. Данная зависимость означает, что детям трудно непосредственно влиять на принятие ключевых решений, затрагивающих их благополучие. С другой стороны, в сельском сообществе имеет место низкий уровень притязаний и достижений многих семей, деформированное (с точки зрения развития человеческого капитала) понимание о подходах к развитию детей, к их потребностям и их удовлетворению, к перспективам развития детей, к необходимости формирования их социального капитала. Таким образом, складывается «порочный круг»: с одной стороны, дети самостоятельно не могут преодолеть бедность и находятся в зависимости от решений своих родителей, с другой стороны, сами родители не считают нужным развивать своих детей и вкладывать в них социальные и финансовые ресурсы.

Имеются многочисленные зарубежные исследования, нацеленные на изучение общих издержек на детей в зависимости от уровня дохода, количества детей и их возраста, дифференциации расходов для полных и неполных семей, выявление этнических детерминант разницы в издержках

на детей². Однако в нашей стране отсутствуют исследования, направленные на выявление и оценку расходов на детей, изучение их состава, структуры, и тем более анализ их специфики для семей, проживающих в сельской местности. Необходимость разработки, апробации и обеспечения поэтапного внедрения в практику исследования методики измерения расходов (издержек) на детей является очевидной в связи с провозглашением приоритетности улучшения демографической ситуации в стране. Кроме того, наличие такой методики повысит эффективность реализации мероприятий в сфере семейной, демографической и молодежной политики в масштабах всей страны.

Существует несколько основных концепций затрат (издержек) на детей и соответствующая им методология их оценки. Наиболее общей является концепция прямых издержек. Прямые издержки представляют собой физические расходы, произведенные непосредственно на товары и услуги для детей (расходы на еду, одежду, развлечения, здравоохранение и образование). Концепция косвенных издержек базируется на существовании расходов, сделанных на детей, но не напрямую

потраченных на них. Косвенные издержки представляют собой альтернативную стоимость потерянных заработков. Еще одна концепция затрат (издержек) на детей, используемая зарубежными учеными, это концепция неосязаемой стоимости³. Она включает в себя физические и психические (эмоциональные) переживания в результате наличия у индивида детей.

Подход минимальных бюджетных стандартов предполагает измерение прямых родительских затрат, необходимых для рождения и воспитания ребенка при определенном стандарте жизни. Это измерение минимального уровня расходов на ребенка, которое рассматривается как социально приемлемый (данный подход также известен как стоимость основных нужд, потребностей). Он происходит из оценки товаров и услуг, необходимых для «определенного домохозяйства, проживающего в определенном месте в определенное время для достижения определенного стандарта жизни»⁴.

Выбор той или иной концепции зависит от целей исследования расходов на детей. Для изучения стандартов жизни семей с детьми необходимо использовать концепцию прямых издержек, в то время как для исследования бедности и связанной с ней способностью семей (безработных, низкодоходных) обеспечить адекватный стандарт жизни для своих детей требует использования концепции минимальных бюджетных стандартов. Стандарт жизни, используемый для оценки, зависит от целей исследования: это может быть стандарт жизни, соответствующий только минимальным требованиям для поддержания жизни; может отражать минимальный доход, необходимый для удовлетворения основных нужд и обеспечивающий активное участие членов домохозяйства в обществе; может отражать некоторый другой минимальный уровень расходов, который рассматривается как социально приемлемый.

Кроме субъективных представлений семей о минимально необходимом наборе благ и услуг для полноценного развития ребенка важное значение имеет характер принятия решений в домохозяйстве. Значительный научный интерес представляет исследование характера распределения ресурсов в домохозяйстве и его влияние на благополучие членов семьи, особенно детей. Очевидно, что решения о характере расходов на детей, их целесообразности и объемах значительно дифференцируются среди домохозяйств различного социально-демографического состава и социально-экономического статуса.

В науке общепринятым считается, что решения принимаются, чтобы приблизить текущее состояние к желаемому состоянию, и этот процесс может быть описан несколькими моделями. В экономике существует ряд нормативных моделей принятия решения, в которых потребитель принимает решения с помощью осуществления такого выбора из нескольких альтернатив использования

ресурсов, который максимизирует его полезность. Также существуют описательные модели принятия решений, показывающие этот процесс так, как он обычно протекает в действительности. Данные модели чаще всего используются социологами и психологами. Согласно этим моделям утверждается, что чем сложнее задача, тем ниже вероятность использования рациональной стратегии лицами, принимающими решения.

Теоретические основы исследования моделей принятия решений в домохозяйствах различаются в экономике и социологии. В социологии существует концепция семейных (домохозяйственных) стратегий, объясняющая зависимость индивидуального поведения членов семьи от поведенческих ориентаций других членов домохозяйства. Семейные стратегии представляют собой набор неявных правил, руководящих поведением членов семьи, семей и домохозяйств для реализации определенных целей. В теоретической экономике рассматриваются унитарные и коллективные модели принятия решений в домохозяйствах. Традиционные неоклассические модели, известные как унитарные, рассматривают домохозяйство как единое целое с общей функцией полезности. Самые известные из них – модель семейного консенсуса П. Самуэльсона⁵ и альтруистическая модель Г. Беккера⁶.

Модель П. Самуэльсона исходит из того, что домохозяйство стремится максимизировать некую единую функцию полезности (благополучия) домохозяйства. При этом предполагается, что эта функция есть результат согласования интересов или достижения консенсуса между членами домохозяйства. Модель Г. Беккера основана на существовании в каждом домохозяйстве альтруиста, структура предпочтений которого отражает заботу о благополучии всех остальных. В результате домохозяйство максимизирует функцию полезности, но не согласованную всеми членами домохозяйства, как в модели П. Самуэльсона, а функцию полезности альтруиста, который выступает главой семьи. То есть решения принимаются одним членом семьи на основе специализации членов домохозяйства в соответствии с их конкурентными преимуществами.

Оценка характера влияния расходов на детей и степень их тяжести для бюджета домохозяйства в значительной степени зависят от особенностей восприятия родителями расходов на детей. С одной стороны, размер расходов на детей имеет определенный предел в связи с ограниченностью финансовых ресурсов семьи (домохозяйства), и вложения в конкретное ребенка автоматически снижают уровень благополучия всего домохозяйства, либо семья вообще не располагает ресурсами в необходимом объеме. С другой стороны, постсоветская трансформация российского общества привела к снижению роли государства и возрастанию ответственности семьи за подготовку детей к самостоятельной жизни, что обязы-

вает родителей искать и создавать предпосылки для успешного старта детей в самостоятельной жизни. Главной целью семейной социализации в современных условиях является органичное и безболезненное включение детей во взрослую жизнь, формирование личностных качеств, повышающих жизнестойкость молодого поколения в новых условиях. В связи с этим родители мобилизуют все ресурсы семьи – материальные, духовные, образовательный потенциал, здоровый образ жизни, благоприятный климат внутрисемейных отношений, культуру общения – с целью развития потребностей и способностей своих детей для обеспечения успешной восходящей социальной мобильности. Согласно этому подходу все затраты на воспитание, вложения в детей, повышающие их «качество» и способствующие увеличению их человеческого капитала, представляют собой инвестиции в детей.

Согласно результатам проведенного Институтом аграрных проблем РАН прикладного социологического исследования⁷, около 40,1% опрошенных женщин тратят ежемесячно на детей от 30 до 50% семейного бюджета, а еще 37,2% – более 50% финансовых ресурсов семьи. Именно на этот факт следует обратить внимание представителям органов государственной власти, ведь для 43% сельских семей детские пособия являются одним из источников доходов.

Анализ основных трудностей сельских семей с детьми показал объективную необходимость корректировки инструментов социальной поддержки материнства и детства. Так, 54,3% опрошенных сельских женщин указывают на нехватку денег в семье как основную проблему, связанную с детьми. На втором месте идут проблемы здоровья детей (15,0%), а учитывая низкую доступность квалифицированного медицинского обслуживания детей, на которую указали 12,1% респондентов, материальные проблемы семей усугубляются необходимостью обращения за квалифицированной медицинской помощью в районный или областной центр. Особые трудности связаны с расходами на одежду и обувь (49,7%), на сборы ребенка (детей) к началу учебного года в школе (34,1%), организацию досуга – кружки, секции, поездки в город, посещение цирка, музея, театра, кино, поездки к морю (26,0%), на лекарства (25,4%), питание (!) (21,4%). Лишь 15,6% опрошенных сельских женщин отметили, что у них нет таких проблем.

Проиллюстрируем указанные выше тенденции результатами проведенного социологического исследования. Об отсутствии каких-либо вопросов, связанных с детьми, вызывающих особые сложности с их решением, чаще других упоминают домохозяйства с более высоким уровнем среднедушевых денежных доходов и меньшим количеством детей. Так, об отсутствии сложностей с решением вопросов, связанных с детьми, заявили 22,9% домохозяйств, в которых глава семьи занят трудовой миграцией (при сред-

ней по выборке 15,6%), в то время как семьи, в которых мужчина занят в собственном хозяйстве или зарегистрирован в органах государственной службы занятости в качестве безработного, не выбрали данную альтернативу. Кроме того, в два раза чаще об отсутствии подобных сложностей упоминают однодетные домохозяйства (19,8%) по сравнению с многодетными (с 3 и более детьми) – 9,5%.

Самыми тяжелыми расходами на детей являются расходы на приобретение одежды и обуви – об этом упоминают 49,7% опрошенных сельских женщин. Чаще других указывают на это женщины с более низким уровнем образования, а следовательно, имеющие более низкие среднедушевые денежные доходы (62,1% опрошенных со средним общим образованием и 72,7% – с основным общим), а также те, чьи мужья нигде официально не работают, а заняты в своем ЛПХ, – 58,3%, или женщины, которые не имеют официальной занятости вне дома, – 58,7%.

Интересно, что в 1,5 раза реже на тяжесть расходов на покупку одежды и обуви для детей указывают многодетные женщины – 33,3% по сравнению с 51,6% среди однодетных. Этот факт объясняется тем, что тяжесть расходов на детей определяет применение тех или иных практик для их минимизации, а именно: использование одежды и обуви, оставшейся от подросших детей, родственников, друзей, соседей (донашивание); пользование услугами родственников, друзей или соседей по уходу и воспитанию ребенка, чтобы не водить его в детское дошкольное учреждение; использование учебников, оставшихся от старших детей, народных средств вместо лекарств для лечения детских заболеваний. Применение указанных практик снижения расходов на детей характерно в большей степени для домохозяйств, имеющих несколько детей (3 и более), особенно это касается использования одежды и обуви старших детей младшими детьми (донашивание), чем обуславливается более низкая доля указавших на тяжесть для семейного бюджета расходов на одежду и обувь среди многодетных женщин.

Важной статьёй расходов на детей в семейном бюджете являются ежегодные разовые расходы на сборы ребенка (детей) к началу учебного года. Об их тяжести для семейного бюджета упоминали 34,1% опрошенных сельских женщин. Данные расходы увеличиваются с ростом количества имеющихся детей (среди однодетных на это указали 20,9% респондентов, среди двухдетных – 44,3%, а среди женщин, имеющих 3 и более детей, – 61,9%). Кроме того, степень тяжести расходов на сборы ребенка к 1 сентября усиливается для домохозяйств, имеющих более низкие среднедушевые денежные доходы. Так, чаще остальных на это указывали женщины со средним общим и основным общим образованием, а следовательно, с более низкими доходами (41,4 и 45,5%

соответственно); женщины, чьи мужья не имеют официальной занятости кроме занятости в своем ЛПХ (50,0%), в отличие от женщин, чьи мужья являются трудовыми мигрантами, – среди них только 17,1% указали на тяжесть расходов на сборы ребенка к началу учебного года. Интересно отметить, что среди женщин, не имеющих супруга, довольно низкая доля указавших на тяжесть именно этих расходов на детей – всего 23,8% при средней по выборке 34,1%, что, вероятно, обусловлено наличием финансовой помощи со стороны родственников (бабушек и дедушек ребенка).

Около четверти опрошенных сельских женщин (25,4%) указали на тяжесть расходов на приобретение лекарств ребенку (детям) в период их болезни. Несколько чаще остальных об их тяжести упоминали женщины, проживающие в домохозяйствах с более низким уровнем среднедушевых денежных доходов, а именно в тех семьях, где либо мужчина нигде официально не работает, а занят в своем ЛПХ (33,3%), либо женщины не имеют занятости вне дома (28,6%).

Особое внимание хотелось бы обратить на расходы домохозяйств на питание ребенка (детей). На их тяжесть для семейного бюджета указали 21,4% опрошенных сельских женщин. Здесь, вероятно, имеется в виду понимание родителями необходимости обеспечения ребенка (детям) более качественного и разнообразного питания по сравнению с питанием взрослых членов семьи. Самые значительные различия наблюдаются в группах, дифференцированных по наличию/отсутствию брачного партнера у опрошенных женщин, статусу занятости самой женщины и сформированным

в домохозяйстве стратегиям обеспечения собственного благосостояния. Так, среди женщин, не имеющих супруга, на тяжесть расходов на питание ребенка указали 35,7% опрошенных, что более чем в два раза превышает долю тех женщин, кто проживает в полных домохозяйствах (16,8%). Это обстоятельство свидетельствует о том, что матерям-одиночкам в сельской местности трудно даже прокормить своих детей, не говоря о развитии их человеческого и социального потенциала. Кроме того, домохозяйки и женщины, отнесшие себя по субъективной оценке к безработным, в 1,7 раза чаще работающих женщин упоминали о тяжести для семейного бюджета расходов на питание детей (28,6% против 16,7%).

Около 15,6% опрошенных сельских женщин указали на тяжесть для семейного бюджета расходов на организацию досуга и развлечений для детей (различные кружки, секции, студии развития, игрушки, поездки в город для посещения цирка, музеев, кино). Самые значительные различия в выборе данного вида расходов как тяжелых наблюдаются между женщинами с разным уровнем образования. Здесь отчетливо проявляется влияние уровня образования матери ребенка на мнение о необходимом уровне притязаний и достижений для детей: чем выше образование женщины, тем выше требования к характеру и объемам вложений в детей, качеству услуг образования, здравоохранения и качеству среды, окружающей ребенка. Это, в свою очередь, обусловлено структурой жизненных ценностей опрошенных женщин разного уровня образования с определенным местом в ней ценности ребенка (таблица).

Среднее значение ценности ребенка по группам женщин с разным уровнем образования

Ценность	Уровень образования опрошенных женщин				
	Высшее и неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее общее	Основное общее
Ребенок	4,98	4,89	4,91	4,64	4,60

Примечание. Среднее значение ценностей по группам вычислялись посредством нахождения среднего арифметического балльных оценок, измеряемых от значения 5 баллов, что соответствовало идентификации ценности как «очень важно», до значения 1 балл, что соответствовало субъективной оценке «совсем не важно».

Но не только уровень образования является фактором, опосредующим рост требований к «качеству» детей. Более высокий уровень доходов также проецирует претенциозность необходимого уровня развития детей. Это свидетельствует о том, что домохозяйства, в которых мужчина является трудовым мигрантом, демонстрируют платежеспособный спрос на услуги по развитию своих детей.

Еще одной ощутимой статьёй расходов на детей для сельских домохозяйств являются расходы на оплату услуг детских дошкольных учреждений, взносы и другие выплаты в школе – на их тяжесть для семейного бюджета указали 14,5% опрошенных женщин. Чаще других на тяжесть этих расходов ссылаются женщины, не

имеющие супруга (21,4% против 12,2% женщин, имеющих его).

Таким образом, анализ текущих расходов сельских семей на детей показывает зависимость степени их тяжести для семейного бюджета от набора объективных и субъективных критериев. К объективным критериям относятся: количество имеющихся детей; состав семьи (полная или неполная), статус занятости матери и отца (занятые вне дома, занятые в личном подсобном хозяйстве, безработные); место работы главы семьи (в своем селе, трудовая миграция или занятость в своем ЛПХ). К субъективным критериям относится структура жизненных ценностей женщины и соответствующий ей уровень притязаний, которые, в свою очередь, детерминированы уровнем об-

разования женщины. Уровень образования влияет на восприятие и оценку тяжести тех или иных расходов на детей посредством идентификации и анализа «нужного» и «должного» для ребенка. Женщины с более высоким уровнем образования предъявляют и более высокие требования к качеству как внешней среды, в которой будет жить их ребенок, так и к уровню развития самого ребенка и собственным возможностям по их обеспечению. Этим частично объясняется тенденция малодетности у женщин с более высоким уровнем образования. Если расходы на детей представляют собой элемент инвестиций в будущее ребенка (в здоровье, отдых, развитие), то их потенциальная (отложенная) ценность превышает материальные потери от их приобретения, и женщины с более высоким уровнем образования склонны оценивать эти расходы как менее тяжелые.

Необходимость корректной идентификации и измерения текущих расходов домохозяйств на детей обусловлена потребностью оценки этих расходов обществом и государством с целью повышения эффективности реализации мероприятий социальной поддержки семей с детьми. В связи с этим предлагается рекомендовать Государственному комитету РФ по статистике внести изменения в методику агрегирования показателей обследования бюджетов домашних хозяйств в части корректировки перечня учетных признаков для получения данных о составе расходов домохозяйств на детей и объемах потребления домохозяйств в части товаров и услуг для детей.

УДК 316.346.3 – 053.7

ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Л. В. Рожкова

Пензенский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются гражданско-патриотические ценности и факторы консолидации с гражданами России. На основании результатов социологических исследований проводится анализ базовых гражданских ценностей студенческой молодежи в разных региональных социумах.

Ключевые слова: студенческая молодежь, гражданские ценности, консолидация, модернизация.

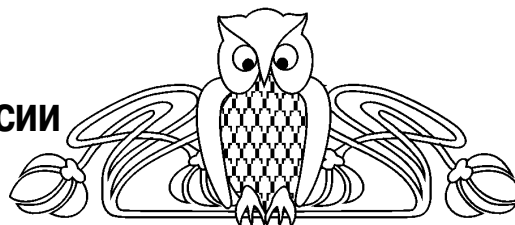
Modern Student Youth's Civil Values in the Conditions of Sociocultural Modernization of Russia

L. V. Rojkova

In article civil-patriotic values and factors of consolidation with citizens of Russia are considered. On the basis of results of sociological fol-

Примечания

- ¹ Анализ эффективности бюджетных расходов на детей. Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации. Доклад Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). М., 2011. С. 6.
- ² См.: Lino M. Expenditures on children by rural families // Rural America. 2002. Vol. 17, iss. 1 / Spring ; Lugo-Gil J., Yoshikawa H. Assessing expenditures on children in low-income ethnically diverse and immigrant families // National Poverty Center Working Paper Series. 2006. № 06–36, October. URL: http://www.npc.umich.edu/publications/working_papers/ (дата обращения: 11.12.2011).
- ³ См.: Poland M., Seth-Purdie R. Measuring the cost of children : concepts and methodologies. URL: <http://www.familiescommission.govt.nz/research/children/measuring-the-cost-of-children> (дата обращения: 11.12.2011).
- ⁴ Ibid.
- ⁵ См.: Samuelson P., Solow R. A Complete Capital Model Involving Heterogeneous Capital Goods // Quarterly J. of Economics. 1956. Vol. 70, № 4. P. 537–562.
- ⁶ См.: Becker G. Treatise on the Family. Cambridge : Harvard University Press, 1991.
- ⁷ Выборочное прикладное социологическое исследование социально-экономического положения сельских семей с детьми было проведено Институтом аграрных проблем РАН совместно с Министерством социального развития Саратовской области в 2010 г. по выборке, репрезентативной структуре домохозяйств с детьми с различным числом детей, n = 283, респонденты – сельские женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие от 1 до 8 детей.

lowings the analysis of base civil values of student's youth in various regional societies is spent.

Key words: student's youth, civil values, consolidation, modernization.

Актуальность исследования гражданско-патриотических ценностей связана с происходящими в России социально-экономическими и политическими преобразованиями, поскольку для успешной реализации российского социокультурного проекта необходимым является высокий уровень социетальной консолидации, одним из элементов которого является уровень развития гражданских ценностей и гражданственности в целом.

Гражданство чаще всего определяют с юридической точки зрения как устойчивую правовую связь между индивидом и государством, выражающуюся в наличии взаимных прав и обя-

разования женщины. Уровень образования влияет на восприятие и оценку тяжести тех или иных расходов на детей посредством идентификации и анализа «нужного» и «должного» для ребенка. Женщины с более высоким уровнем образования предъявляют и более высокие требования к качеству как внешней среды, в которой будет жить их ребенок, так и к уровню развития самого ребенка и собственным возможностям по их обеспечению. Этим частично объясняется тенденция малодетности у женщин с более высоким уровнем образования. Если расходы на детей представляют собой элемент инвестиций в будущее ребенка (в здоровье, отдых, развитие), то их потенциальная (отложенная) ценность превышает материальные потери от их приобретения, и женщины с более высоким уровнем образования склонны оценивать эти расходы как менее тяжелые.

Необходимость корректной идентификации и измерения текущих расходов домохозяйств на детей обусловлена потребностью оценки этих расходов обществом и государством с целью повышения эффективности реализации мероприятий социальной поддержки семей с детьми. В связи с этим предлагается рекомендовать Государственному комитету РФ по статистике внести изменения в методику агрегирования показателей обследования бюджетов домашних хозяйств в части корректировки перечня учетных признаков для получения данных о составе расходов домохозяйств на детей и объемах потребления домохозяйств в части товаров и услуг для детей.

УДК 316.346.3 – 053.7

ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Л. В. Рожкова

Пензенский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются гражданско-патриотические ценности и факторы консолидации с гражданами России. На основании результатов социологических исследований проводится анализ базовых гражданских ценностей студенческой молодежи в разных региональных социумах.

Ключевые слова: студенческая молодежь, гражданские ценности, консолидация, модернизация.

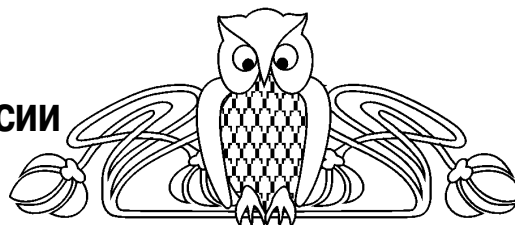
Modern Student Youth's Civil Values in the Conditions of Sociocultural Modernization of Russia

L. V. Rojkova

In article civil-patriotic values and factors of consolidation with citizens of Russia are considered. On the basis of results of sociological fol-

Примечания

- ¹ Анализ эффективности бюджетных расходов на детей. Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации. Доклад Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). М., 2011. С. 6.
- ² См.: Lino M. Expenditures on children by rural families // Rural America. 2002. Vol. 17, iss. 1 / Spring ; Lugo-Gil J., Yoshikawa H. Assessing expenditures on children in low-income ethnically diverse and immigrant families // National Poverty Center Working Paper Series. 2006. № 06–36, October. URL: http://www.npc.umich.edu/publications/working_papers/ (дата обращения: 11.12.2011).
- ³ См.: Poland M., Seth-Purdie R. Measuring the cost of children : concepts and methodologies. URL: <http://www.familiescommission.govt.nz/research/children/measuring-the-cost-of-children> (дата обращения: 11.12.2011).
- ⁴ Ibid.
- ⁵ См.: Samuelson P., Solow R. A Complete Capital Model Involving Heterogeneous Capital Goods // Quarterly J. of Economics. 1956. Vol. 70, № 4. P. 537–562.
- ⁶ См.: Becker G. Treatise on the Family. Cambridge : Harvard University Press, 1991.
- ⁷ Выборочное прикладное социологическое исследование социально-экономического положения сельских семей с детьми было проведено Институтом аграрных проблем РАН совместно с Министерством социального развития Саратовской области в 2010 г. по выборке, репрезентативной структуре домохозяйств с детьми с различным числом детей, n = 283, респонденты – сельские женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие от 1 до 8 детей.

lowings the analysis of base civil values of student's youth in various regional societies is spent.

Key words: student's youth, civil values, consolidation, modernization.

Актуальность исследования гражданско-патриотических ценностей связана с происходящими в России социально-экономическими и политическими преобразованиями, поскольку для успешной реализации российского социокультурного проекта необходимым является высокий уровень социетальной консолидации, одним из элементов которого является уровень развития гражданских ценностей и гражданственности в целом.

Гражданство чаще всего определяют с юридической точки зрения как устойчивую правовую связь между индивидом и государством, выражающуюся в наличии взаимных прав и обя-

занностей. Это понятие описывает формальное отношение государства и индивидов, которые считаются гражданами¹.

Формирование гражданских ценностей представляет собой процесс становления и развития социально значимых позиций гражданственности, которая может быть рассмотрена не только как принадлежность к государству и возможность пользоваться правами гражданина, но и как определенный уровень сформированности актуальных гражданских ценностей. Быть гражданином означает осознавать принадлежность к своей Родине, знать историю, традиции и культуру своей страны.

Важнейшим показателем активного гражданства, инициативного поведения и практического гражданского соучастия в общественных делах является гражданская культура. По мнению Г. Алмонд, С. Верба, она представляет собой культуру лояльного участия². Понятие гражданской культуры рассматривается как особое взаимодействие личности и общества на основе разделяемых гражданских знаний, норм, ценностей. Она оказывает решающее влияние на утверждение социального статуса гражданина³.

Гражданско-патриотические ценности отражают отношение человека к Родине; выражаются в уважении к истории, традициям, культуре своего народа, в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским сообществом; обуславливают гражданско-патриотическую позицию человека. На основании этого можно выделить основные гражданско-патриотические ценности: преданность и любовь к Родине, народу; историческое и культурное наследие родного края; социально значимая деятельность; гражданские права и свободы; гражданский долг и честь, вера и преданность своему Отечеству.

В соответствии с данными, представленными Л. М. Дробижевой, около 70% респондентов отметили, что для того, чтобы считаться настоящим россиянином, нужно чувствовать ответственность за судьбу страны и быть патриотом России⁴. В

более позднем ее исследовании был поставлен вопрос: что значит «быть россиянином»? Варианты ответа «чувствовать ответственность за страну» и «быть российским патриотом, любить Россию» дали около 80% респондентов в Калининградской, Свердловской, Томской, Воронежской, Саратовской областях и Приморье. При этом около 60% опрошенных во всех регионах считали, что рассматриваемые характеристики очень важны. Патриотические чувства, по мнению Л. М. Дробижевой, – это эмоциональный компонент идентичности: «Конечно, вряд ли кто-то любит у нас государственные институты, чаще их критикуют, а реально к ним проявляют большую или меньшую лояльность. А вот любить можно страну, людей, поэтому этот индикатор можно интерпретировать как эмоциональный элемент именно гражданской идентичности»⁵.

С целью оценки гражданских ценностей было проведено социологическое исследование среди студентов вузов четырех регионов Среднего Поволжья (n = 1254, 2010 г.). Результаты его показали, что для 52% респондентов «быть гражданином России» означает иметь гражданские права и нести обязанности; 43% опрошенных сказали, что нужно любить свою Родину, быть патриотом России. По результатам авторского исследования, студенты, придерживающиеся модернизационных ориентаций⁶, в большей мере, чем традиционалисты, считают, что быть гражданином России означает быть им по паспорту (32% модернистов против 25% традиционалистов), проживать в России (38% против 30%). Студенты-традиционалисты в большей мере считают, что нужно быть патриотом России (48% традиционалистов против 34% модернистов), защищать государство (24% против 19%), исполнять законы (37% против 31%). Варианты «иметь гражданские права», «знать историю, гордиться родиной» и «нести ответственность за судьбу страны» получили практически одинаковую поддержку у традиционалистов и модернистов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что лично для Вас означает быть гражданином России?» в зависимости от типа мировоззрения, %

Варианты ответов	Всего	Социальные установки		
		Модернисты	Традиционалисты	Представители смешанного типа
Удельный вес в выборке	100	26	9	65
Быть гражданином России по паспорту	26	32	25	24
Проживать в России	35	38	30	35
Иметь гражданские права и нести обязанности	52	49	46	55
Быть патриотом, любить свою Россию	43	34	48	46
Защищать государство	19	19	24	18
Исполнять законы России	33	31	37	34
Знать историю страны, гордиться достижениями	39	36	37	41
Нести ответственность за судьбу страны	16	16	13	16

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность.

Различия во взглядах на понятие гражданства в зависимости от национальной принадлежности практически не просматриваются. Исключение составляют два параметра: «быть патриотом, любить Россию» поддержали 46% русских студентов и 36% татар; «знать историю страны, гордиться достижениями» – 42% русских и 35% татар.

Различаются взгляды студенческой молодежи в зависимости от типа поселения (где проживали студенты до поступления в вуз). Так, для студентов осознание «быть гражданином по паспорту» (45% студентов из мегаполисов, 18% – из поселков), «проживать в России» (36 и 30%), «иметь гражданские права и нести обязанности» (20 и 12%) по мере уменьшения населенности поселения уменьшается. Понимание гражданства как «иметь гражданские права» (41% студентов из мегаполисов, 56% – из поселков), «быть патриотом, любить Родину» (32 и 51%), «исполнять законы» (20 и 38%) повышается по мере уменьшения населенности поселения. Таким образом, полученные данные показывают, что имеются достаточно серьезные различия во взглядах городских и сельских жителей на понимание гражданства. Для жителей мегаполисов и крупных городов приоритет отдается классическому пониманию гражданства: быть гражданином по паспорту, проживать в России; жители небольших населенных пунктов считают, что быть гражданином означает в первую очередь быть патриотом, любить Родину.

Данные исследований также выявили некоторые гендерные отличия в понимании значения гражданства. Женщины больше, чем мужчины, считают, что быть гражданином означает иметь гражданские права и нести гражданские обязанности (58% женщин, 46% мужчин); исполнять законы России (38 и 28%). В то же время 25% мужчин и 14% женщин считают, что быть гражданином – значит защищать государство.

Результаты исследования выявили зависимость взглядов студентов на значение гражданства России от степени их успеваемости: 52% студентов, которые учатся на «4» и «5», и 43% студентов, которые учатся с трудом, сказали, что для них быть гражданином России означает иметь права и нести обязанности. Гражданство связывают с патриотизмом и защитой государства в большей степени студенты, которым учеба дается с трудом. Точки зрения, что необходимо исполнять законы, придерживаются 36% «отличников» и 21% тех, кому учеба дается с трудом. Знать историю страны, гордиться достижениями также больше свойственно «отличникам» (41% против 28%).

Степень и уровень развития гражданских прав также взаимосвязаны с курсом обучения студентов. Так, варианты «проживать в России» (30% – на первом курсе и 44% – на пятом), «иметь гражданские права и обязанности» (50% – на первом курсе и 47% – на пятом) являются наи-

более выбираемыми по мере возрастания курса обучения. Варианты «быть патриотом» (53% – на первом курсе и 32% – на пятом), «знать историю, гордиться достижениями» (46% – на первом курсе и 31% на пятом) больше всего выбирали студенты первых курсов (по мере увеличения курса происходит уменьшение количества студентов, выбравших эти варианты ответа).

В целом результаты исследования выявили снижение ценности патриотизма в сознании молодежи современной России. Сейчас во взрослую жизнь вступает поколение, родившееся в начале 1990-х гг., которое уже не застало Советского Союза с его более или менее устоявшимися ценностями. Изменение системы ценностей молодежи не успевало за более быстрыми переменами в общественных настроениях. Патриотизм, развитие которого раньше уделяли много внимания, постепенно превратился из необходимого элемента воспитания подрастающих поколений во что-то несовременное. К развитию патриотизма у молодежи относились все более формально, что непосредственно сказалось на степени развития гражданско-патриотических ценностей.

В рамках исследования предполагалось также оценить взгляды на значение гражданства России в срезе разных регионов. Полученные данные позволили выявить, что широкого понимания гражданства не только как наличия прав и обязанностей, но и как соблюдения этического-моральных правил, которые определяют истинного гражданина, больше всего придерживаются студенты, обучающиеся в вузах Пензенской области. Студенты из Татарстана понимают гражданство скорее в строго юридическом смысле, не связывая его с патриотизмом, знанием истории и гордостью за достижения России.

Большое значение для оценки развития гражданских ценностей имеет анализ факторов консолидации с гражданами России. По данным исследований ИС РАН, среди факторов консолидации с гражданами были выделены следующие: единое государство (около 60% русских), ответственность за судьбу страны, родная земля, природа, историческое прошлое⁷. По рейтингу консолидирующих факторов гражданская ответственность находится на втором месте, конкурируя с такими представлениями, как «родная земля, природа» и «общее историческое прошлое». Но доминирует вариант «единое государство» – административно-территориальный фактор.

Большинство респондентов указали на то, что с гражданами России их объединяет государство – 56%; на втором ранговом месте стоит язык – 43%, на третьем – родная земля, природа – 38%; 28% студентов отметили, что их объединяет с гражданами России историческое прошлое; 22% – родственные и дружеские связи; 20% – культура. Вариант «ответственность за судьбу страны» выбрали только 17% опрошенных (однако, по данным общероссийских исследований, этот по-

казатель составляет около 30%). Среди вариантов «другое» участники опроса выбрали следующие: черты характера, желание сменить гражданство, дружба с некоторыми представителями других национальностей, менталитет; 1% респондентов отметили, что с гражданами России их ничего не объединяет.

Модернисты в большей степени, чем традиционалисты, говорят о том, что их объединяет с гражданами России единое государство (55% против 48%) и язык (44% против 34%). Традиционалисты в большей степени выделяют такие факторы консолидации, как культура (22% против 17%), историческое прошлое (33% против 25%) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что объединяет Вас с другими гражданами России?» в зависимости от типа мировоззрения и национальности, %

Варианты ответов	Всего	Социальные установки		
		Модернисты	Традиционалисты	Представители промежуточного типа
Удельный вес в выборке	100	26	9	65
Язык	43	44	34	43
Культура	20	17	22	21
Обычаи, обряды	6	6	3	7
Родная земля, природа	38	38	41	38
Черты характера	9	11	7	9
Религия	7	5	10	7
Историческое прошлое	28	25	33	29
Единое государство	56	55	48	58
Внешний облик	5	8	5	4
Родственные и дружеские связи	22	23	22	22
Ответственность за судьбу страны	17	16	23	16
Другое	1	1	3	1
Затрудняюсь ответить	4	5	3	4

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность.

При сравнении ответов респондентов в срезе национальности было выявлено, что русские студенты в большей мере, чем представители других национальностей, отмечают, что их объединяет историческое прошлое. Представители татарской национальности в большей мере считают, что их объединяет единое государство, родная земля, культура и ответственность за судьбу страны; мордва – что с гражданами России их объединяет язык, родственные связи, религия. Такой фактор консолидации, как «единое государство», выделили 62% татар, 58% мордвы и 55% русских; «ответственность за судьбу страны» – 21% татар, 17% русских и 14% мордвы.

Значимость языка как фактора консолидации российских граждан снижается по мере уменьшения (снижения населенности) поселения, в котором проживали студенты до поступления в вуз: чем крупнее населенный пункт, тем больше значимость языка как фактора объединения с гражданами России. Это же можно сказать и о факторах «родная земля», «родственные и дружеские связи». Историческое прошлое больше значимо для студентов из сельской местности. Студенты старших курсов в большей мере, чем

младших, в качестве консолидирующих факторов рассматривают язык и культуру.

Фактор «родная земля» имеет большее значение для студентов первых курсов, а «историческое прошлое» и «единое государство» – для третьекурсников. Следует отметить, что значимость фактора «единое государство» повышается к третьему курсу, а к пятому – опять снижается до процентного отношения на первом курсе. Значимость факторов «родственные связи» и «ответственность за судьбу страны» снижается по мере увеличения курса обучения. «Историческое прошлое» более важно для студентов социально-экономических и гуманитарных специальностей (36%), чем технических (22%), а «единое государство» – для студентов, обучающихся на естественнонаучных специальностях (61%), значимее, чем для студентов технических специальностей (51%).

Анализ факторов консолидации с гражданами России в срезе гендерного аспекта показал, что мужчины больше, чем женщины, рассматривают язык (48% мужчин и 38% женщин) и культуру (23 и 19%) в качестве факторов, объединяющих их с гражданами; 61% женщин и 50% мужчин говорят о едином государстве, 24% женщин и 20%

мужчин отметили родственные связи как факторы консолидации.

Степень успеваемости студентов также в определенной мере связана с различиями во взглядах на факторы, которые объединяют их с гражданами России. В соответствии со снижением степени успеваемости уменьшается значимость таких факторов, как «историческое прошлое» и «единое государство», и, наоборот, студенты, которым учеба дается с трудом, в большей мере, чем отличники, говорят о таких факторах, как «язык» и «родственные связи».

При анализе факторов консолидации с гражданами России в зависимости от региональных особенностей значительных отличий выявлено не было. Исключение составляют три фактора: «язык» – этот вариант был наиболее выбираем студентами из Республики Мордовия; «родная земля» – об этом больше говорили студенты из Татарстана; вариант «родственные связи» наиболее выбираем студентами из вузов Пензенской области.

Таким образом, данные проведенных социологических исследований показали, что для студенческой молодежи быть гражданином России означает (в порядке убывания): иметь гражданские права и нести обязанности; любить свою Родину, быть патриотом России; знать историю страны и гордиться ее достижениями. Понимание гражданства ближе к строго юридическому смыслу без связи его с патриотизмом, знанием истории и гордостью за достижения России в основном свойственно студентам из Татарстана. Студенты-модернисты в большей степени придерживаются строго юридического понимания гражданства; в этой группе выявлено значительное снижение самой ценности «патриотизм». Традиционалисты связывают гражданственность с патриотизмом, исполнением законов и защитой государства. От-

ветственность за судьбу страны разделяет только пятая часть респондентов. Полученные данные свидетельствуют, что студенческой молодежи присущи недостаточно высокие уровень, глубина социетальной консолидации и общего консолидационного потенциала.

Примечания

- 1 См.: Малинова О. Ю. Гражданство, права человека и изменчивые векторы модернизации. URL: <http://www.pgpalata.ru/reshr/grow/09.shtml> (дата обращения: 12.12.2011).
- 2 См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
- 3 См.: Салганова Е. И. Гражданская культура как социальный феномен // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2008. Вып. 9, № 32(133).
- 4 См.: Дробижеева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннее предупреждение конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М., 2009.
- 5 Дробижеева Л. М. Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=908> (дата обращения: 12.12.2011).
- 6 Деление респондентов по типам мировоззрения (традиционалисты, модернисты и представители смешанного типа) осуществлялось с использованием индекса в некоторой модификации, разработанного Институтом социологии РАН (подробнее см.: Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности студенческой молодежи // Социология образования. 2010. № 11. С. 65–76).
- 7 См.: Рожкова Л. В. Указ. соч.

УДК 316.334.23

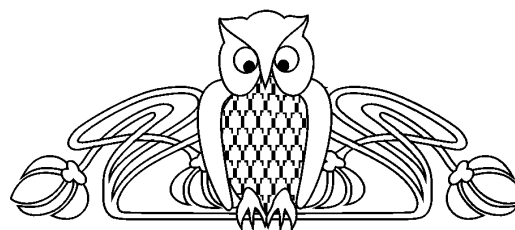
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ БИЗНЕСОМ

В. Б. Бокарева

Современная гуманитарная академия, Москва
E-mail: vera_borisovna@list.ru

В статье охарактеризована современная система управления малым бизнесом в России; проведен анализ отечественного и зарубежного опыта социального управления предпринимательством; определены методы управления в развитых зарубежных странах, актуальные для нашей страны; разработаны группы механизмов по поддержке и развитию малого бизнеса в России.

Ключевые слова: малый бизнес, социальное управление, система поддержки малого бизнеса.

Domestic and Foreign Experience of Social Management by Small Business

V. B. Bokareva

In article the modern control of small business in Russia; the analysis of domestic and foreign experience of social management is carried out by business; methods of management in the developed foreign countries, actual for our country are defined; groups of mechanisms on support and development of small business in Russia are developed.

мужчин отметили родственные связи как факторы консолидации.

Степень успеваемости студентов также в определенной мере связана с различиями во взглядах на факторы, которые объединяют их с гражданами России. В соответствии со снижением степени успеваемости уменьшается значимость таких факторов, как «историческое прошлое» и «единое государство», и, наоборот, студенты, которым учеба дается с трудом, в большей мере, чем отличники, говорят о таких факторах, как «язык» и «родственные связи».

При анализе факторов консолидации с гражданами России в зависимости от региональных особенностей значительных отличий выявлено не было. Исключение составляют три фактора: «язык» – этот вариант был наиболее выбираем студентами из Республики Мордовия; «родная земля» – об этом больше говорили студенты из Татарстана; вариант «родственные связи» наиболее выбираем студентами из вузов Пензенской области.

Таким образом, данные проведенных социологических исследований показали, что для студенческой молодежи быть гражданином России означает (в порядке убывания): иметь гражданские права и нести обязанности; любить свою Родину, быть патриотом России; знать историю страны и гордиться ее достижениями. Понимание гражданства ближе к строго юридическому смыслу без связи его с патриотизмом, знанием истории и гордостью за достижения России в основном свойственно студентам из Татарстана. Студенты-модернисты в большей степени придерживаются строго юридического понимания гражданства; в этой группе выявлено значительное снижение самой ценности «патриотизм». Традиционалисты связывают гражданственность с патриотизмом, исполнением законов и защитой государства. От-

ветственность за судьбу страны разделяет только пятая часть респондентов. Полученные данные свидетельствуют, что студенческой молодежи присущи недостаточно высокие уровень, глубина социетальной консолидации и общего консолидационного потенциала.

Примечания

- 1 См.: Малинова О. Ю. Гражданство, права человека и изменчивые векторы модернизации. URL: <http://www.pgpalata.ru/reshr/grow/09.shtml> (дата обращения: 12.12.2011).
- 2 См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
- 3 См.: Салганова Е. И. Гражданская культура как социальный феномен // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2008. Вып. 9, № 32(133).
- 4 См.: Дробижеева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннее предупреждение конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М., 2009.
- 5 Дробижеева Л. М. Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=908> (дата обращения: 12.12.2011).
- 6 Деление респондентов по типам мировоззрения (традиционалисты, модернисты и представители смешанного типа) осуществлялось с использованием индекса в некоторой модификации, разработанного Институтом социологии РАН (подробнее см.: Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности студенческой молодежи // Социология образования. 2010. № 11. С. 65–76).
- 7 См.: Рожкова Л. В. Указ. соч.

УДК 316.334.23

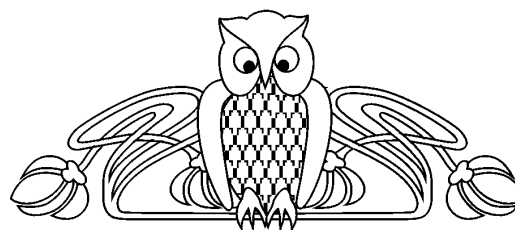
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ БИЗНЕСОМ

В. Б. Бокарева

Современная гуманитарная академия, Москва
E-mail: vera_borisovna@list.ru

В статье охарактеризована современная система управления малым бизнесом в России; проведен анализ отечественного и зарубежного опыта социального управления предпринимательством; определены методы управления в развитых зарубежных странах, актуальные для нашей страны; разработаны группы механизмов по поддержке и развитию малого бизнеса в России.

Ключевые слова: малый бизнес, социальное управление, система поддержки малого бизнеса.

Domestic and Foreign Experience of Social Management by Small Business

V. B. Bokareva

In article the modern control of small business in Russia; the analysis of domestic and foreign experience of social management is carried out by business; methods of management in the developed foreign countries, actual for our country are defined; groups of mechanisms on support and development of small business in Russia are developed.

Key words: small business, social management, system of support of small business.

Малое предпринимательство в России до начала рыночных реформ не являлось организованным структурным элементом социально-экономической системы. Результаты структурно-функционального анализа свидетельствует о том, что в России таковым оно стало лишь с конца XX в.

Как показывает содержательный анализ отечественной законодательной базы, в основу всей системы программных направлений закладывается комплекс мероприятий по совершенствованию нормативной правовой базы государственной поддержки малого бизнеса. Так, уже созданы определенные правовые условия для страхования рисков предпринимательской деятельности; расширены и закреплены права фондов поддержки малого бизнеса; разработан закон о реализации схем привлечения, аккумулирования и направления средств частных инвесторов на развитие предпринимательства. В 2001 г. Государственной думой был принят Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», в котором вместо 2000 видов лицензий определено лишь 119 видов деятельности, для осуществления которых необходимо получать лицензию. Существенно, что в течение нескольких лет до финансового кризиса 2008 г. в России отмечался рост сектора малого предпринимательства¹. Однако, по данным Национального института системных исследований, на 1 января 2011 г. количество зарегистрированных малых предприятий в России за год уменьшилось на 3,6%.

Содержательный анализ законодательства свидетельствует о том, что на сегодняшний день в нашей стране за малыми предприятиями закреплена более четкий экономический и юридический статус, изменились критерии отнесения предприятий к малому бизнесу. Был разработан ряд законопроектов с целью уменьшения контроля за малым предпринимательством со стороны налоговых и правоохранительных служб; организованы общественные советы по защите прав малых предпринимателей. В частности, разработан проект федерального закона от 18 сентября 2007 г. №193202-4 «Об особенностях участия субъектов малого предпринимательства в приватизации арендованного государственного и муниципального имущества», согласно которому предприятия получают право выкупать арендуемые помещения.

Существенное значение имеют Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»², который установил два основных критерия отнесения предприятий к субъектам малого и среднего предпринимательства; Постановление Правительства РФ № 556, принятое 22 июля 2008 г., «О предельных зна-

чениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства», подписанный президентом 29 декабря 2010 г. законопроект «О пониженных ставках страховых взносов для малого бизнеса в 2011–2012 годах».

Как показывает социальная практика, имеет место субсидирование малых предприятий, получение кредита без залога и поручительства, стимулирование работы банков с малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями. Владельцы малых предприятий констатируют уменьшение числа различных административных проверок; сокращение «неформальных платежей»; отсутствие сложностей с кредитами³.

Опрос экспертов (n = 12) показал, что современное социальное управление малым бизнесом в России имеет следующие характеристики.

1. Недостаточная степень структурированности органов государственной поддержки, которые занимаются вопросами развития предпринимательской деятельности (Министерство по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, Министерство финансов, Министерство экономики, Министерство труда и социального развития, Министерство образования и другие. Аналогичные структуры действуют на региональном уровне). Во многом это обусловлено тем, что российская структура органов государственной поддержки малого бизнеса в отличие от зарубежных стран формировалась стихийно. Малому бизнесу необходима стабильная государственная поддержка и формирование приоритетов развития малого бизнеса.

2. Несовершенство законодательной базы, на которую сейчас опирается малый бизнес. Проблема правовой основы малого предпринимательства будет решена, когда удастся избавиться от правового нигилизма. Однако это не исключает необходимости концентрации на процессе разработки и адаптации специальных законодательных мер регулирования малого бизнеса.

3. Отсутствие четкой системы социальной защиты, социальных гарантий и социального обеспечения предпринимательской деятельности по отношению как к обществу, так и к самим предпринимателям.

4. Недостаточно развитая инфраструктура и материально-техническая ресурсная база. Многим малым предприятиям не хватает внешнего финансирования, причем главными препятствиями к получению кредита являются жесткие условия, выдвигаемые банками, недостаток льгот и субсидий, слабое содействие в области привлечения инвестиций в сектор малого бизнеса. В больших городах малый бизнес сталкивается с такими проблемами, как завышенные цены на аренду, высокая стоимость рабочей силы, исчезновение некоторых видов рабочих специальностей. Не последнюю роль играют старая инфраструктура, трудности выхода малого бизнеса на общероссий-

ский рынок и слабая мотивация к труду, низкий интерес к работе.

5. Наличие административных барьеров. Их количество постепенно снижается, но по-прежнему имеют место нестабильность в этой сфере, отсутствие прозрачности в схемах взаимодействия с органами власти и иными ответственными учреждениями, административное давление. Наиболее очевидным образом административные барьеры на пути предпринимательства проявляются в процессе регистрации малых предприятий, а также при периодически возникающей необходимости получения или возобновления лицензии на осуществление того или иного вида предпринимательской деятельности.

6. Недостаточно высока степень адаптированности системы образования и послевузовского обучения к современным реалиям малого бизнеса. Весьма существенной причиной, которая тормозит развитие частного предпринимательства в нашей стране, является низкий уровень знаний, необходимый при построении бизнес-процессов. Развитию малого бизнеса препятствуют высокая стоимость внешнего обучения и, как следствие, недостаток необходимых знаний и квалификации у самих предпринимателей, а также у наемного персонала.

7. Отсутствие системности и легкой доступности в получении комплекса информации о становлении, функционировании и развитии малого бизнеса. Несмотря на существование многих программ помощи малому предпринимательству, содержание их остается для большинства компаний неизвестным. Налицо нехватка информации в различных областях, отсутствие единой системы и адаптированной структуры подобных проектов.

8. Недостаточно развитая и действенная система объединений, ассоциаций малого бизнеса, отсутствие комплексной социально-политической поддержки малого бизнеса.

Современный этап развития малого бизнеса в России характеризуется изменением его социально-экономического облика, расширением его функций и перспектив как для отдельных индивидов, так и для общества в целом. Сравнительный анализ свидетельствует о необходимости повышения эффективности социального управления малым бизнесом в нашей стране, поскольку в соотношении со странами с высоким уровнем жизни оно находится на более низкой ступени развития.

Россия в значительной степени уступает странам с более развитой социально-экономической системой по показателям количества предприятий малого бизнеса и занятости в этом секторе трудоспособного населения.

В Японии в 6,5 раз больше, чем в России, трудоспособного населения занято в малом бизнесе; в Германии – в 5,4 раза; в Канаде – в 4,7 раза; в США – в 4,5 раза; во Франции – в 4,2 раза.

По показателю отношения численности населения страны к количеству предприятий мало-

го бизнеса Россия также значительно отстает от этих стран. К примеру, в Японии на 21,1 жителя страны приходится одно предприятие малого бизнеса, аналогичная ситуация во Франции – на 21,3 жителя, в Канаде этот показатель еще выше – в среднем на 15 человек зарегистрировано одно предприятие малого бизнеса. В России же в среднем на 140 жителей страны приходится одно предприятие малого бизнеса.

С целью определения дальнейших ориентиров развития и поиска наиболее эффективных форм и механизмов социального управления малым бизнесом в современной России нужен анализ зарубежного опыта социального управления малым бизнесом. Очевидно, что без кардинального изменения отношения к малому предпринимательству органов власти невозможно добиться усиления его роли в социально-экономическом развитии страны.

В контексте темы статьи актуальны выдержки из авторского социологического исследования, проводимого в рамках докторской диссертации (респонденты – малые предприниматели Нижнего Новгорода и Нижегородской области; анкетный опрос: $n = 509$ чел.; генеральная совокупность – 564 тыс. чел.; ошибка выборки – 4,34; цель исследования – определение путей социального управления, направленных на повышение эффективности деятельности предприятий малого бизнеса; сроки проведения: март–апрель 2011 г.; группа условно названа «предприниматели», и экспертный опрос: $n = 12$; приняли участие эксперты в области социального управления малым бизнесом: руководители информационно-аналитических центров, муниципальных органов, представители ассоциаций малого и среднего бизнеса в Нижнем Новгороде и Нижегородской области, группа условно названа «эксперты»).

Результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что подавляющее большинство экспертов в области социального управления малым бизнесом оценивают систему поддержки малого бизнеса в развитых зарубежных странах как эффективную (91,7% – положительная оценка). Так, 75% экспертов уверены в том, что механизмы поддержки малого бизнеса, применяемые за рубежом, можно успешно адаптировать к российским реалиям; 16,7% также склоняются к положительному ответу; лишь 8,3% экспертов сомневаются в результативности такого механизма. Большинство экспертов (75%) считают наиболее эффективными социально-административные меры поддержки малого бизнеса в зарубежных странах; немногим меньше (66,7%) дали положительную оценку социально-экономическим мерам. Со значительным отрывом на третьем месте в перечне оценок расположились социально-политические меры (25% экспертов считают их эффективными). По 8,3% экспертов высказались за социально-психологические и социально-педагогические меры. Такая оценка вполне прогнозируема, поскольку только

при наличии комплексной государственной поддержки и развитой социально-экономической системы малый бизнес эффективно функционирует и развивается.

Данные социологического исследования свидетельствуют также о том, что большая часть предпринимателей солидарны с экспертами (93% оценивают систему поддержки малого бизнеса в развитых зарубежных странах как эффективную). В отношении потенциальной успешности адаптации механизмов поддержки малого бизнеса к российским условиям, реализуемых за рубежом, ожидания предпринимателей немного менее оптимистичны, чем ожидания экспертов (71,1% предпринимателей поддерживают подобную идею, 9,8% склоняются к положительной оценке, а 19,1% – к отрицательной). Более половины предпринимателей (60,9%) считают социально-экономические меры поддержки малого бизнеса наиболее эффективными, на втором месте по популярности – социально-административные меры (51,2%), на третьем месте – социально-правовые меры (30,4%). В отличие от экспертов предприниматели считают социально-психологические меры достаточно существенными (21,4% респондента выбрали этот вариант ответа). Социально-политические меры (18,2%) расположились на пятом месте. На последнем месте по значимости – социально-педагогические меры (14,1%).

Таким образом, результаты социологического исследования и экспертного опроса наряду с данными статистического анализа свидетельствуют о значимости изучения опыта социального управления малым бизнесом в развитых зарубежных странах и необходимости его адаптации и применения в отечественной практике.

Как показывает ретроспективный анализ, с самого начала становления малого предпринимательства в странах Европы стала прослеживаться историческая тенденция к страновой специализации бизнеса: в Голландии это – торговля и посреднические услуги; во Франции и Италии – ростовщичество, банковская сфера, виноделие; в Англии и Германии – промышленность.

Исторически малый бизнес, зародившись в недрах феодального общества, эволюционировал вместе с развитием рынка и занимал все новые и новые рыночные ниши. Современный зарубежный малый бизнес в отличие от своего исторического предшественника является высокоспециализированным и технологичным. В настоящее время имеет место сосуществование различных форм малого бизнеса: высокотехнологичный малый бизнес в производственной сфере; малый бизнес в сфере услуг; малый бизнес, встроенный в систему взаимоотношений с крупным бизнесом; промыслы, ремесла, базирующиеся на ручном труде⁴.

В Германии, к примеру, реализуется специальная программа по стимулированию накопленных для основного финансирования, которая по-

зволяет малым организациям получать льготные субсидии на перспективные проекты. Обучение и консультирование проводят в основном торгово-промышленные палаты. Помимо этого в Германии действует льготное налогообложение малого бизнеса.

Правительство Польши выдвинуло на первый план необходимость стимулирования побудительных мотивов к предпринимательской деятельности и производственным инвестициям. Его основные усилия сосредоточены на создании благоприятных стартовых условий для малого бизнеса: предоставление дотаций и льготных кредитов, информационно-консультационная поддержка. Стратегия польского правительства основана на принципе ограничения регулирующей роли государства в экономической жизни и максимального высвобождения рыночных механизмов.

В Японии система поддержки предпринимательства направлена на обеспечение условий деятельности малых и средних предприятий в качестве полноправных элементов рыночной конкуренции, развитие их взаимодействия и проведение мер по их поддержке. Большое внимание уделяется модернизации и совершенствованию отраслевой структуры. Малым предприятиям предоставлено право для защиты своих интересов объединяться в консорциумы и картели без применения к ним антимонопольных санкций. Сформирована система кредитно-финансовых и страховых институтов, ориентированных на обслуживание сектора малого бизнеса. Японским правительством принят также ряд мер по развитию франчайзинга, предоставлению госзаказов и содействию экспортным возможностям. Вопросы участия субъектов малого предпринимательства в поставках для государственных нужд регулируются Законом «Об обеспечении малых и средних предприятий государственными заказами». Он создан с целью содействия развитию малого бизнеса методом расширения спроса на его продукцию и услуги за счет государственных заказов.

Существенно, что в Японии Кабинет министров ежегодно определяет курс заключения договоров государства и ряда учреждений с малыми и средними предприятиями⁵, устанавливая целевые нормативы по размеру и удельному весу договоров с малыми предприятиями в общем объеме государственных заказов, ориентирует местные органы власти на привлечение малых предприятий к выполнению муниципальных заказов.

В Великобритании значительная роль малого бизнеса принадлежит бюджетно-налоговой и кредитной политике правительства. К мерам общего характера относятся установление для мелких фирм пониженной ставки налога с корпораций, отложенная оплата счетов, эффективная система скидок при уплате просроченных долгов.

Существенно, что основная помощь малому бизнесу реализуется посредством программ: «Схема грантов»; «Схема содействия в создании предприятий», – предусматривающих финансовую помощь безработным, намеренным организовать собственное дело, страхование кредитов для мелких и средних предприятий.

В США законодательно установлено обеспечение малым предприятиям максимальных практических возможностей участия в выполнении контрактов, реализуемых любыми государственными органами и учреждениями. Администрация по делам малого бизнеса оказывает помощь малым предприятиям в получении контрактов и субподрядов⁶.

Как показывает ретроспективный анализ, именно в США широкая и разносторонняя поддержка малому бизнесу начала развиваться раньше, чем в других странах. Федеральные программы, которые только лишь начинают разрабатываться в некоторых странах, в США внедрены еще в 1932 г. Они базируются на разветвленных экономических и организационных механизмах, в них используются разнообразные формы и методы⁷. Ведущей организацией, осуществляющей разработку политики и координацию деятельности по поддержке малого бизнеса, является федеральное ведомство – Администрация по делам малого бизнеса. Помимо этого поддержку оказывают соответствующие комитеты конгресса, специальные подразделения в министерствах и других правительственных ведомствах, а также местные органы власти.

Важным направлением стимулирования малого бизнеса, ориентированного на инновации, со стороны государства, крупного бизнеса, университетов и научно-исследовательских центров является организация технопарков. Технопарки – это научно-промышленные комплексы, созданные для производства новейшей продукции или разработки новейших технологий. Первичным элементом, используемым при строительстве технопарков, является инкубатор⁸. В организации так называемых инкубаторских программ нашла выражение идея полного обеспечения малых фирм всем необходимым. Их главное назначение – поддержка малого бизнеса на этапе планирования деятельности и становления. Существует четыре основных типа инкубаторов: государственные, университетские, корпоративные и частные. Они различаются по целям создания и по преобладающему источнику финансирования.

Так же, как и в Великобритании, в США существует система страхования предпринимательских займов. В США реализуются целевые программы поддержки малого бизнеса. К примеру, программа «7а» предоставляет длительные финансовые гарантии (до 25 лет) малому предпринимателю на займы и фиксированную процентную ставку на возврат; программа «504» направлена на содействие и модерниза-

цию действующих малых предприятий, по ней предоставляется долгосрочный кредит для покупки недвижимого имущества, оборудования, финансирования модернизации технологий с фиксированной процентной ставкой.

В Канаде так же, как и в США, реализуются целевые программы по поддержке предпринимательства и предоставляются информационно-консультационные услуги. Центры занятости активно включены в систему поддержки малого бизнеса – ему предоставляется помощь по подбору и найму персонала, консультирование и бесплатные семинары по кадровой стратегии организации, социальному страхованию.

Несколько иное отношение к поддержке малого бизнеса во Франции. В этой стране получила распространение точка зрения, что малым предприятиям не следует искусственно создавать более выгодные условия, нежели более крупным организациям. В равных условиях конкурентной борьбы должны выживать сильные и эффективные предприятия, это, с позиции правительства, наиболее выгодно для всего общества. Во Франции развита система субсидий малого бизнеса, как правило, их назначение находится в компетенции региональных властей. Наибольшее распространение получила помощь в реализации инноваций, благодаря которой покрывается около половины расходов малого предприятия⁹. Помимо этого малые предприятия имеют возможность получать через единый координационный центр определенные виды кредитных услуг – ссуды на создание предприятий, приобретение оборудования, участие в лизинговых программах. Среди мер поддержки малого бизнеса реализуются следующие: полное освобождение новых предприятий от налогов на прибыль в течение первых двух лет работы, на 75% на третьем году, на 50% на четвертом году, на 25% на пятом. Также предусматривается возможность для малых и средних предприятий отсрочки ряда налогов при временном недостатке средств.

Испания относится к наиболее развитым странам Западной Европы, она вполне привлекательна для иностранных инвестиций. Ведущая государственная организация, которая занимается практической реализацией политики в отношении малого бизнеса, – это Институт малых и средних предприятий. Основным источником его финансирования служит государственный бюджет, помимо этого Институт имеет некоторые финансовые поступления от инвестиционной, издательской деятельности и информационного обслуживания. Основное внимание испанского правительства сосредоточено на предприятиях малого бизнеса, которые создают рабочие места для социально уязвимых слоев населения.

В Италии государственная политика в отношении малого предпринимательства имеет селективный характер, поддерживает только некоторые направления. На уровне государства финансовая

помощь инновационным предприятиям оказывается специализированными фондами, которые управляются государственным кредитным учреждением¹⁰. Малый бизнес помимо традиционных видов финансирования получает содействие в области технических и технологических нововведений.

В Нидерландах национальные программы поддержки малого бизнеса также сконцентрированы в области инновационной деятельности. Программы направлены преимущественно на развитие высоких технологий, энергетики, защиты окружающей среды, борьбу с безработицей и совершенствование профессионального обучения. Малые предприятия получают дотации, компенсирующие более половины расходов на работу, при условии, что исследовательские работы являются новыми для организации, а их результаты ориентированы на рынок Нидерландов. Заслуживает положительной оценки система инвестиционных грантов, которые предоставляются компаниям, организующим свою деятельность в экономически более слабых районах страны.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что для России актуальны следующие группы мер социального управления малым бизнесом, реализуемые в развитых зарубежных странах:

1. Наличие развитой инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, включающей систему специализированных институтов, содействующих разработке и реализации государственной политики в сфере малых предприятий. Она создается и действует при государственном участии либо по инициативе самих предпринимателей (фонды, ассоциации, гарантийные, кредитные и страховые учреждения, бизнес-инкубаторы, информационно-консультационные центры). Для малого бизнеса созданы благоприятные условия посредством обеспечения комплексной и адресной поддержки малого бизнеса в различных направлениях: информационно-консультационном, прогнозном-аналитическом, обучении, технологическом, техническом, финансовом. Немаловажно, что подобная инфраструктура адекватна уровню развития малых предприятий, соответствует их реальным потребностям, сконцентрирована на более насущных проблемах, во многом обеспечивается за счет государства.

2. Систематическая государственная политика поддержки малого бизнеса. Характерной чертой является участие различных организаций и ведомств, множественность каналов получения поддержки, отсутствие монополизма какого-либо одного ведомства. Эффективна государственная политика в сфере стимулирования и поддержки малого предпринимательства: создание благоприятного налогового климата, системы информационно-консультационной поддержки малого бизнеса, деятельность государственных и региональных фондов. За каждым ответственным

государственным и местным органом власти закреплены конкретные функции, определены цели и задачи.

3. Осуществление политики государства в отношении малого бизнеса базируется на четком законодательстве, регулирующем весь комплекс вопросов поддержки этого сегмента. Оно включает в себя реализацию системы государственных программ финансового, технологического, внешнеэкономического, консультативного и кадрового содействия малому бизнесу. Практикуется два направления деятельности: законодательное установление долгосрочных программ развития малого бизнеса и включение малого бизнеса в качестве самостоятельного элемента в государственные социальные и экономические программы.

4. Наличие эффективных мер борьбы с административными барьерами: упрощение и классификация законодательных норм; сбор информации и проведение исследований о наличии административных барьеров и их влиянии на развитие предприятий и состояние конкуренции; предпринимателям предоставляется информация об обязательных требованиях, предусмотренных законодательством; упрощение состава и уменьшение объема запрашиваемой информации; упрощение административных процедур и порядка предоставления информации; организация обмена информацией между различными государственными организациями; создание общих доступных баз данных.

5. Развитая консультационно-информационная поддержка малого бизнеса, которая включает создание на национальном, региональном и местном уровнях соответствующей специальной государственной и частной инфраструктуры, предоставляющей предпринимателям подобные услуги. Существенно, что они предоставляются безвозмездно либо за невысокую плату.

6. Основными условиями развития малого бизнеса являются насыщенный спрос, обусловленный достаточно высоким уровнем жизни, заставляющий потребителя обращаться к инновационной, индивидуализированной и эксклюзивной продукции и услугам, и высокотехнологичная инфраструктура, нивелирующая затраты. Открытие новых рынков и ниш стимулирует динамику равновесия спроса и предложения, которую стабилизирует сегмент малых фирм.

7. Развитая система источников финансирования малого бизнеса: практика льготного бюджетного кредитования малого бизнеса, субсидирования ставок и процентов, антимонопольная политика.

На основе ретроспективного, структурно-функционального, статистического анализа и эмпирического исследования практики социального управления малым бизнесом в России и за рубежом разработаны рекомендации в области социального управления малым бизнесом.

Практические рекомендации

Малое предпринимательство сегодня – это значимый социальный слой и важный сектор экономики. Обобщение факторов и условий успешной реализации социально-экономической роли малого бизнеса в развитых странах позволяет более четко ставить задачи перед отечественными управляющими органами, принимающими решения о поддержке малого бизнеса.

С целью реализации системы эффективного социального управления малым бизнесом административным, законодательным, контролирующим органам, ассоциациям и общественным организациям следует разработать и реализовать комплексную систему поддержки и развития малого бизнеса, включающую в себя следующие группы механизмов:

1) социально-административные: организационное воздействие; создание и поддержка инфраструктуры, позволяющей малому бизнесу оперативно и по максимально выгодной цене получать услуги и ресурсы (подготовка кадров, аудиторские, юридические, рекламные услуги и т. п.); создание механизмов реализации программ развития малого бизнеса; государственные заказы; проведение выставок, ярмарок и т. д.; стимулирование взаимодействия между крупным и малым бизнесом, а также государственными организациями и малым бизнесом;

2) социально-правовые: систематизация законодательства в области малого бизнеса; законодательные акты; программы социально-экономического развития; стандартизация; системы контроля качества;

3) социальные: систематический федеральный и региональный мониторинг эффективности социального управления малым бизнесом; прогнозирование развития малого бизнеса, отраслей, регионов; составление бизнес-карт; создание информационных фондов; выявление лидеров и обеспечение их поддержки; связь мотивации предпринимателей с конечными результатами производства; обеспечение эффективной коммуникации и разрешение конфликтов на федеральном и региональном уровне, а также

конфликтов частного характера; формирование единого коммуникативного пространства, обеспечивающего беспрепятственное развитие сферы малого бизнеса; стимулирование и поддержка ассоциаций малого бизнеса; создание и реализация механизма социального контроля управления малым бизнесом;

4) социально-экономические: налоговые льготы; создание фондов поддержки, гарантийных, венчурных и иных; дотации, бюджетные ассигнования; льготное кредитование; материальная мотивация; бесплатное или льготное страхование от банкротства.

Примечания

- 1 См.: Кирсанова Е. В. Обзор деятельности малых и средних предприятий в условиях кризисной внешней среды // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 141–142.
- 2 О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 См.: Юданов А. Ю. Опыт конкуренции в России : причины успехов и неудач. М. : КНОРУС, 2007.
- 4 См.: Рубе В. А. Малый бизнес : история, теория, практика. М. : ТЕИС, 2000.
- 5 См.: Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества. М. : Наука, 1992.
- 6 См.: Савкин В. И. Нужен ли экологический менеджмент для малого предпринимательства России? // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 5. С. 136–139.
- 7 См.: Крылова Е. Б. Управление занятостью населения на основе развития малого предпринимательства в России и США : сравнительный анализ // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 2. С. 124–130.
- 8 См.: Тэпман Л. Н. Малый бизнес : опыт зарубежных стран. М. : Юнити-Дана, 2009.
- 9 См.: Якунин С. М. Этапы развития малого бизнеса за рубежом // Экономика и право. 2010. № 4. С. 103–107.
- 10 См.: Бобошко В. И. Экологический менеджмент в деятельности малых предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 5. С. 131–135.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.42:35

ЛОЯЛЬНОСТЬ К КОМПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА

М. М. Лобачева

Саратовский государственный университет
E-mail: Mary.Lobacheva@gmail.com

В статье рассматривается концепция лояльности сотрудников к компании, ставится проблема наиболее эффективного мониторинга показателя доверия.

Ключевые слова: высокая лояльность, факторы лояльности, NPS.

Loyalty to the Company, as a Tool of Motivation of Personnel

М. М. Lobacheva

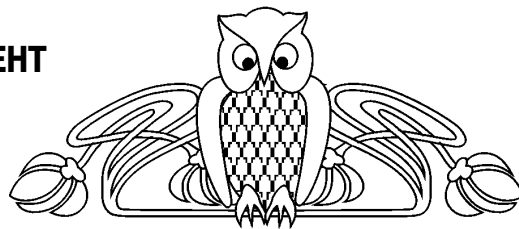
In article examines the concept of employee loyalty to the company, raise the problem of the most effective monitoring indicator of confidence.

Key words: high loyalty, loyalty factors, NPS.

В современном мире компаниям нужно быть не только ориентированными на клиентов, но и учитывать отношение персонала, так как успех организации напрямую зависит от руководителя, его умения подобрать и удержать ключевых сотрудников. Это заставляет компании искать индивидуальные подходы как к группам персонала, так и к ключевым сотрудникам, создавая подходящий микроклимат в фирме.

По результатам исследования, проведенного в начале 2011 г. в США и Великобритании, больше половины (69 и 62%) опрошенных сотрудников удовлетворены нынешним местом работы, однако почти столько же (74 и 68%) заявили, что готовы сменить свою работу, если получат интересное предложение от других работодателей. Среди основных причин смены места работы сотрудники указали заработную плату, возможность карьерного роста и желание разнообразия и изменения текущей деятельности. В то же время возрастает процент «пассивных искателей работы», что делает более ценными текущие кадры компании¹. Таким образом, сотрудникам необходимо видеть долгосрочные перспективы компании, условия карьерного роста должны быть четкими и понятными, оплата ключевых сотрудников – не ниже средней по рынку. Кроме того, компании необходима система преемственности, оценка рисков, которые могут возникнуть при уходе ключевого сотрудника.

Для того чтобы удержать сотрудника на рабочем месте, компании необходимо проанализировать факторы, подтолкнувшие его к такому

решению, и предпринять действия, которые повлияют на его мотивацию на данном рабочем месте. Под мотивацией понимается сила, активизирующая, стимулирующая человека, направляя его действия к поставленным целям. Мотивацию можно рассматривать как систему внешних взаимодействий, побуждающих человека к усердной работе, в то же время мотивация может выступать внутренним побуждением, исходящим от самого человека. Желание и стремление работать с высокой отдачей еще называют высокой мотивацией, что позволяет сотруднику найти и реализовать в работе свои основные устремления.

На сегодняшний день в зарубежной и отечественной литературе существует множество точек зрения, касающихся лояльности персонала. Наиболее распространены два основных подхода: внешний – как отсутствие нежелательного поведения у сотрудника, и внутренний, рассматривающий лояльность как установку сотрудника к своему руководителю и организации в целом².

В общем смысле лояльность представляет собой чувство преданности компании, уверенность в том, что человек будет в твоей команде что бы ни случилось. Лояльный сотрудник верен целям и ценностям компании, желает работать лучше, поддерживать принципы организации. Следующим шагом является вовлеченность сотрудника, когда он не только готов работать в организации и рекомендовать ее своим друзьям и знакомым, но и прикладывает дополнительные усилия, чтобы способствовать успеху бизнеса в целом. Соответственно, чем выше уровень лояльности сотрудника к компании, тем более надежным он является.

Формирование лояльности является непрерывным процессом, который можно условно разделить на несколько стадий или уровней. Первый уровень – формальный. У сотрудников присутствует внешняя атрибутика, свидетельствующая о его принадлежности к компании. Это могут быть одежда (форма), значки, канцелярские товары с символикой. В данном случае, речь идет скорее об ожидаемом поведении, нежели о верности к организации.

Следующий уровень подразумевает выполнение определенных норм, правил, все это непосредственно связано с корпоративной культурой

компании. Важную роль при этом играет психологический климат в организации, а также наличие традиций, неформальных правил. Поощрение подобного поведения будет способствовать росту доверия персонала.

Третий уровень имеет более выраженную приверженность к компании, определяется, насколько ценными являются навыки и способности сотрудника. Данного уровня сложно достигнуть без качественного этапа подбора персонала, на котором будут верно оценены профессиональные и личные качества кандидатов. Сотрудник, лояльный на уровне способностей, инициативен, ориентируется в происходящих изменениях, нацелен на перспективу достижений компании³.

Более высокая степень лояльности достигается на уровне убеждений и идентичности, подразумевающая полное принятие принципов компании. Такой уровень чаще всего встречается у руководящих работников, удовлетворенных своей работой, заработной платой, условиями труда. В случае изменения принципов компании появляется угроза потери ценных сотрудников, которым будет сложно перестроить свои убеждения, ставшие для них образом жизни.

Наивысшую степень лояльности демонстрирует владелец компании, вкладывая свои силы, материальные средства, временные затраты в развитие и совершенствование компании.

Управление лояльностью состоит в создании для сотрудников условий, в которых они максимально могут проявить себя, что будет способствовать увеличению лояльности клиентов и росту прибыли. Определение уровня лояльности сотрудника подразумевает выявления факторов, которые способны сформировать лояльное отношение к компании. Лояльность персонала формируется под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

Выявление факторов, влияющих на возникновение лояльности персонала, начинается при первой же встрече с кандидатом. Необходимо узнать, насколько комфортно чувствовал себя человек на прежнем месте работы, испытывал ли он чувство доверия, сопричастности к предыдущей организации. В случае низкой лояльности к прежнему месту работы руководителю потребуются приложить больше усилий для формирования верности к компании.

Особое значение имеет система личных ценностей кандидата, а именно: отношение человека и характер его взаимоотношений. Например, если человек считает, что личные связи и умение общаться в нужное время в нужном месте важнее, чем профессионализм и усердие, от него не стоит ожидать другого поведения.

Немаловажным при формировании лояльности является человеческий фактор, проявление внимания к сотруднику, ощущение значимости его действий для компании. Не стоит рассчитывать на лояльность новых сотрудников, которые еще

только начинают работать в компании. Работник становится преданным, если компания прикладывает усилия для создания такого отношения. Для каждого человека это будут разные условия: поздравление руководства, энергичное напутствие, график работы с учетом его пожеланий, регулярная заработная плата, материальное поощрение и т. д. Происходит взаимный обмен симпатиями друг к другу. Если же компания стремится добиться поставленной цели любой ценой, рассчитывать на верность персонала не приходится. Еще одним условием возникновения доверия к компании является чувство гордости сотрудника за принадлежность именно к этой компании, желание участвовать в ее развитии.

Факторы лояльности условно можно разделить на четыре группы: содержание работы, развитие сотрудников, отношения и коммуникации, вознаграждение сотрудников. Однако исследования показывают, что значимость каждой из представленных групп факторов оценивается по-разному. Поэтому выделение наиболее актуальных из них требует постоянных измерений и корректировок. По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в 2011 г. в 138 населенных пунктах и 46 областях, краях и республиках России, главным фактором при трудоустройстве является размер заработной платы (72%), далее следуют социальные гарантии (30%), а на третьем месте находятся возможные профессиональной самореализации и удобный график работы (23%). Среди самых незначительных факторов числятся наличие пенсионных отчислений (8%), невысокая интенсивность труда на работе (6%) и хорошие отношения с руководителем и коллективом (5%)⁴.

Следовательно, каждый сотрудник достаточно субъективно выделяет факторы, которые оказывают воздействие на его отношение к компании в данный момент. Например, сотрудник может быть не удовлетворен размером заработной платы, но при этом иметь хорошие отношения внутри коллектива и с начальством, что может перевешивать негативное влияние первого фактора. Изменения в кадровом составе компании также могут привести к перепадам лояльности персонала. В связи с этим замеры уровня лояльности сотрудников нужно проводить регулярно, отслеживая показатель в динамике, предпринимая соответствующие действия.

Для того чтобы выяснить отношение сотрудника к компании, наиболее всего подходит метод опроса. При условии его анонимности сотрудники могут дать более правдивые ответы и комментарии, отражающие текущую ситуацию.

В 1927 г. Л. Терстоун в статье «Аттитуды могут быть измерены» изложил общие принципы отношения людей к различным социальным явлениям и создал шкалу кажущихся равными интервалов. Данную шкалу ученый применял для изучения отношения разных групп населения к церкви как социальному институту. Шкала

Терстоуна имеет широкое применение, поскольку позволяет измерить установки по отношению к любым объектам социальной действительности с учетом их изменений⁵.

На основе этой шкалы в 1999 г. Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой были построены шкалы и создана методика оценки лояльности персонала. Метод заключается в том, что респондент должен дать оценку, от 1 до 11, по каждому из предложенных ему суждений. При обработке результатов анализируются ответы по нескольким суждениям, учитывая оценку этого высказывания.

Еще один подход к измерению лояльности предлагает компания Vain & Company, связывая эмоции с реальным экономическим поведением. В данном случае рассматривается лояльность клиентов, однако указанная методика может быть применима к измерению лояльности сотрудников. По результатам многочисленных исследований компанией был найдена подходящая формулировка вопроса, а именно с какой вероятностью клиент порекомендует «свою» компанию знакомым или друзьям⁶.

В дальнейшем это способствовало созданию концепции чистого индекса поддержки (Net Promoter Score), или NPS. При ответе на вопрос клиент оценивает свою готовность рекомендовать компанию от 0 до 10 баллов, где 0 баллов – абсолютно не готов, а 10 баллов – несомненно готов. Клиенты, поставившие 9 и 10 баллов, относятся к промоутерам, респонденты, указавшие 7 и 8 баллов, считаются нейтралами, к детракторам причисляются клиенты, оценившие вероятность своего позитивного отзыва о компании от 0 до 6 баллов. В общем виде формула расчета NPS представляет собой разницу промоутеров и детракторов, деленную на число клиентов, принявших участие в опросе.

Согласно концепции клиенты делятся на три группы: промоутеры, нейтралы и детракторы. Первая часть является наиболее лояльными клиентами, готовыми рекомендовать данную компанию на рынке. Нейтралы, как правило, удовлетворены работой в компании, но не готовы рекомендовать ее своим друзьям и знакомым. Последняя группа, детракторы, представляет собой клиентов, получивших отрицательный опыт общения с компанией, что ведет к негативным отзывам о ней. Соответственно, чем выше доля промоутеров, тем больше значение NPS, тем больше позитивной информации о ней получает рынок. Кроме того, преобладание промоутеров способствует привлечению новых клиентов и росту прибыли.

Таким образом, лояльность сотрудников предполагает следование ценностям, интересам, принципам компании, чувство гордости за нее, желание работать на пользу организации. Формируется лояльность с начала рабочей деятельности в компании и проходит несколько уровней. При этом сама система управления лояльностью затрагивает всю структуру компании.

При изучении лояльности персонала выделяют четыре группы факторов, однако приоритет каждого из них напрямую зависит от субъективного мнения сотрудников. Несмотря на то, что денежная мотивация наиболее распространена среди сотрудников, увеличение оклада даст временный эффект, после которого сотрудники вновь будут требовать роста заработной платы. Наибольшую ценность представляют собой латентные факторы, скрытые в субъективных мнениях сотрудников. Это могут быть проблемы внутри коллектива, конфликты с руководителем, отсутствие информации о жизни компании, интереса к работе и т. п.

Измерение лояльности сотрудников происходит при помощи опроса, включающего в себя шкальный вопрос с оценками или баллами. Замеры уровня лояльности необходимо проводить регулярно, с определенным интервалом. Данные о лояльности используются для принятия эффективных решений руководством компании, способствующих росту финансовой прибыли.

Примечания

- 1 См.: International learning and talent development comparison survey, 2011. URL: <http://www.shrm.org/research/surveyfindings/articles/documents/cipdandshrmstudy.pdf> (дата обращения: 07.09.2012).
- 2 См.: Райхельд Ф. Ф., Тил Т. Эффект лояльности. М.; СПб.; Киев, 2005. С. 26–47.
- 3 См.: Шипилова О. Лояльность персонала – необходимое условие успешности компании // *Кадры предприятия*. 2004. № 4. С. 34–41.
- 4 См.: Зарплата, соцпакет или престиж: что важнее при выборе работы? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111608> (дата обращения: 07.09.2012).
- 5 См.: Оценка лояльности (шкала Терстоуна). URL: <http://www.hr-portal.ru/tool/ocenka-loyalnosti-shkala-terstouna> (дата обращения: 07.09.2012).
- 6 См.: Чичмели И. В. Концепция чистого индекса поддержки (Net Promoter Score). URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/segment/nps.htm> (дата обращения: 07.09.2012).

УДК. 316.334.2

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОТРЕБИТЕЛЯ В СФЕРЕ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: desi_re@mail.ru

В статье рассматриваются социально-демографические характеристики потребителей в сфере шоу-бизнеса по результатам авторского социологического исследования, проведенного в г. Саратове в марте 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

Social Portrait of the Consumer in the Sphere of Show of Business in the Big City (on the Example of Saratov)

M. V. Moshkunova

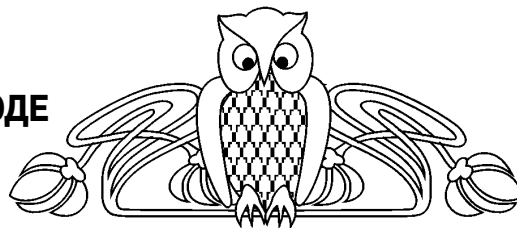
In article social and demographic characteristics of consumers in the show business sphere by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in March, 2012 are considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Социологический анализ потребительского потенциала в сфере шоу-бизнеса предполагает исследование трех основных характеристик этого явления. Первое: выявление социально-демографических характеристик потребителей продукции шоу-бизнеса (постоянных посетителей кинотеатров, спектаклей, концертов и проч.). Можно выделить несколько направлений в исследовании потребления продукции шоу-бизнеса с позиций социологического анализа: изучение потребления в зависимости от социально-демографических характеристик; изучение влияния социального и информационного окружения на потребление; изучение потребления в зависимости от социальной роли. Экспрессивные и инструментальные роли распространяются и на практику потребления продукции шоу-бизнеса. Мужчины больше влияния оказывают на финансовую сторону, женщины – на качественный характер потребления.

Второе: определение потребительских предпочтений этой группы. Культура потребления тесно связана с общей культурой и менталитетом людей и воспроизводится, передается из поколения в поколение. Элементами культуры потребления, как и культуры вообще, являются ценности и нормы, которые формируются в основном в семье в процессе социализации.

И третье: анализ собственно потенциала, то есть возможности и способности выявленной целевой группы потребить в будущем продук-

цию шоу-бизнеса с определенными характеристиками.

Данная статья посвящена анализу социально-демографических характеристик потребителей продукции шоу-бизнеса. Исследование потребительских предпочтений населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса было проведено методом массового опроса в период с 24 марта по 17 апреля 2012 г. Отбор респондентов производился по целевой выборке посетителей концертов приезжих артистов. В целом опрос состоял из трех этапов: интервьюирования посетителей концерта группы «Калинов мост» (всего 27,5% от всей выборки, или 86 чел.), поп-певца Димы Билана (34,2%, или 107 чел.) и певицы Лолиты (38,3%, или 120 чел.). Первый концерт состоялся в здании Театра оперы и балета (1 200 чел.), второй – в Саратовском цирке (2 800 чел.), третий – в Театре драмы (900 чел.).

Таким образом, в основу выборочной совокупности были положены два критерия – территориальный (место проведения концерта/опроса, в качестве которых были выбраны основные концертные площадки г. Саратова) и жанр, в котором работают исполнители (рок-музыка, современная популярная музыка, популярная музыка 1990-х гг.), что позволяет говорить о репрезентативности полученных эмпирических данных на уровне г. Саратова.

Всего рамками социологического опроса было охвачено 313 человек, из них три четверти (76,3%) – женщины (рис. 1).

По возрасту распределение респондентов оказалось также неравномерным: средний возраст опрошенных составил 33 года, самому младшему респонденту исполнилось 9 лет, самому старшему – 69 лет.

Данные гистограммы (рис. 2) свидетельствуют об отсутствии нормального распределения и его смещении в сторону младших возрастов (так называемый эффект пола). То же и в процентном отношении: на респондентов 20 лет и моложе пришлось 14,4% выборочной совокупности, от 21 до 30 лет – 34,8%, от 31 до 40 лет – 26,2%, от 41 до 50 лет – 15,3%, от 51 до 60 лет – 7,3%, старше 60 лет – 1,9%.

По уровню образования среди посетителей концертов приезжих артистов преобладают респонденты с высшим или неполным высшим образованием (73,6%), на втором месте – респонденты со средним профессиональным образованием (12%), на третьем – со средним общим и неполным средним (рис. 3).

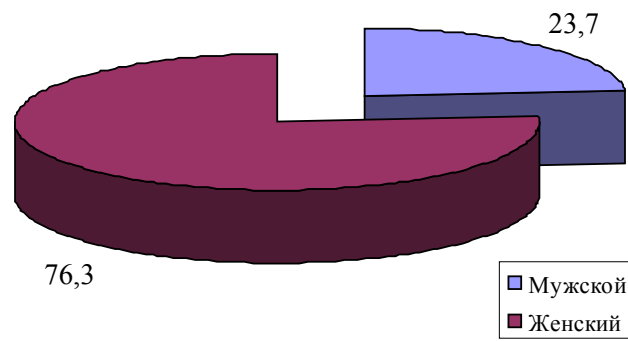

Рис. 1. Распределение респондентов по полу, %

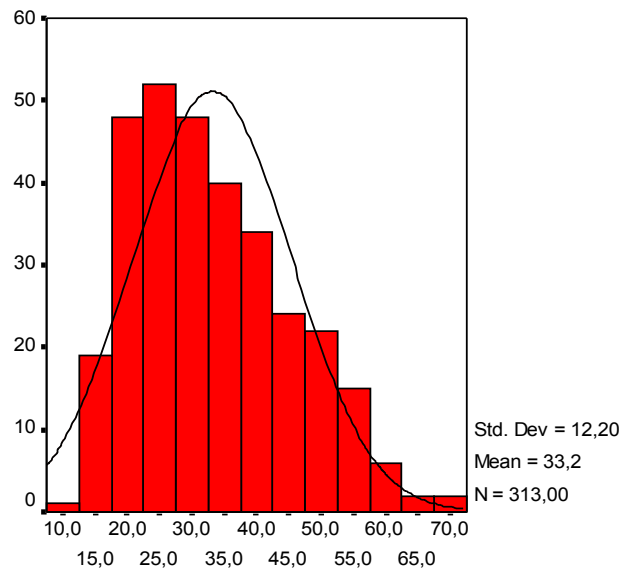

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту, %

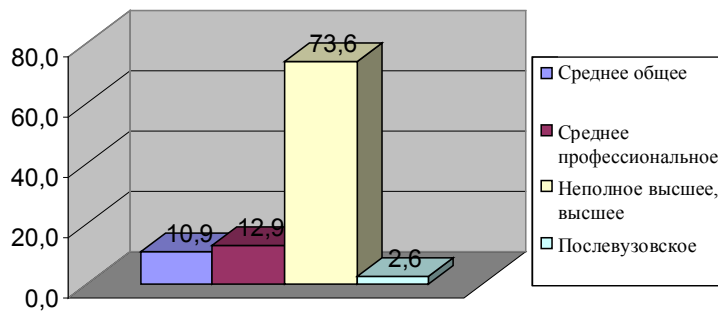

Рис. 3. Уровень образования респондентов, %

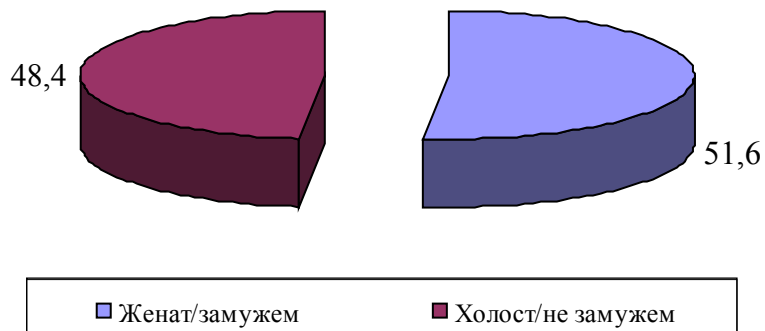

Рис. 4. Семейное положение опрошенных, %

По семейному положению опрошенные оказались распределены практически поровну: в выборку попали 51,6% женатых/замужних и 48,4% холостых/незамужних (рис. 4).

Социальный статус посетителей концертов оказался весьма разнообразным. Лидируют по частоте встречаемости специалисты (37,4%), учащиеся (16,9%), представляющие рабочих профессий (14,1%), занимающие руководящие должности (13,4%), предприниматели (8%). Крайне редко среди целевой аудитории встречаются социально незащищенные группы населения (пенсионеры, безработные, домохозяйки) (табл. 1).

Таблица 1

Социальный статус респондентов, %

Частный предприниматель	8,0
Руководитель	13,4
Специалист	37,4
Рабочий	14,1
Безработный(ая)	2,6
Домохозяйин(ка)	4,2
Пенсионер(ка)	3,5
Учащийся, студент	16,9
Итого	100

По доходу преобладают респонденты с уровнем несколько ниже среднего (до 10 тыс. руб. на одного члена семьи – 32,6%)¹. Чуть реже – в 26,8% случаев – встречаются респонденты со средним доходом (до 20 тыс. руб.), затем следуют опрошенные с доходом до 30 тыс. руб. на одного

УДК 316(470+571)+929 Данилевский

СПЕЦИФИКА ВЗГЛЯДОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ДИНАМИКУ

А. А. Завгородный

Саратовский государственный университет
E-mail: kurganovasv@gmail.com

В статье рассматривается концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского в контексте формирования инновационного подхода к пониманию социокультурной динамики общественного развития: переход от принципа монолинейности к поливариантности. Отмечается актуальность этого подхода для анализа современных глобализационных процессов.

Ключевые слова: социальная эволюция, однолинейность прогресса, культурно-исторический тип.

Specifics of N. Danilevsky's Views on Sociocultural Dynamics

A. A. Zavgorodnyi

The paper discusses N. Danilevsky's concept of cultural and historical types in the context of formation of an innovative approach to

члена семьи – 10,5%. Совсем редко зафиксированы посетители с очень низким и очень высоким уровнем достатка (табл. 2).

Таблица 2

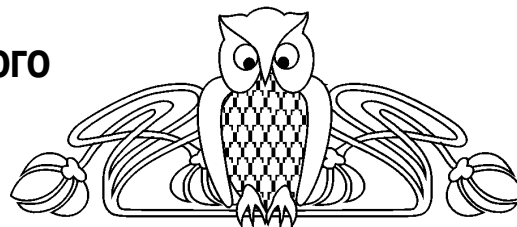
Средний уровень дохода семей респондентов, %

До 5 тыс. руб.	8,6
До 10 тыс. руб.	32,6
До 20 тыс. руб.	26,8
До 30 тыс. руб.	10,5
До 50 тыс. руб.	6,7
Свыше 50 тыс. руб.	1,6
Не ответили	13,1
Итого	100

Подводя итог анализу социально-демографических характеристик потребителя продукции шоу-бизнеса в большом городе (на примере г. Саратова), можно обрисовать его усредненный социальный портрет. Как правило, это женщина в возрасте 30 лет с высшим образованием, работающая в должности специалиста и имеющая доход до 10 тыс. руб. на одного члена семьи.

Примечания

¹ При среднем уровне дохода в 16982,2 руб. для г. Саратова на 1 квартал 2012 года (по данным сайта «Моя зарплата». URL: <http://www.mojazarplata.ru/main/srednemesjachnaja-nominalnaja-nachislennaja-zarabotnaja-plata/2012> (дата обращения: 02.04.2012).

understanding of the sociocultural dynamics of social development (transition from the monolinerity principle to the polyalternative one). The suitability of this approach for analysis of modern globalization processes is noted.

Key words: social evolution, progress monolinerity, cultural and historical type.

В XVIII и XIX вв., как отмечал П. А. Сорокин, большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук были твердо убеждены в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание общественного процесса заключалось в развертывании и все более полной реализации этой «тенденции прогресса и эволюции», стабильной «исторической тенденции» и

По семейному положению опрошенные оказались распределены практически поровну: в выборку попали 51,6% женатых/замужних и 48,4% холостых/незамужних (рис. 4).

Социальный статус посетителей концертов оказался весьма разнообразным. Лидируют по частоте встречаемости специалисты (37,4%), учащиеся (16,9%), представляющие рабочих профессий (14,1%), занимающие руководящие должности (13,4%), предприниматели (8%). Крайне редко среди целевой аудитории встречаются социально незащищенные группы населения (пенсионеры, безработные, домохозяйки) (табл. 1).

Таблица 1

Социальный статус респондентов, %

Частный предприниматель	8,0
Руководитель	13,4
Специалист	37,4
Рабочий	14,1
Безработный(ая)	2,6
Домохозяйин(ка)	4,2
Пенсионер(ка)	3,5
Учащийся, студент	16,9
Итого	100

По доходу преобладают респонденты с уровнем несколько ниже среднего (до 10 тыс. руб. на одного члена семьи – 32,6%)¹. Чуть реже – в 26,8% случаев – встречаются респонденты со средним доходом (до 20 тыс. руб.), затем следуют опрошенные с доходом до 30 тыс. руб. на одного

УДК 316(470+571)+929 Данилевский

СПЕЦИФИКА ВЗГЛЯДОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ДИНАМИКУ

А. А. Завгородный

Саратовский государственный университет
E-mail: kurganovasv@gmail.com

В статье рассматривается концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского в контексте формирования инновационного подхода к пониманию социокультурной динамики общественного развития: переход от принципа монолинейности к поливариантности. Отмечается актуальность этого подхода для анализа современных глобализационных процессов.

Ключевые слова: социальная эволюция, однолинейность прогресса, культурно-исторический тип.

Specifics of N. Danilevsky's Views on Sociocultural Dynamics

A. A. Zavgorodnyi

The paper discusses N. Danilevsky's concept of cultural and historical types in the context of formation of an innovative approach to

члена семьи – 10,5%. Совсем редко зафиксированы посетители с очень низким и очень высоким уровнем достатка (табл. 2).

Таблица 2

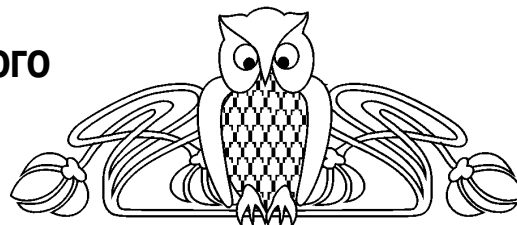
Средний уровень дохода семей респондентов, %

До 5 тыс. руб.	8,6
До 10 тыс. руб.	32,6
До 20 тыс. руб.	26,8
До 30 тыс. руб.	10,5
До 50 тыс. руб.	6,7
Свыше 50 тыс. руб.	1,6
Не ответили	13,1
Итого	100

Подводя итог анализу социально-демографических характеристик потребителя продукции шоу-бизнеса в большом городе (на примере г. Саратова), можно обрисовать его усредненный социальный портрет. Как правило, это женщина в возрасте 30 лет с высшим образованием, работающая в должности специалиста и имеющая доход до 10 тыс. руб. на одного члена семьи.

Примечания

¹ При среднем уровне дохода в 16982,2 руб. для г. Саратова на 1 квартал 2012 года (по данным сайта «Моя зарплата». URL: <http://www.mojazarplata.ru/main/srednemesjachnaja-nominalnaja-nachislennaja-zarabotnaja-plata/2012> (дата обращения: 02.04.2012).

understanding of the sociocultural dynamics of social development (transition from the monolinearity principle to the polyalternative one). The suitability of this approach for analysis of modern globalization processes is noted.

Key words: social evolution, progress monolinearity, cultural and historical type.

В XVIII и XIX вв., как отмечал П. А. Сорокин, большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук были твердо убеждены в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание общественного процесса заключалось в развертывании и все более полной реализации этой «тенденции прогресса и эволюции», стабильной «исторической тенденции» и

«закона социокультурного развития». Вместе с тем одни изображали эти тенденции в виде прямой линии, другие – в виде «спирали», третьи – в виде волнообразной линии разветвления с небольшими временными возвращениями в исходное положение, но это только вариации, разновидности концепции поступательного развития как основы социокультурного процесса.

Не случайно главной целью и заботой всех исследователей этого периода было обнаружение и описание «вечных законов прогресса и эволюции» и разработка основных стадий, или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. Именно на этом были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX в.¹

В социологии XIX в. ведущее место занимали эволюционистские модели общества, трактовавшие социальное развитие в духе идей единого линейного прогресса. Показательны общие теории – социальной динамики Конта и эволюции Герберта Спенсера. Для Конта весь исторический процесс есть последовательный переход человеческого мышления, культуры и общества от теологической стадии к метафизической и затем к позитивной. Социальная динамика Спенсера представляет собой простое приложение его формулы эволюции-прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бесвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества.

Находясь во власти таких линейных представлений о социокультурном изменении, большинство социологов и ученых-обществоведов XIX в. сводили изучение динамики социокультурных явлений даже в чисто фактографических исследованиях, главным образом, к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений. В результате большинство открываемых ими «единообразие изменения» приобретало линейный характер. Вот лишь несколько тому примеров. Теория Фердинанда Тенниса, согласно которой человечество со временем переходит от объединений типа *Gemeinschaft* к объединениям типа *Gesellschaft*, является линейной теорией. Теория постепенной эволюции от общества, основанного на «механической» солидарности, сопровождающейся заменой «репрессивного» права «реститутивным», тоже линейная теория. К разряду линейных относится и социальная динамика Лестера Ф. Уорда, постулирующая нарастающий с течением времени телеологический, кругообразный, искусственный, самонаправляющийся и самоконтролирующийся характер человеческой адаптации; и динамика «убывающего

влияния физических законов и возрастающего влияния психических законов» Г. Т. Бокля; и законы перехода обществ от «простых» к «составным» («двух-», «трехсоставным» и т. д.) Герберта Спенсера и Дюркгейма².

Эта ситуация в полной мере была характерна и для российской социологии того периода³.

В то же время именно на российской почве появилась самая ранняя в истории социологии антиэволюционистская модель, предложенная Н. Я. Данилевским. Справедливости ради отметим, что концепция Данилевского носила больше социально-философский характер, нежели была чисто социологической, но содержащиеся в ней выводы предполагали и частично получили правомерную социологическую интерпретацию.

В 1865–1868 гг. Данилевский пишет свой главный социально-философский труд «Россия и Европа», опубликованный в 1869 г. в журнале «Заря» и получивший неоднозначную реакцию. Не вдаваясь в тонкости всей критической волны, рассмотрим только социологическое «ядро» работы – теорию культурно-исторических типов, отражающую собственно теоретические взгляды Данилевского, которые в эпоху господства эволюционизма и сплошного прогрессизма не принимались всерьез. Рассуждая в рамках методологии натурализма и органицизма, Данилевский отвергает признанный европоцентристский эволюционный принцип объяснения истории как искусственной системы и ставит цель найти «естественную» социальную систему. Основываясь на методологии социального познания, Данилевский утверждал невозможность создания общей теории общества в силу специфичности самого социального объекта. Общественные явления, писал он, не подлежат никаким особым родам сил, не управляются никакими особыми законами, кроме общих духовных законов. Действие же этих законов опосредовано «морфологическим началом», специфичным для различных обществ. Именно поэтому, с точки зрения Данилевского, возможно только «сравнительное обществоведение». Более того, он делал вывод об исключительно «национальном характере» обществознания. Анализируя влияние национального фактора на науку, он подчеркивал, что оно обуславливалось и своеобразием мировоззрения народа, и, как следствие, наличием «субъективных примесей» к объективной истине. Причем если для естественных наук это влияние в силу простоты их объектов носит в основном внешний характер и может быть устранено, то в общественных науках национальным является сам их объект, и, соответственно, они национальны по содержанию⁴.

Человечество, по мнению ученого, не представляет какой-то единой живой целостности, а скорее походит на стихию, которая в различных точках складывается в формы, в той или иной мере аналогичные организмам. Самые крупные из этих форм, имеющие четкие структуру и линию развития, представляют собой то, что Данилевский

назвал культурно-историческим типом, внутри которого осуществляется общее историческое движение. Культурно-исторический тип, по Данилевскому, эволюционирует от этнографического состояния к государственному и от него к цивилизации. Ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга культурно-исторических типов. Данилевский выделяет 10 основных типов (египетский, иранский, древнесемитский, китайский, индийский, еврейский, греческий, римский, новосемитский, или арабийский, романо-германский, или европейский), два – перуанский и мексиканский – канули в Лету. Качественно новым, перспективным с точки зрения истории Данилевский считает «славянский тип». Цикл развития каждого типа составляет около 1500 лет. 1000 лет приходится на этнографический период, около 400 – на государственный, 50–100 лет – на цивилизационный. Ход развития культурно-исторических типов, по его мнению, всего ближе уподобляются тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и исощает раз и навсегда их жизненную силу⁵.

Ученый постулировал отличие «самостоятельных, своеобразных планов» религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития. Культурно-исторический тип выступает у Данилевского как интеграция существенных признаков определенного социального организма. Соответственно, культура выступает как объективация национального характера, то есть психических особенностей этноса, задающих

видение мира. Это видение и понимание социокультурной динамики было принципиально отлично от взглядов, сформировавшихся в то время в социологическом сообществе.

По мнению Н. Я. Данилевского, прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее приращение исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях⁶. Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Концепция Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоторым его аспектам. Нельзя не заметить, что значимость этой трактовки в современной ситуации, когда разворачиваются процессы глобализации, приобретает особое звучание.

Примечания

- 1 См.: Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/Sorokin/dynamics/> (дата обращения: 10.09.2012).
- 2 Там же.
- 3 См.: Голосенко И. А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 3–24.
- 4 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- 5 Там же.
- 6 Там же.

УДК 316.342.6

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ СЕЛО: ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТНОСТИ

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevevgeniy@bk.ru

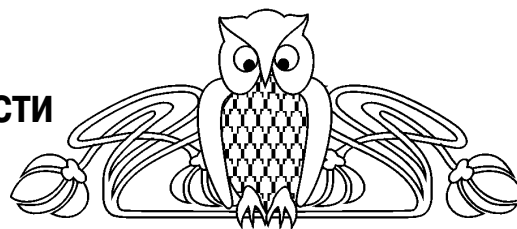
В статье раскрывается процесс изменения характеристик субъектности села, идущий на фоне социоструктурных изменений постсоветского периода.

Ключевые слова: село как общность, механизм формирования субъектности, социоструктурные изменения, пространственность села.

Modern Russian Village: Changes in Subjectivity's Characteristics

E. V. Afanasiev

In article the process of changes in subjectivity's characteristics is considered. Also, the author regards the influence of socio-structural changes of post soviet period on this process.

Key words: village as a community, mechanism of subjectivity's forming, socio-structural changes, spatiality of the village.

Реформационная трансформация социально-экономических отношений в России последних десятилетий привела к значительным и вместе с тем противоречивым изменениям. Сложность и неоднозначность процессов реализации реформ на местах и нарушение пространственных связей обусловили усиление различий как в характере протекания самих преобразований, так и в их результатах для конкретных социальных образований. Можно отметить, что особенности состояния социопропространственной среды могут

назвал культурно-историческим типом, внутри которого осуществляется общее историческое движение. Культурно-исторический тип, по Данилевскому, эволюционирует от этнографического состояния к государственному и от него к цивилизации. Ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга культурно-исторических типов. Данилевский выделяет 10 основных типов (египетский, иранский, древнесемитский, китайский, индийский, еврейский, греческий, римский, новосемитский, или арабийский, романо-германский, или европейский), два – перуанский и мексиканский – канули в Лету. Качественно новым, перспективным с точки зрения истории Данилевский считает «славянский тип». Цикл развития каждого типа составляет около 1500 лет. 1000 лет приходится на этнографический период, около 400 – на государственный, 50–100 лет – на цивилизационный. Ход развития культурно-исторических типов, по его мнению, всего ближе уподобляются тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и исощает раз и навсегда их жизненную силу⁵.

Ученый постулировал отличие «самостоятельных, своеобразных планов» религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития. Культурно-исторический тип выступает у Данилевского как интеграция существенных признаков определенного социального организма. Соответственно, культура выступает как объективация национального характера, то есть психических особенностей этноса, задающих

видение мира. Это видение и понимание социокультурной динамики было принципиально отлично от взглядов, сформировавшихся в то время в социологическом сообществе.

По мнению Н. Я. Данилевского, прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее приращение исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях⁶. Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Концепция Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоторым его аспектам. Нельзя не заметить, что значимость этой трактовки в современной ситуации, когда разворачиваются процессы глобализации, приобретает особое звучание.

Примечания

- 1 См.: Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/Sorokin/dynamics/> (дата обращения: 10.09.2012).
- 2 Там же.
- 3 См.: Голосенко И. А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 3–24.
- 4 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- 5 Там же.
- 6 Там же.

УДК 316.342.6

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ СЕЛО: ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТНОСТИ

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevevgeniy@bk.ru

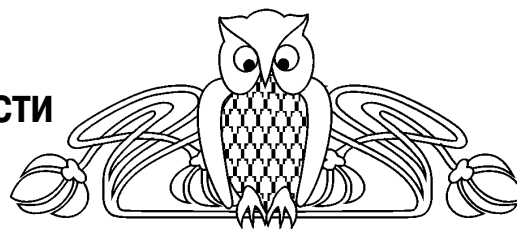
В статье раскрывается процесс изменения характеристик субъектности села, идущий на фоне социоструктурных изменений постсоветского периода.

Ключевые слова: село как общность, механизм формирования субъектности, социоструктурные изменения, пространственность села.

Modern Russian Village: Changes in Subjectivity's Characteristics

E. V. Afanasiev

In article the process of changes in subjectivity's characteristics is considered. Also, the author regards the influence of socio-structural changes of post soviet period on this process.

Key words: village as a community, mechanism of subjectivity's forming, socio-structural changes, spatiality of the village.

Реформационная трансформация социально-экономических отношений в России последних десятилетий привела к значительным и вместе с тем противоречивым изменениям. Сложность и неоднозначность процессов реализации реформ на местах и нарушение пространственных связей обусловили усиление различий как в характере протекания самих преобразований, так и в их результатах для конкретных социальных образований. Можно отметить, что особенности состояния социопропространственной среды могут

как обеспечивать благоприятные условия для осуществления процессов реформирования, так и продублировать ограничения для них.

Различные поселенческие общности в ходе радикальных перемен сталкиваются с определенными проблемами, имеют неодинаковые возможности их решения и получают разные результаты. В то же время общий успех или неуспех преобразований в стране в значительной мере предопределяется их ходом на местах. Вместе с тем сегодня почти неизвестно, что происходит, прежде всего, в низовых поселенческих структурах: какие основные субъекты действуют и определяют динамику трансформаций на этом уровне в новых условиях, каковы особенности их интересов и поведенческих стратегий в изменяющейся ситуации, какие процессы возникают при их взаимодействии, какие социальные регуляторы начинают работать в условиях реформ, какова их эффективность и каких социальных последствий следует ожидать. Проблема усугубляется тем, что в отечественной социологической науке практически не разрабатывались подходы к исследованию функционирования территориально-поселенческих общностей в ситуации быстро и радикально меняющихся условий. Это обстоятельство ставит вопрос концептуализации этой проблематики особенно остро.

Учитывая, что современная Россия характеризуется следующей моделью расселения по социально-территориальному принципу: 1) мегаполис – крупный город (как правило, совмещающий административные и промышленные функции); 2) малый город промышленного типа; 3) малый город административного типа с преобладанием промышленного производства; 4) малый город административного типа со смешанным типом производства; 5) крупное село административного типа с небольшим преобладанием аграрного производства над промышленным (преимущественно представляющего перерабатывающей промышленностью); 6) крупное село административно-аграрного типа; 7) крупное село аграрного типа; 8) среднее село; 9) малое село (в т. ч. хутор), сосредоточив внимание на сельской составляющей. Выбор определяется тем, что село как поселенческая общность по своим социально-пространственным и социально-временным характеристикам, тяготеющим к традиционализму, в качестве объекта исследования процессов радикальных изменений рыночного типа оказывается предпочтительней.

Тем более что село как часть системы расселения в начале третьего тысячелетия испытывает действие двух процессов. С одной стороны, процесс урбанизации на мировом уровне снизил долю сельского населения до 5–6%. В России эта динамика несколько иная не только в количественном, но и в качественном отношении¹. Общеизвестно, что максимальная численность сельского населения в России отмечена в 1926 г. Многие регионы

при положительном естественном приросте потеряли с тех пор 2/3 сельского населения в основном за счет миграций (если не считать военных и сталинских потерь). И максимум потерь наблюдался именно в полосе старовоенных районов вокруг Московской области². Если посчитать изменение площадей разной степени заселенности за XX век, то окажется, что слабозаселенных территорий с плотностью населения менее 10 человек на кв. км стало на 1 млн кв. км больше, причем именно за счет сокращения средне- и плотнозаселенных территорий. Если прежде слабозаселенные территории составляли около половины, то теперь почти 3/4 Европейской России³. Запущенная сельская местность, заброшенные дома и целые деревни наиболее характерны для Нечерноземья. Здесь ареалы с плотностью населения более 10 человек на кв. км сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров. А плотность населения менее 5 человек на кв. км отмечается на 41% территории (без Крайнего Севера). В 1959 г. таких территорий было 17%⁴.

Конечно, реформы, осуществляемые с 1992 г. методом шоковой терапии, сопровождались возрастанием количества мигрантов из городов в сельскую местность, но со значительным превышением встречного потока из сел в города. Основную массу городских мигрантов составляли бывшие селяне. Этот поток только усилил не прекращавшуюся миграцию сельского населения в города, которая оживилась в 1970–1980 гг. в связи с переселением так называемых «неперспективных» поселений в «перспективные». Разумеется, этот процесс сопровождался закрытием малокомплектных школ, медицинских учреждений, торговых точек. Отсутствие важнейших для нормального быта элементов социальной инфраструктуры привел к массовому исчезновению сельских поселений. Основная часть мигрантов – наиболее трудоспособная часть населения, из них около половины – молодежь до 30 лет, растет количество 15–18-летних мигрантов, выезжающих из села с целью получения образования.

С другой стороны, налицо набирающий силу процесс рассредоточения населения крупных городов, то есть снижение средней этажности городских жилых зданий, стремление горожан в развитых странах жить в пригороде и работать в мегаполисе. Этот процесс в российском варианте дал иной феномен: в 1991–1999 гг. наблюдался некоторый прирост сельского населения за счет притока беженцев и переселенцев из ближнего зарубежья и из городов, который хоть и ненамного, но превышал естественную убыль населения. Правда, уже с 1995 г. приток мигрантов в сельскую местность уменьшился, и в результате начиная с 2000 г. численность сельского населения в условиях неблагоприятного естественного движения стала сокращаться.

Если брать за основу классификацию Б. С. Хорева⁵, по которой социологический аспект рассе-

ления заключается в пространственной форме организации общества, то все те, кто живут за чертой города, пусть и работают в городских организациях, являются сельскими жителями. Хотя этот тип сельского жителя никак нельзя назвать классическим, все же думается, что это и не горожанин в традиционном понимании этого термина. Население, проживающее за пределами городской среды обитания, предполагающей высокую концентрацию населения и инфраструктурных элементов различного назначения, только условно можно считать сельским. Появление социальных субъектов нового типа способствует возникновению социальных взаимодействий, отличных от прежних, что означает начало процесса модификации социопропространственных и социовременных параметров сельской территории. Кроме того, различия между городским и сельским населением, обусловленные укладом жизни, сложившимися традициями, наиболее рельефно прослеживаются при анализе процессов естественного движения населения: показателей рождаемости, смертности, которые в основном определяют естественный прирост населения, стабильную половозрастную структуру.

Если говорить о Саратовском регионе, то на территории области проживают 2564,8 тыс. человек, из них 660,8 тыс. – сельское население (26%)⁶.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Саратовской области наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности сельского населения, а также снижения основных демографических показателей.

Низкий уровень рождаемости привел к резкому сокращению численности населения в возрасте моложе трудоспособного (0–15 лет) – с 2000 г. более чем на четверть (28,1%). В то же время за счет вступления в трудоспособный возраст лиц, родившихся в середине 1980-х гг., численность трудоспособного населения росла до 2006 г. (на 35,7 тыс. человек, или 2,2%). К началу же 2009 г. она уменьшилась на 26 тыс. человек (на 1,6%). По прогнозным оценкам Росстата, снижение численности населения данной категории продолжится и в дальнейшем, что связано с вхождением в трудоспособный возраст малочисленных поколений, родившихся в конце прошлого – начале XXI в.

Одновременно наблюдается рост показателя смертности сельского населения, который за 2006–2009 гг. вырос на 10,3% и превышает показатель смертности городских жителей на 9%. Основными причинами смертности являются болезни системы кровообращения и новообразования, несчастные случаи, отравления, травмы⁷. Это важнейший индикатор социально-экономического развития сельского населения и одновременно относительно низкого уровня качества жизни. Именно поэтому демографы рассматривают высокую смертность населения как типичное явление для земледельческих и отсталых в экономическом развитии, слаборазвитых стран.

Это приводит к тому, что численность трудоспособного сельского населения неуклонно сокращается. Наблюдается уменьшение численности молодежи на селе и общее увеличение возраста сельского населения. Село не только обезлюдевает, но и стремительно стареет. В то же время сохранение и развитие сформировавшихся как производственные структуры сельских поселений приобретает сегодня народнохозяйственную значимость еще и в связи с разрушительными проявлениями реализуемых административных реформ, сопровождающихся беспрецедентным спадом производства, резким ухудшением материального положения граждан. Эти процессы обусловили значительные изменения в демографических показателях, в соотношениях возрастной структуры населения. В сложившейся международной практике население считается старым, если возрастная группа старше 65 лет составляет около 7%. Сокращение в структуре населения удельного веса подрастающего поколения в сочетании с опережающим ростом доли населения 60 лет и старше при одновременно резком сокращении поколения 50–59-летних означают: осязаемое ухудшение условий труда и быта сельского населения; резкое снижение удельного веса сельского населения в перспективе; рост смертности, сокращение рождаемости, ускорение старения населения.

Важной социальной проблемой села является низкая занятость населения, которая наиболее ощутима в сельскохозяйственных организациях. При высоком уровне сельской безработицы отмечается дефицит квалифицированных кадров массовых профессий, который в обеспеченности механизаторскими кадрами составляет более 2 тыс. человек. Низким остается уровень профессионализации сельской молодежи – 67%, каждый третий молодой житель села не имеет специальности⁸.

Безусловно, часть проблем села и города общи. Но проведенные за последние годы исследования показывают, что наиболее злободневные проблемы села: нищета, удручающее состояние сельского здравоохранения, прогрессирующая депопуляция (в первую очередь, за счет безвозвратной миграции трудоспособной части селян в города), все же являются более острыми.

Таким образом, налицо суженный характер воспроизводства сельской социально-территориальной общности, хотя в количественном выражении этот процесс не столь очевиден, а по группе сельских поселений с населением свыше 5 000 человек даже носит положительный характер, но качественные долговременные тенденции все же говорят о его деградации. Люди, проживающие в сельских поселениях, лишены многого именно по причине специфики расселения (большой распродоточенности и т. п.).

Сторонники либеральных рыночных преобразований могут привести довольно веский довод о нецелесообразности распыления государственных

средств на социальное обустройство малых деревень, поскольку их экономическая эффективность в рамках существующих организационно-правовых форм весьма низка. Можно в этом с ними согласиться, но малые деревни на сегодняшний день пока еще обеспечивают другую свою задачу: распределение сельского населения по пригодным к эксплуатации земельным и иным угодьям. При прекращении существования этих населенных пунктов большая часть и без того проблемных сельхозугодий окажется незаселенной, что напрямую затрагивает проблему продовольственной безопасности страны. Кроме того, поскольку часть населенных пунктов находится в непосредственной близости от железных, автомобильных дорог федерального, областного и районного значения, продуктопроводов, и на этих территориях базируются многие эксплуатационные структуры, то их ликвидация становится еще более убыточной, нежели это могло показаться ранее. Таким образом, изменение функционального профиля сельского поселения отягощается не только отмеченными моментами деградации: депопуляцией, старением, депрофессионализацией, люмпенизацией традиционного сельского социального субъекта, но и его «разжижением» «дачником»⁹, что, в целом, трансформирует его характеристики как субъекта традиционного сельскохозяйственного производителя.

УДК [004.056:338.242] (470)

БЕЗОПАСНОСТЬ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЫНКА: СИСТЕМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

С. А. Чувиллин

Саратовский государственный университет
E-mail: mtghunt@yandex.ru

В статье приведена системная интерпретация корпоративной безопасности. Проанализированы разные определения данного понятия. Выведено шесть уровней безопасности, основанных на порядке создания и функционирования системы корпорации. Представлены цели воздействия уровней, их прямая и обратная зависимость.

Ключевые слова: безопасность, корпорация, интерпретация.

Safety of Corporation in the Conditions of the Modern Russian Market: System Interpretation

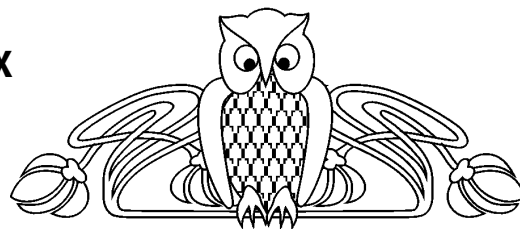
S. A. Chuvilin

Interpretation of corporate safety is introduced in this article system. Various definitions of this concept were analysed. Six levels of safety based on an order of creation and functioning of system of corporation were deduced. The purposes of influence of levels, their straight line and inverse relationship were presented.

Key words: safety, corporation, interpretation.

Примечания

- 1 См.: Государственный комитет статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/PEREPIS/t1.htm> (дата обращения: 01.11.2011).
- 2 См.: *Нефедова Т. Г.* Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России. URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.php (дата обращения: 01.11.2011).
- 3 См.: *Город и деревня Европейской России : сто лет перемен.* М., 2001. С. 299–301.
- 4 Там же.
- 5 См.: *Хорев Б. С.* Население страны : географический и демографический аспекты. М., 1986.
- 6 Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/minagro/prpa/detail.php?ID=50783> (дата обращения: 01.11.2011).
- 7 См.: Анализ демографической ситуации и кадрового обеспечения АПК. URL: <http://sferi.ru/saratov-news/agr-saratov/2062-2011-06-06-07-21-06.html> (дата обращения: 01.11.2011).
- 8 Там же.
- 9 См.: *Покровский Н. Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России : теоретические и прикладные аспекты // *Современный российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре.* М., 2005.

В условиях современного российского рынка надежная система безопасности – один из основных факторов успешности корпорации. Стабильность последней в данных нелегких условиях зависит от надлежащей работы системы безопасности и ее эффективности. Но одним из значащих факторов в этом процессе является направленность. Поэтому изучение направленности работы системы безопасности в корпорациях является актуальной проблемой.

Данная проблема была поднята и частично изложена в работах И. А. Бородина¹, В. Ф. Гапоненко, А. Л. Беспалько и А. С. Власкова². Основная цель статьи – продемонстрировать, что направленность работы системы безопасности представляет собой один из ключевых элементов корпоративной безопасности, что влечет и всеобщую безопасность предприятия.

Как известно, главная задача системы безопасности в целом – обеспечение максимальной стабильности функционирования компании и до-

средств на социальное обустройство малых деревень, поскольку их экономическая эффективность в рамках существующих организационно-правовых форм весьма низка. Можно в этом с ними согласиться, но малые деревни на сегодняшний день пока еще обеспечивают другую свою задачу: распределение сельского населения по пригодным к эксплуатации земельным и иным угодьям. При прекращении существования этих населенных пунктов большая часть и без того проблемных сельхозугодий окажется незаселенной, что напрямую затрагивает проблему продовольственной безопасности страны. Кроме того, поскольку часть населенных пунктов находится в непосредственной близости от железных, автомобильных дорог федерального, областного и районного значения, продуктопроводов, и на этих территориях базируются многие эксплуатационные структуры, то их ликвидация становится еще более убыточной, нежели это могло показаться ранее. Таким образом, изменение функционального профиля сельского поселения отягощается не только отмеченными моментами деградации: депопуляцией, старением, депрофессионализацией, люмпенизацией традиционного сельского социального субъекта, но и его «разжижением» «дачником»⁹, что, в целом, трансформирует его характеристики как субъекта традиционного сельскохозяйственного производителя.

УДК [004.056:338.242] (470)

БЕЗОПАСНОСТЬ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЫНКА: СИСТЕМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

С. А. Чувиллин

Саратовский государственный университет
E-mail: mtghunt@yandex.ru

В статье приведена системная интерпретация корпоративной безопасности. Проанализированы разные определения данного понятия. Выведено шесть уровней безопасности, основанных на порядке создания и функционирования системы корпорации. Представлены цели воздействия уровней, их прямая и обратная зависимость.

Ключевые слова: безопасность, корпорация, интерпретация.

Safety of Corporation in the Conditions of the Modern Russian Market: System Interpretation

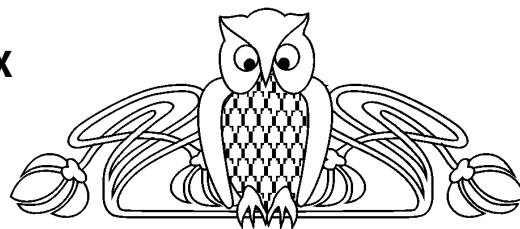
S. A. Chuvililn

Interpretation of corporate safety is introduced in this article system. Various definitions of this concept were analysed. Six levels of safety based on an order of creation and functioning of system of corporation were deduced. The purposes of influence of levels, their straight line and inverse relationship were presented.

Key words: safety, corporation, interpretation.

Примечания

- 1 См.: Государственный комитет статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/PEREPIS/t1.htm> (дата обращения: 01.11.2011).
- 2 См.: *Нефедова Т. Г.* Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России. URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.php (дата обращения: 01.11.2011).
- 3 См.: *Город и деревня Европейской России : сто лет перемен.* М., 2001. С. 299–301.
- 4 Там же.
- 5 См.: *Хорев Б. С.* Население страны : географический и демографический аспекты. М., 1986.
- 6 Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/minagro/prpa/detail.php?ID=50783> (дата обращения: 01.11.2011).
- 7 См.: Анализ демографической ситуации и кадрового обеспечения АПК. URL: <http://sferi.ru/saratov-news/agr-saratov/2062-2011-06-06-07-21-06.html> (дата обращения: 01.11.2011).
- 8 Там же.
- 9 См.: *Покровский Н. Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России : теоретические и прикладные аспекты // *Современный российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре.* М., 2005.

В условиях современного российского рынка надежная система безопасности – один из основных факторов успешности корпорации. Стабильность последней в данных нелегких условиях зависит от надлежащей работы системы безопасности и ее эффективности. Но одним из значащих факторов в этом процессе является направленность. Поэтому изучение направленности работы системы безопасности в корпорациях является актуальной проблемой.

Данная проблема была поднята и частично изложена в работах И. А. Бородина¹, В. Ф. Гапоненко, А. Л. Беспалько и А. С. Власкова². Основная цель статьи – продемонстрировать, что направленность работы системы безопасности представляет собой один из ключевых элементов корпоративной безопасности, что влечет и всеобщую безопасность предприятия.

Как известно, главная задача системы безопасности в целом – обеспечение максимальной стабильности функционирования компании и до-

стижения целей бизнеса в условиях воздействия объективных и субъективных факторов риска. Каждая безопасность выстраивается на основе системы, в которой она должна функционировать или защищать ее от внешнего и внутреннего воздействия. Этот процесс называется системной интерпретацией.

Безопасность корпорации – это состояние наиболее эффективного использования ресурсов для предотвращения угроз, а также обеспечения стабильного функционирования корпорации в настоящее время и в будущем³. С другой стороны, безопасность корпорации (фирмы) – это состояние хозяйственного субъекта, при котором жизненно важные компоненты структуры и деятельности корпорации характеризуются высокой степенью защищенности от нежелательных изменений.

Из этих определений можно вывести формулировку, характеризующую корпоративную безопасность в целом.

Безопасность корпорации – это такое состояние хозяйственного субъекта, при котором он при наиболее эффективном использовании корпоративных ресурсов добивается полной защищенности от существующих опасностей и угроз или других непредвиденных обстоятельств и в основном обеспечивает функционирование и достижение целей бизнеса в условиях конкуренции и рисков.

Безопасность корпорации занимает главенствующее положение среди других элементов системы, так как она задействована во всех процессах, происходящих в компании. Нет ни одного аспекта корпорации, который бы не зависел от уровня ее безопасности. В то же время этот уровень в значительной мере зависит от других элементов корпоративной структуры. Рассмотрение взаимосвязей и взаимозависимостей различных аспектов позволяет найти меры по недопущению или преодолению угроз интересам корпорации.

Следует отметить, что структурные элементы корпорации тесно взаимосвязаны. Процесс обеспечения безопасности корпорации должен быть непрерывным и многоуровневым, но сама безопасность предприятия – это состояние, определенное свойство или характеристика, а не процесс.

Безопасность корпорации представляет собой непрерывную деятельность по обеспечению стабильности функционирования, финансового равновесия и регулярного извлечения прибыли, а также возможность выполнения поставленных целей и задач, способность к дальнейшему развитию и совершенствованию на разных стадиях жизненного цикла и в процессе изменения конкурентных рыночных стратегий⁴.

Рассмотрение направленности безопасности корпорации следует проводить с учетом ее создания и функционирования. Безопасность разделяется на внешнюю и внутреннюю.

Под внутренней составляющей безопасности корпорации понимается свойство (способность)

предприятия организовывать свою структуру и взаимоотношения внутри компании таким образом, чтобы работать максимально результативно. Понятие «внутренняя безопасность» характеризует степень того, насколько устройство предприятия способствует обеспечению безопасности в целом.

Внешняя составляющая безопасности корпорации – это свойство (способность) предприятия организовывать взаимоотношения с внешней средой таким образом, чтобы максимально снизить существующие риски.

Первостепенное значение имеет внутренняя составляющая безопасности. По результатам исследований консалтинговых компаний о мошенничестве на предприятиях, 82% всех раскрытых преступлений совершены сотрудниками соответствующих организаций⁵.

Следует проанализировать, как образуются составляющие системы безопасности корпорации. Для этого необходимо осветить порядок создания и функционирования корпорации. Он включает следующие этапы:

- 1) учреждение юридического лица: оформление и регистрация документов;
- 2) формирование высшего руководства организации;
- 3) создание организационной структуры предприятия, набор персонала;
- 4) создание схем деятельности предприятия (технологические карты, описание бизнес-процессов, документооборот, ведение всех видов учета);
- 5) планирование и осуществление финансово-хозяйственной деятельности;
- 6) формирование отчетности, контроль и анализ отчетности, принятие решений.

На каждом этапе определяются ступени взаимодействия и формируются противоречия, соответствующие данному этапу. При возникновении противоречий появляются и угрозы безопасности корпорации. Подробное рассмотрение этой последовательности позволяет сделать следующий вывод: каждый из приведенных этапов является определяющим по отношению к следующему.

Результаты каждого этапа выступают законченным элементом. Следовательно, говоря об этапах, имеются в виду определенные уровни организации деятельности корпорации;

– управление деятельностью на каждом из этих уровней обычно соответствует менеджерскому звену. Можно также говорить и о компетентности, ответственности управления;

– деятельность на каждом из уровней в значительной мере определяется тем, как осуществляется работа на более высоком уровне;

– противоречия возникают на всех без исключения уровнях, образуя угрозы безопасности;

– решение проблем защиты корпорации от внешних угроз также зависит от организации безопасности;

– выявление проблем (угроз) на каком-либо из уровней безопасности говорит о высокой вероятности наличия проблем и на соседних звеньях.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании шести уровней безопасности корпорации:

- 1) уровень акционеров и владельцев;
- 2) высшее руководство корпорации;
- 3) организационная структура и система управления корпорации, система мотивации персонала и кадровой политики;
- 4) уровень построения технологических и бизнес-процессов;
- 5) финансовая и хозяйственная деятельность;
- 6) уровень учета, контроля и анализа организаций.

Каждый из этих уровней можно рассматривать как субъект безопасности, объект безопасности, источник угрозы и объект угрозы. В случае необеспечения безопасности на более высоком уровне все мероприятия внутри более низких звеньев становятся малоэффективными и порой бессмысленными. Полагаем, что уровни системы безопасности имеют и обратную зависимость: не

УДК 316:341.3

СПЕЦИФИКА АКТУАЛЬНЫХ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Д. Хлебозаров

Саратовский государственный университет
E-mail: AlexDKh@yandex.ru

В статье рассматриваются результаты исследований актуальных угроз информационной безопасности среди граждан и проблема информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы, социальный статус, информация.

Specifics of Actual Threats of Information Security in Modern Society

A. D. Khlebozharov

In article results of researches of actual threats of information security among people and a problem of information security are considered.

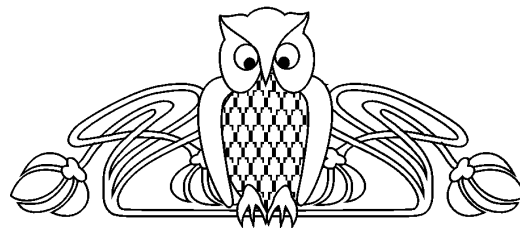
Key word: information security, threats, social status, information.

Современный этап общемирового развития характеризуется возрастающей ролью информационной сферы. Превращаясь в системообразующий фактор жизни общества, она все более активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной, личной, имущественной и других составляющих безопасности.

будет обеспечена безопасность на низком уровне – все мероприятия по обеспечению безопасности на более высоких уровнях станут также малоэффективными. Это подтверждается результатами исследований в области развития корпораций⁶.

Примечания

- 1 Бородин И. А. Основы психологии корпоративной безопасности. М., 2004.
- 2 Гапоненко В. Ф., Беспалько А. Л., Власков А. С. Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. М., 2007.
- 3 См.: Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. Л. Олейникова. М., 1997. С. 138.
- 4 См.: Половнев К. С. Механизм обеспечения экономической безопасности промышленного предприятия : дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2002. С. 34.
- 5 См.: Молдаванцев А. А. Участие органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности предприятия : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 83.
- 6 См.: Бородин И. А. Указ. соч. ; Половнев К. С. Указ. соч. и др.

Широкое распространение некоторых информационных технологий сопровождается появлением ряда новых угроз конституционным правам и свободам граждан, формированию здоровья, полноценной духовной жизни. Эти технологии уже используются для целей экономики, торговли, рекламы, политической борьбы, оказывая порой разрушительное воздействие на психику людей, в особенности подростков.

Информационное воздействие становится главным рычагом управления людьми, все больше заменяя физическое воздействие, тысячелетиями считавшееся неременным средством управления. Вот почему одним из основных элементов национальной, общественной и личной безопасности становится информационная безопасность, которая в современном мире выступает жизненно необходимым условием обеспечения интересов человека, общества и государства¹.

Оценка информационной безопасности является одной из наиболее актуальных в проблематике обеспечения информационной безопасности России. Это обусловлено, с одной стороны, значительными усилиями, предпринимаемыми субъектами Российской Федерации в этой области, а также существенными объемами привлекаемых

– выявление проблем (угроз) на каком-либо из уровней безопасности говорит о высокой вероятности наличия проблем и на соседних звеньях.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании шести уровней безопасности корпорации:

- 1) уровень акционеров и владельцев;
- 2) высшее руководство корпорации;
- 3) организационная структура и система управления корпорации, система мотивации персонала и кадровой политики;
- 4) уровень построения технологических и бизнес-процессов;
- 5) финансовая и хозяйственная деятельность;
- 6) уровень учета, контроля и анализа организаций.

Каждый из этих уровней можно рассматривать как субъект безопасности, объект безопасности, источник угрозы и объект угрозы. В случае необеспечения безопасности на более высоком уровне все мероприятия внутри более низких звеньев становятся малоэффективными и порой бессмысленными. Полагаем, что уровни системы безопасности имеют и обратную зависимость: не

УДК 316:341.3

СПЕЦИФИКА АКТУАЛЬНЫХ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Д. Хлебозаров

Саратовский государственный университет
E-mail: AlexDKh@yandex.ru

В статье рассматриваются результаты исследований актуальных угроз информационной безопасности среди граждан и проблема информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы, социальный статус, информация.

Specifics of Actual Threats of Information Security in Modern Society

A. D. Khlebozharov

In article results of researches of actual threats of information security among people and a problem of information security are considered.

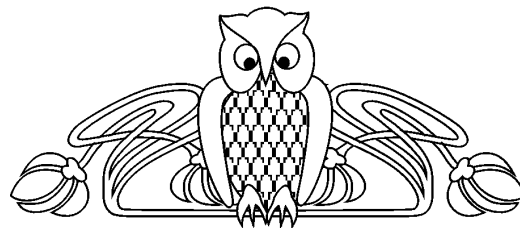
Key word: information security, threats, social status, information.

Современный этап общемирового развития характеризуется возрастающей ролью информационной сферы. Превращаясь в системообразующий фактор жизни общества, она все более активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной, личной, имущественной и других составляющих безопасности.

будет обеспечена безопасность на низком уровне – все мероприятия по обеспечению безопасности на более высоких уровнях станут также малоэффективными. Это подтверждается результатами исследований в области развития корпораций⁶.

Примечания

- 1 Бородин И. А. Основы психологии корпоративной безопасности. М., 2004.
- 2 Гапоненко В. Ф., Беспалько А. Л., Власков А. С. Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. М., 2007.
- 3 См.: Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. Л. Олейникова. М., 1997. С. 138.
- 4 См.: Половнев К. С. Механизм обеспечения экономической безопасности промышленного предприятия : дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2002. С. 34.
- 5 См.: Молдаванцев А. А. Участие органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности предприятия : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 83.
- 6 См.: Бородин И. А. Указ. соч. ; Половнев К. С. Указ. соч. и др.

Широкое распространение некоторых информационных технологий сопровождается появлением ряда новых угроз конституционным правам и свободам граждан, формированию здоровья, полноценной духовной жизни. Эти технологии уже используются для целей экономики, торговли, рекламы, политической борьбы, оказывая порой разрушительное воздействие на психику людей, в особенности подростков.

Информационное воздействие становится главным рычагом управления людьми, все больше заменяя физическое воздействие, тысячелетиями считавшееся неременным средством управления. Вот почему одним из основных элементов национальной, общественной и личной безопасности становится информационная безопасность, которая в современном мире выступает жизненно необходимым условием обеспечения интересов человека, общества и государства¹.

Оценка информационной безопасности является одной из наиболее актуальных в проблематике обеспечения информационной безопасности России. Это обусловлено, с одной стороны, значительными усилиями, предпринимаемыми субъектами Российской Федерации в этой области, а также существенными объемами привлекаемых

для этого финансовых и иных ресурсов, с другой – практически отсутствием исследований эффективности этих усилий. Необходимо отметить, что и за рубежом подобные исследования начали проводить сравнительно недавно.

Угрозы информационной безопасности граждан представляют собой совокупность факторов и условий, способных оказать негативное влияние на реализацию гражданами своих интересов, связанных с имеющейся у них информацией, принадлежащими им информационными ресурсами и с использованием для обработки информации средств вычислительной техники.

В качестве основных угроз информационной безопасности граждан в данном случае целесообразно рассматривать те, с проявлениями ко-

торых граждане сталкиваются наиболее часто. Частота проявлений угроз может быть оценена долей респондентов, которые сталкивались с проявлением этих угроз в течение некоторого интервала времени, например, в течение года.

Результаты проведенного опроса позволят оценить:

- наиболее часто совершаемые информационные преступления;
- основные угрозы информационной безопасности;

Результаты социологического исследования² актуальных угроз информационной безопасности, с которыми сталкивались граждане за последний год, в разбивке по возрастной категории представлены в табл. 1.

Таблица 1

Влияние возраста на субъективность актуальных угроз информационной безопасности, %

Актуальные угрозы информационной безопасности за последний год	Возраст					По выборке
	15–20	21–25	26–35	36–45	46 и выше	
Зловредные вирусы	33,2	44,0	52,3	41,5	45,0	43,2
Атаки хакеров	7,8	3,2	8,8	3,5	8,1	6,3
Интернет-мошенничество	33,9	24,5	18,0	16,7	15,6	21,8
Безграмотность самих пользователей	23,6	28,4	20,9	38,3	31,3	28,2
Затрудняюсь ответить	1,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ показывает, что среди 15–20-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности является интернет-мошенничество (33,9% опрошенных указали на это). На втором месте – компьютерные вирусы (33,2%), на третьем месте – безграмотность самих пользователей (23,6%). Среди 21–25-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (44%), на втором месте – безграмотность самих пользователей (28,4), на третьем месте – интернет-мошенничество (24,5%). Пользователи 26–35 лет также на первое место поставили вирусы (52,3%), на второе – собственную безграмотность (20,9%), на третье – интернет-мошенничество (18%). Так же распределились места 36–45-летних пользователей – 41,5, 38,3 и 16,7% соответственно. Среди пользователей 46 лет и старше самой распространенной угрозой безопасности являются компьютерные вирусы (45%), за ними следуют безграмотность самих пользователей (31,3%) и интернет-мошенничество (15,6%).

Как следует из результатов опроса, к числу основных актуальных угроз информационной безопасности граждан относятся:

- зловредные вирусы;
- безграмотность самих пользователей;
- интернет-мошенничество.

Если рассматривать показатель «зловредные вирусы», то одинаково большой процент показывают все возрастные категории, это связано с тем,

что компьютеры используются в нашей жизни повсеместно. А это свидетельствует о том, что практически любой человек может быть подвержен атакам вирусов.

Интернет-мошенничество считает актуальной угрозой категория 15–20-летних – это связано, прежде всего, с тем, что молодежь сейчас активно использует интернет-магазины и оплату услуг через Интернет. В будущем эта категория будет только увеличиваться, и тем самым защита при работе в Интернете очень актуальна уже в данный момент.

«Атаки хакеров» показали небольшой процент среди общего числа опрошенных, это обусловлено скорее всего тем, что такие атаки осуществляются зачастую не на конкретных пользователей, а на компании, государственные учреждения. Также не исключен процент атак хакеров на личные компьютеры граждан, но это бывает очень сложно заметить, и обычные пользователи о них часто даже не догадываются.

Угроза распространения вирусов проявляется в виде противоправного размещения на средствах вычислительной техники граждан вредоносных программ. Под воздействием этих программ может быть нарушено нормальное функционирование программного и технического обеспечения вычислительной техники граждан, уничтожены или модифицированы принадлежащие им информационные ресурсы, получен противоправный доступ к информации о частной жизни, личной

и семейной тайне, к другой хранящейся и обрабатываемой конфиденциальной информации. Социальная опасность данной угрозы заключается в возможности нанесения материального или морального ущерба гражданам, размеры которого могут быть весьма значительными и зависят от степени использования потерпевшими вычислительной техники в различных областях их деятельности.

Угроза распространения незапрашиваемых рекламных сообщений (спама) проявляется в виде поступления в электронные почтовые ящики пользователей определенного (иногда значительного) количества обращений, не представляющих для граждан никакой практической ценности. Вследствие этого несколько увеличивается время, необходимое для подготовки вычислительной техники к работе, а также возникает необходимость осуществления утомительных процедур чистки электронных почтовых ящиков. Социальная опасность данной угрозы невелика, поскольку выражается, как правило, в незначительном материальном ущербе.

Угроза несанкционированного доступа к компьютеру проявляется в виде модификации или уничтожения программных средств, расположенных на данном компьютере, копирования, модификации, нарушения целостности или уничтожения хранящихся в нем информационных ресурсов, а также использования технических средств компьютера для размещения программных средств нарушителя, осуществления обработки информации в его интересах, нарушения работоспособности компьютера. Социальная опасность данной угрозы заключается в возможности нарушения установленного собственником режима информационных ресурсов, противоправного раскрытия сведений, составляющих личную и семейную тайны, либо сведений о частной жизни гражданина, воспрепятствования использованию компьютера для осуществления информационной деятельности.

Результаты социологического исследования актуальных угроз информационной безопасности, с которыми сталкивались граждане за последний год, по социальному статусу представлены в табл. 2.

Таблица 2

Влияние социального статуса на субъективность актуальных угроз информационной безопасности, %

Актуальные угрозы информационной безопасности за последний год	Социальный статус							Итого
	Школьник	Студент	Работаю	Пенсионер	Аспирант, работаю,	Студент, работаю	Пенсионер, работаю	
Зловредные вирусы	50,0	30,4	48,7	0,0	0,0	60,0	59,1	31,7
Атаки хакеров	50,0	7,4	6,7	0,0	0,0	0,0	4,5	6,8
Интернет-мошенничество	0,0	37,4	17,6	0,0	0,0	20,0	9,1	25,0
Безграмотность самих пользователей	0,0	23,3	27,0	0,0	100,0	20,0	27,3	36,0
Затрудняюсь ответить	0,0	1,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ показывает, что среди школьников самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (50% опрошенных), на втором месте – атаки хакеров (50%). Среди студентов на первом месте среди угроз безопасности находится интернет-мошенничество (37,4%), на втором – вирусы (30,4%), на третьем – безграмотность самих пользователей (23,3%). Среди работающих первое место занимают вирусы (48,7%), далее идут безграмотность самих пользователей (27,3%) и интернет-мошенничество (17,6%).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что наибольший процент показывают те граждане, которые работают, следовательно, вирусам подвергаются их рабочие компьютеры. А это, в свою очередь, говорит, что при заражении вирусом хотя бы одного компьютера может произойти заражение всех остальных и, как следствие, остановка рабочих процессов на предприятии. Данный факт

свидетельствует, что на рабочих местах часто не уделяется должного внимания антивирусной политике.

Безграмотность самих пользователей отмечает большинство по каждому социальному статусу. Как правило, пользователи не знают, что делать при той или иной атаке их компьютера, тем самым упрощая, а иногда и помогая этим атакам, сами не зная того. Это указывает на то, что проблемы информационной безопасности недостаточно освещаются в обществе, в университетах, в организациях. Это приводит к тому, что люди просто не знают, с чем они сталкиваются и как с этим бороться, что, в свою очередь, очень упрощает атаки на их компьютера и данные.

Интернет-мошенничество оказалось на первом месте у студентов и работающих студентов. Это связано с тем, что они наиболее активные пользователи Интернета, интернет-магазинов.

Из результатов этих двух опросов можно сделать вывод, что актуальными угрозами информационной безопасности считаются вирусы, безграмотность самих пользователей, интернет-мошенничество.

Таким образом, главным в решении данной проблемы становится обучение населения информационной безопасности, чтобы граждане знали и могли предпринять первые действия при атаках на их компьютеры, повышать уровень безопасности работы в Интернете и проводить противовирусные политики на компьютерах предприятий и личных компьютерах. Остальные угрозы показали меньший процент, но это не значит, что этих угроз мало. Например, атаки хакеров более специализированы, и они часто атакуют сайты, сети компаний и государственные

объекты с целью завладеть конфиденциальными данными.

Эти угрозы со временем будут только расти в связи с увеличением соблазнов хакерских группировок получать большие деньги путем наименьшего сопротивления, когда люди часто сами им помогают и просто невнимательны при использовании компьютера и сохранности личных данных.

Примечания

- ¹ См.: *Петров В. П., Петров С. В.* Информационная безопасность человека и общества : учеб. пособие. М., 2007.
- ² Исследование «Информационная безопасность в обществе» было проведено нами в декабре 2011 г. методом анкетирования по выборке $n = 200$ человек.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков, Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru, milirita@rambler.ru

В данной статье авторы проводят комплексный анализ используемых властью технологий общегражданской российской идентичности в условиях переходного периода с учетом его преемственности и противоречивости. С точки зрения эффективности рассматриваются инструменты социализации, образования, религии и политики символов в процессе формирования единой политической идентичности россиян.

Ключевые слова: политическая идентичность, технологии формирования, национальная политика.

Technologies of Formation of Political Identity in Modern Russia

A. A. Vilkov, Y. V. Zevako

This paper the authors conducted a comprehensive analysis of the power of technology used by civic Russian identity during the transition period in view of its continuity and contradictions. In terms of efficiency are considered tools of socialization, education, religion and politics in the process of character formation of a unified political identity of Russians.

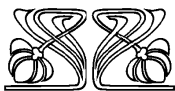
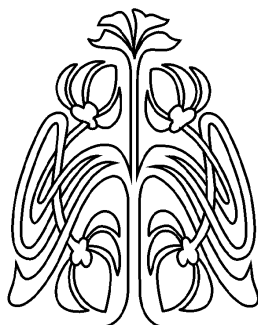
Key words: political identity, technologies of formation, national policy.

В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые технологии и механизмы, используемые в современной России для формирования надэтнической российской общегражданской политической идентичности «россияне»/«российская нация»¹, проанализировать модификации и трансформации данных технологий становления политической идентичности в сравнении с имперским и советским периодами², определить факторы и причины неудач в построении современными политическими элитами консолидирующей политической идентичности.

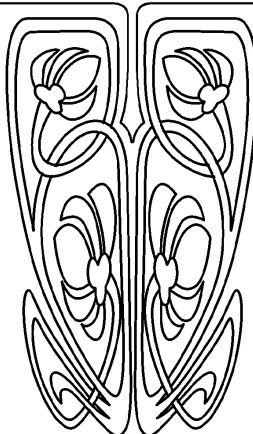
В условиях поиска современной Россией новой модели «внутренней геополитики»³, обеспечивающей эффективное «управление многообразием» поликультурного, многоконфессионального и этнически неоднородного государства, многие исследователи отмечают отсыл современных практик в конструировании надэтнической политической идентичности к советскому опыту, в том числе процесса «дискурсивного производства и распространения “общероссийской идентичности”... к опыту советской партийной пропаганды»⁴ с целью формирования «российского» человека.

Принципиальными являются ответы на вопросы: заимствуя форму – отдельные технологии и механизмы, апробированные в советское время, – каким качественным содержанием современные российские власти её наполняют, насколько способны вновь выстроить эффективный технологический комплекс и что может препятствовать реализации данного процесса?

Как и в предыдущие периоды, одной из наиболее важных сфер для формирования политической надэтнической идентичности стала сфера символического. В 1990-е гг., с распадом Советского Союза и начавшимся «парадом суверенитетов», «возрождением этничности» и религиозности, то есть постепенно институализирующимися различиями в сфере территориального, политического устройства и культурного

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

самоопределения, монополия центральной власти на формирование, презентацию и интерпретацию единой государственной символической сферы была подорвана и представляла собой противоречивую мозаику. Особенно ярко это проявилось в отношении истории, которая из своеобразного ресурса государственной консолидации превратилась в ресурс политического и регионального партикуляризма.

С другой стороны, 1990-е гг. стали своеобразной точкой бифуркации для символического самоопределения государства и общества, возможности выбрать наиболее подходящий «исторический/политический проект», историческое видение для достижения актуальных политических задач.

Важно отметить, что, несмотря на открывшиеся возможности социальной эволюции, усложнение социального и политического порядка до гражданского общества и правового государства со взаимной ответственностью, активностью и инициативностью, угроза дезинтеграции страны и экономические потрясения 1990-х гг., напротив, привели к архаизации политического сознания как рядовых граждан, так и политических элит.

Как отмечает Л. Гудков, «разрушение целостности институциональной системы советского типа не стало предпосылкой дальнейшего усложнения (структурно-функциональной дифференциации) социума, т. е. развития общества, а привело к редукции сложности – упрощению политической подсистемы и, тем самым, стерилизации потенциала других подсистем общества, более динамичных, поскольку их развитие обусловлено интересами массы людей и построено на других механизмах (обмена, доверия, кооперации). В результате мы имеем дело с выходом на поверхность архаических пластов культуры, крайне примитивных представлений о власти, человеке и обществе, соответствующих фазе патримонially-бюрократической организации общества со всеми рудиментарными представлениями о населении как пассивном ресурсе “героической” власти, т. е. как о ничем не связанном или не ограниченном произволе»⁵.

Подобная обоюдная редукция представлений о власти способствовала возможности вновь монополизировать символическую сферу и использовать её потенциал для конструирования новой политической идентичности – «русской нации».

С теоретической точки зрения, формирование трансверсальной надэтнической политической идентичности⁶ на индивидуальном и коллективном уровнях⁷ предполагает планомерную «включаемость индивида в социальность»⁸ посредством политической социализации как существенного компонента общей социализации индивида с помощью специальных агентов – семьи, системы образования, общественных и политических институтов (организаций), церкви, СМИ и т. д.

Кроме того, в зависимости от субъекта (кто/что именно обладает более высокой эффективностью в социализации – государство или общество) выделяют два «потока социализации»: 1) *генерализованный (обобщённый) поток социализации* (конформистская и консервативная ориентация на правящий режим) и 2) *сосязательные потоки социализации* (предполагающие активность различных социальных групп влиять на личность и способы её включения в политику)⁹; с точки зрения подходов в теории политической социализации – *идеологизированную (целенаправленную) и деидеологизированную (стихийную) политическую социализацию*¹⁰.

М. В. Руткаускайте подчёркивает, что в 1990-е гг. государство выпустило из виду процесс политической социализации, «система направленной политической социализации была полностью разрушена... и агенты политической социализации стали хаотично наполняться стихийными компонентами, в результате чего... поколение молодежи не приобрело необходимых навыков политической идентификации и, соответственно, имеет “нулевую” политическую идентичность»¹¹. В рамках концептуализации «третьей волны» скорее следовало бы говорить не о «нулевой», а о кризисной идентичности (в условиях общего кризиса государства как института и, соответственно, политической идентичности как соотношения человеком себя с политической нацией-согражданством); современные российские социологи трактуют её как «негативную идентичность»¹². Данные процессы стали возможны в связи с «аннулированием» «советского» содержания технологии «направленной социализации» и приостановки функционирования данной технологии как таковой («целенаправленность» превратилась в «стихийность»).

Ситуация резко изменилась в 2000-е гг., когда у власти появилось понимание необходимости возобновления функционирования технологии «направленной социализации», введения в действие её «производственных мощностей»: были приняты приоритетные программы на долгую перспективу, где наиболее ответственная роль в осуществлении политической социализации была отведена системе образования. В России начался довольно осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне, в котором государство взяло на себя ответственность за сферу образования и стало играть в ней активную роль.

Поскольку, как отмечает Г. Люббе, «идентичность субъектов (в т. ч. политическая идентичность как идентичность нации в любом её понимании. – *Авт.*) может быть изображена только с помощью их историй, поскольку эта идентичность, какова она сегодня, всегда содержит больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени»¹³, стало быть, одновременно с укреплением Центра, приведением законодательств

субъектов РФ в соответствии с Конституцией РФ, уменьшением полномочий глав субъектов Федерации и введением института полномочных представителей президента для контроля за действиями региональных элит началась кампания по стандартизации школьного исторического образования и унификации содержания соответствующих школьных учебников, а затем – через апелляцию к символическому полю истории – некоторые пропагандистские попытки выстраивания нового конструкта политической надэтнической идентичности современной России.

Так, к 2005 г. были приняты и воплощены в жизнь Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2005 гг., Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001–2005 гг.» и Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Процесс централизации отбора и выработки нового официального списка рекомендованных и допущенных учебников был завершён во время первого президентства В. В. Путина¹⁴. Одновременно с начала 2000-х гг. активизировался пропагандистско-идеологический дискурс – поиск объединительной идеи, которая бы сплотила водно-едино российскую политическую нацию¹⁵.

Таким образом, вновь (как в советское время) обозначился переход к идеологизированной (направленной) политической социализации по типу генерализованного (обобщённого) потока. Была вновь запущена технология направленной социализации, цель которой можно сформулировать, исходя из вышеобозначенных определений: в первом приближении – формирование лояльности людей к правящему режиму, усвоение ими ценностей господствующей политической культуры и идеологии, ценностей и политических стереотипов господствующего класса; во втором приближении – постепенное формирование в обществе надэтнической общегражданской политической идентичности – «российской нации».

Соответственно, основным механизмом технологии направленной социализации, как и в Российской империи, и в Советском Союзе, стал механизм русификации, приобретший в новый исторический период новые коннотации: применительно к современной России данный механизм будет точнее назвать механизмом «россиефикации», чтобы уйти от современных узконационалистических трактовок прежнего понятия. Однако, принимая в расчёт тот момент, что сегодня «русское», как и в предыдущие исторические периоды, ассоциируется с принадлежностью к России в целом, своими государствоцентричными смыслами и ориентациями, несмотря на разницу в названиях, по форме и по содержанию механизм «россиефикации» во многом является калькой механизма «русификации».

Основными инструментами механизма «россиефикации» как «совокупности подвижно со-

единённых частей», которые под «действием прикладываемых [властью] сил совершают заданные движения», являются такие агенты социализации, как государственные институты (система образования, пропаганда, армия, в настоящее время – церковь и т. п.) и средства массовой информации.

Рассмотрим некоторые сюжеты с точки зрения социальной инженерии и формирования политической идентичности более подробно.

Главный вопрос пути овладения символической сферой, направленной в прошлое, в историю, – «Кто держатель времени?». Л. Гудков подчёркивает, что «“хозяевами времени” могут быть только те, кому принадлежит действительность, т. е. у кого право господства, право управления собой и другими... [именно они] определяют структуру социального времени, в которой можно выделить две основные инстанции, фиксирующие пределы свободы в обществе: 1) государственное время, принудительно назначаемое и поддерживаемое государственными ведомствами с помощью как учреждений насилия, так и социальных конвенций, “объективное” время, и 2) субъективное время индивида, планирующего свою жизнь, располагающего собственными ресурсами упорядочения жизни и порядком предпочтения тех или иных своих действий и занятий...»¹⁶

Подобный взгляд также подводит нас к тезису, что если «параметры социального времени»¹⁷ заметно изменились за последние 20 лет, то «культурное время» – система записей и согласований ритмов социального поведения, представлений о различных типах времени, характере и направленности социальных процессов, историческом прошлом, воображаемом – желаемом или нежелаемом, но... планируемом – будущем по-прежнему находится в подчинении государственным структурам и зависимым от них группам (школа, армия, пропаганда и т. д.)»¹⁸.

Д. Г. Горин также отмечает, что «острая необходимость легитимации настоящего времени в (пост)современной России порождает весьма своеобразное стремление к овладению [историческим] временем»¹⁹.

Г. Зверева, рассматривая историософский дискурс постсоветского времени, попыталась проследить выкристаллизовывание той модели национально-государственной истории, которая легла в основу учебной литературы для средней и высшей школы и, соответственно, в процессе социализации должна формулировать и формировать политическую идентичность граждан.

Исследовательница подчёркивает, что «направления общественных споров в значительной степени определяются идеологическими задачами создания *российской идентичности* на основе конструирования “нашего прошлого” как пространства общезначимых мест коллективной памяти». Соответственно, «государственные запросы, обращённые к историкам-профессионалам, обуславливаются, в первую очередь, задачей

авторитетного обоснования преемственности современной Российской Федерации с предшествующей многовековой историей Российского государства, то есть подтверждения *настоящего* аргументами *исторического прошлого*»²⁰.

Материал, далее представленный Г. Зверевой, заставляет нас обратить внимание на следующее противоречие в действиях властей: с одной стороны, «в образовательной практике высшей и средней школы, равно как и в научно-учебной исторической литературе, сохраняется привычная доминанта монолитного изображения российской истории, ... в которой как специфическая телесная целостность вырастает антропоморфная фигура Государства Российского (Руси – России – Российской Империи – Советской России – Новой России)», но в условиях кризиса государства как института, активизации этнических и религиозных идентичностей и поддержки государством в основных документах по национальной политике мультикультуралистской доктрины вполне естественно, что «историографическая приверженность “имперской традиции” нередко стимулирует негативистские реакции в локальных сообществах российских регионов и провоцирует в них националистические настроения (например, Татарстан)»²¹.

Кроме того, утверждение в учебной литературе «вневременного отождествления российской цивилизации и Российского государства, обоснование с помощью этого тождества перманентной подвижности исторических государственных границ, основанное на эссенциалистском культурно-цивилизационном измерении истории российской государственности, то есть на основе примордиалистского, эволюционистского истолкования базовых понятий народ, этнос, нация, идентичность»²², подталкивает, поощряет и оправдывает стремление представителей других народов России показывать свою историю с подобных позиций, также подчёркивая свою «уникальность, самобытность, особость, величие» и пр.

Таким образом, власти, стремясь сформировать новую надэтническую политическую идентичность, сплачивающую все разнородные группы современной России, – «российскую нацию», вместо внедрения в систему исторического образования, особенно в звене средних школ, современных представлений о нациях как политических образованиях, основанных на согражданстве, «в большинстве учебных текстов по российской истории [оставляют] установки и схемы, которые мало согласуются с современными предложениями... и отличаются явным усилением этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического сознания»²³.

Такая рассогласованность декларируемых целей и реальных действий не способствует будущему сплочению народов России и формирова-

нию объединяющей политической идентичности. Механизм, одновременно получающий разные команды, не может эффективно работать.

Впрочем, проведённый Г. Зверевой анализ учебных текстов позволяет исследовательнице обозначить их иную «реальную цель»: «Выстраивать семантическое пространство коллективной памяти вокруг концепта *власти* и репродуцировать идеи *народно-государственного* единения на базе культурно-исторической *самобытности*»²⁴.

К подобному выводу приходят Е. М. Левинтова и Дж. Баттерфилд, сравнивая учебники по истории Новейшего времени с точки зрения освещения периода правления Б. Ельцина и В. Путина (в первые два срока)²⁵. Исследователи подчёркивают, что учебники и учебные планы выступают в качестве «национальных версий исторических событий», и «историческая память» в этом случае состоит в том, чтобы транслировать «политическую повестку дня, которая содержала бы конкретную похвалу достоинствам нации... или действующего правительства»²⁶. Поскольку в России «держателем времени» до сих пор является государство, в нашем случае речь, безусловно, идёт о «похвале достоинствам действующего правительства».

Анализ учебной литературы позволил Е. М. Левинтовой и Дж. Баттерфилду прийти к следующим заключениям: 1) более важным в преподавании российской истории сегодня является не борьба различных точек зрения, а желание представить единую официально одобренную версию новейшей отечественной истории; 2) в связи с этим наблюдается очевидное сходство в том, как они сравнивают «ельцинское» правление с «путинским» – постперестроечный этап предстаёт как очень неоднозначное десятилетие, в котором были нечастые прорывы, но частые провалы, то есть негативно, в то время как период президентства В. В. Путина (2000–2008 гг.) описывается исключительно в хвалебных тонах, а сам В. В. Путин – как «энергичный, молодежавый, подтянутый, компетентный, прагматичный, умный, решительный и тяготеющий к политическому центру, одним словом, как невероятно популярный лидер» (хотя и упоминаются в качестве небольших частных деталей в большом потоке весьма лестных пассажей об этом периоде некоторые остающиеся проблемы, которое правительство так и не смогло решить)²⁷.

Исследователи отмечают, что «так как учебники истории являются одним из универсальных факторов политической социализации, через которую проходят все российские школьники, их содержание во многом предопределяет политические воззрения современной российской молодежи». Проведённые ими опросы среди членов таких молодёжных организаций, как «Россия Молодая», «Наши», «Молодая Гвардия» (то есть организаций, ангажированных властью), позволяют с известной долей условности констатировать, что на данный момент устойчивая официальная

интерпретация 1990-х гг. уже сформировалась, и нестандартные трактовки либо исчезли из более поздних изданий, либо исчезли сами учебники, их содержащие²⁸.

Беспокойство вызывает не столько то, что содержание учебников по отечественной истории в 2000-е гг. было определенным образом унифицировано и стандартизировано, сколько акценты и смыслы, события, личности и символы, которые «держатели времени» выдвинули на первый план для легитимации собственного политического режима, так как, согласно Д. Г. Горину, логика такой легитимации следующая: «Для постсоветской России характерно обретение “связи времен” путем обращения к ностальгическим образам. Окружая себя символами прошлого, новая политическая элита пытается обосновать наличие собственного места на “ленте” исторического времени. ... настоящее время утрачивает самостоятельный смысл: оно либо приносится в жертву идеальному будущему, либо вытесняется повторяющимися стереотипами прошлого. Вместе с тем переживание разорванности исторического времени не позволяет создать прочных связей, необходимых для конструирования эволюционного процесса. ... [Более того], выбор удобных контекстов прошлого всегда произволен, и болезненные периоды истории с легкостью вытеснялись из исторического сознания»²⁹.

Подтверждая выводы Е.М. Левинтовой и Дж. Баттерфилда, Д. Г. Горин отмечает, что «в настоящее время из публичного дискурса вытесняется память о перестройке и первом постсоветском десятилетии. Травматичность этих периодов способствует обозначению их как “случайных”, выпадающих из исторической эволюции»³⁰.

Л. Гудков, анализируя данные комплексного социологического исследования исторической памяти россиян, также пришел к выводу, что «аморфность исторических представлений россиян может объясняться не только слабостью символической структуры истории (тем, что общество в принципе не является “хозяйном времени”), но и тем, что мы сталкиваемся с разрывами в самой структуре истории, т. е. идущей сменой хозяев, держателей истории, не законченной к сегодняшнему дню, усиливающейся конкуренцией за право истолкования прошлого»³¹.

Поскольку в качестве ресурса или компенсации на сегодняшний день является советское время как дотравматический период по сравнению с перестройкой и 1990-ми гг., «память о советском» (во всем многообразии ее риторических форм и оценочных акцентов), по мнению И. Калинина и К. Келли, «формирует определенные и при этом конкурирующие традиции, являющиеся неотъемлемой частью современного процесса социальной идентификации на постсоветском пространстве»³². Сегодня в качестве компенсации всё чаще возникают позитивные образы советского общества 1970-х гг.³³

Кроме того, Л. Гудков, как и другие исследователи, отмечает, что «организованной структурой событий прошлого обладают лишь формальные государственные репродуктивные институты (прежде всего – массового среднего образования, затем – пропаганды), адаптирующие доминантную схему “истории великой державы” к актуальным интересам политики и удержания власти действующей группировкой. Базовая конструкция истории в этом плане представляет собой легенду власти, предназначенную главным образом для легитимации господства и поддержания опорных консервативных институтов, блокирующих потенциал структурно-функциональной дифференциации общества. ... В массовом сознании “упаковка” прошлого подчинена стратегии пассивной и вынужденной адаптации к репрессивному государству и внешним переменам»³⁴.

Описанные сюжеты также говорят о чрезвычайной противоречивости между декларируемой со стороны властей целью на построение политической надэтнической общегражданской идентичности современного типа и продуцируемыми в массовое сознание образами-действиями консервативного националистического примордиалистского порядка, не только не укрепляющего горизонтальные связи между представителями различных этнических и религиозных групп, но нарочито противопоставляющих «великую православную Россию» как государство «великого русского народа» всем остальным народам и конфессиям страны, тем самым вместо мостов выстраивая стены.

Важным шагом на пути к формулированию новой политической идентичности и продвижению найденной формулы стали дебаты, дискуссии, круглые столы, конференции, инициированные государством и партией «Единая Россия» и проводимые с участием ведущих экспертов в данной области, политические проекты. К ним можно отнести учреждение в 2008 г. российского общественного формирования – Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Русская нация», не совсем удачный «Русский проект», в конце концов выработавший националистическую модель «русской России» и затем быстро прикрытый, и «Русская матрица. Перегрузка», подкорректировавший понятие «русская нация» в сторону надэтнического, политического характера при трактовке ключевого слова «русские» в качестве этническое большинства и «государствообразующего народа».

Функция этих дебатов, конференций и дискуссий состояла в том, чтобы продемонстрировать дискурсивную солидарность с продвигаемой идеей коллективной идентичности и подтвердить актуальность формулы «общероссийской идентичности» (как государственной, цивилизационной), целью движения было провозглашено «распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России»,

то есть им была отведена роль проводника этой «доктринальной категории» государства и «партии власти». Одновременно ОСОО «Российская нация» организовал издание журнала «Вестник Российской нации», миссия которого – «быть манифестом российской нации, общенациональной дискуссионной площадкой по актуальным вопросам внутренней и внешней политики России», освещающей тематику нациестроительства как специального направления гражданско-государственного действия в сфере идеологии³⁵.

Тем не менее даже в таком ракурсе деятельность государственных и партийных органов власти производится исключительно по логике субъект-объектных отношений, где организацию «гражданской инициативы» в создании российской политической нации взяли на себя федеральная власть и партия «Единая Россия», и ориентиры властного дискурса коллективной идентичности всецело обуславливаются решением актуальных политических задач, диктуются актуальными социальными и геополитическими контекстами, а общество рассматривается исключительно как объект направленного действия по формированию новой политической идентичности.

Неудивительно, что в ходе государственно-партийного продвижения понятия «российская нация», официально трактуемого как «гражданская инициатива», выстраиваются разные способы коммуникации с различными аудиториями. «Для народа» понятие коллективной идентичности трактуется эссенциалистски – как «исторической и сегодняшней реальности» в виде информационно-медийного продукта, готового к потреблению, при этом «обществу» предлагаются практики «демократии участия», управляемые имитационные дискуссии с возможностями для конкурентных высказываний, внесения декоративных поправок и уточнений в понятие «российская нация» и «рассказы о нации». «Для себя» государственная власть принимает конструктивистскую позицию с акцентом на технологиях продвижения сконструированного продукта (как его продвигать, как включать в массовое сознание), где важная роль отводится пропагандистской деятельности идеологических клубов «Единой России» и предполагается активное включение в эту работу бюрократической и интеллектуальной элиты³⁶.

Г. Зверева небезосновательно подчёркивает, что в процессе властного продвижения новой базовой установки «российская нация» она по своему идеологическому наполнению все больше начинает походить на «новую историческую общность – советский народ»³⁷.

Таким образом, вновь прослеживается несогласованность властных и части интеллектуальных элит по отношению к возобновлению функционирования технологии «предписанной идентичности», которая с помощью механизма «метрификации» (не только в качестве паспортизации, но и по более широким основаниям:

этническая принадлежность, вероисповедание, социально-профессиональный статус и т. п., которые официально фиксируются во Всероссийских переписях и статистических сборниках более мелкого порядка, либо так или иначе негласно учитываются в разных субъектах Федерации) позволяет «многообразию» сделать управляемым.

Однако в условиях перехода к демократическому режиму с его ценностями уважения прав и свобод личности (свобода совести, вероисповедания, национального/этнического самоопределения и т. д.) запустить указанную технологию изначально означало бы нарушить данные ценности. Власти выбрали гибкую, но неустойчивую и непродуктивную для формирования надэтнической российской политической идентичности позицию в отношении «политики идентичности»: продуцирование примордиалистского взгляда на идентичность в широкие массы населения через учебную и научно-популярную историческую литературу, телепередачи, дебаты и даже нормативные правовые акты и иные руководящие документы, который в сочетании с (частичной) реализацией мультикультуралистской модели подогревает этноразделительные настроения среди представителей разных народов России, при нескрываемом оставлении за собой права конструировать примордиалистский дискурс для «плебса».

От такой политики выигрывают разве что ярые националисты, для которых «предписанная идентичность» – это возможность чётко очертить рамки «своей» нации. Многочисленные потомки смешанных браков и «советские люди», зачастую не владеющие языком, религией и культурными традициями своей этнической группы, оказываются маргиналами в национализирующемся с новой силой пространстве современной Российской Федерации.

Пробуксовка технологии «предписанной идентичности» из-за разнонаправленности команд «предписывания» ещё больше проявляется в значительно усилившемся с 1990-х гг. «религиозном дискурсе» и попытке властей наряду с национальными (в этническом смысле) основаниями идентичности, ставшими ключевыми в советское время, вернуться к конфессиональным основаниям иерархизации общества, бытовавшими в имперский период. В условиях декларативно заявленного курса на строительство гражданской нации и соответствующей политической идентичности это, безусловно, приводит к недопониманию среди широких слоёв разноконфессионального населения Российской Федерации и рассогласованности приоритетов современной политики.

Наиболее наглядно данное противоречие иллюстрирует политика властей по отношению к православной церкви. Построение надэтнической общности предполагает обеспеченную законом (в первую очередь Основным законом страны – Конституцией) равноудалённость любых религиозных течений и институтов от власти, светский

характер государства. Другими словами, формирование надэтнической общности предполагает, что государство не отдаёт предпочтения каким-либо субидентичностям (в том числе религиозным), утверждая только политическую (в широком смысле) и тем самым обеспечивая равенство всех граждан в их гражданском состоянии.

Тем не менее, несмотря на заявленный курс на строительство «российской нации» в духе конструктивизма – как нации-согражданства в правовом светском государстве, все практики властных и культурных элит чётко указывают на православный вектор их ориентации, на примордиалистский тезис об укоренённости православия в духе русского народа. Политика предпочтений априори препятствует построению правового государства и уж тем более гражданского общества, подчёркивая различия вместо формирования схожести и единства.

С интересующей нас точки зрения важно ответить на два вопроса: 1) почему после нескольких десятилетий угнетения с 1990-х гг. православие вновь обрело актуальность и популярность среди самых широких слоёв населения и 2) каким образом власть пытается использовать эту популярность для утверждения новой политической идентичности под названием «российская нация»?

В европейских исследованиях в области социологии религий последних лет можно выделить две значимые для ответов на поставленные вопросы концепции – концепцию «замещающей религии» (Г. Дэйви, С. Коллинз-Мэйо) и созвучную ей концепцию «гражданской религиозности». Объединяют эти концепции схожие результаты соответствующих исследований, обобщающий смысл выводов которых заключается в том, что «последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределённости культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и во все большей степени содержат “примеси” классических религиозностей. В свою очередь, они все в большей степени участвуют в формировании гражданских религий и религиозностей и начинают все в большей степени играть консолидирующую роль в гражданских обществах. Это проявляется в том, что люди стремятся продемонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения»³⁸.

Подобный феномен наблюдается в современной России. Н. Зоркая отмечает, что «массовое обращение к православию – это проявление не возрождения (утверждения религиозной системы ценностей) или формирования массовой религиозной культуры, а существенной составляющей идентичности постсоветского человека как государственного подданного, но не гражданина в политическом и современном демократическом понимании»³⁹.

Исследовательница подчёркивает, что обращение к православию уже в начале 1990-х гг. «было реакцией на распад государства, задававшего советский тип идентичности и вытеснившего или загнавшего в “политическое подполье” проблемы собственно национальной или этнической идентичности, заменившего ее идеологемами интернационализма и “дружбы народов”, и если у бывших “братских народов” распад Союза сопровождался не только подъемом эмансипационных настроений и консервативных, традиционалистских представлений, а также проблематизацией собственной национальной истории (ее реконструкцией или мифологизацией), то у бывших советских русских это ограничивалось рамками этноконфессиональной идентификации»⁴⁰.

Соответственно, делает вывод исследовательница, для подавляющего большинства русских сегодня «православие выступает как субститут или функциональная замена этнической общности, как феномен редукции сложно или многообразно устроенных прежних идентификационных взаимосвязей и структур к более простым и архаичным»⁴¹.

В сочетании с упоминавшейся выше общей редукцией представлений о власти как со стороны элит, так и простых граждан, уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг., с приходом к власти В. В. Путина и началом построения авторитарного государства, обозначилась тенденция привлечения символического авторитета церкви для легитимации собственной власти, поскольку «православная церковь начала выступать для постсоветского человека как институт, символически репрезентирующий утраченное государственное и “национальное” целое – советский народ, в том числе в его историческом измерении... а православная этноконфессиональная идентификация всё большего числа российских граждан окончательно приобретает черты государственной принадлежности, становится своего рода субститутутом гражданства... замещением прежней государственной атеистической идеологии»⁴².

При этом весьма показательно, что, как отмечает Н. Зоркая, сегодня доля православных в российском обществе почти равна доле русских в населении и доле тех, кто поддерживает утвердившийся в стране политический режим, но при этом рост православной идентификации в обществе не сопровождается ростом религиозной веры: лишь одна десятая называющих себя «православными» (73%) посещают церковные службы хотя бы раз в месяц. Половина называющих себя сегодня православными бывают на службах крайне редко или вообще никогда. По данным за 2009 г., причащался «хотя бы один-два раза в год ... только каждый десятый православный», что согласно принятому представлению о «признаках» воцерковленности православного, когда причащавшийся реже, чем раз в год, считался «отпавшим от церкви», говорит о том, что сегодня 81% называющих себя

православными существуют вне церкви, вообще не связывают свое «православие» с церковью⁴³.

В российских реалиях очень ярко проявляется симбиоз «замещающей религии» и «гражданской религиозности», когда служители церкви и 2–3% истинно верующих и воцерковлённых выполняют своеобразную социальную роль «веры за других» и соответствующие замещающие практики: церковь и церковные лидеры исполняют ритуалы от имени других лиц; церковные лидеры и активные христиане верят в пользу (от имени) других; церковные лидеры и активные христиане воплощают нравственные нормы во благо (от имени) других лиц; церкви предлагают места для «замещающего» обсуждения нерешенных социальных проблем (например, гомосексуализма, эвтаназии, клонирования и проч.)⁴⁴.

Подобное «замещающее» и высокое «гражданское» звучание православия для русского населения, как мы видим из представленных данных, ложно принимается государством за высокий политический авторитет и роль в жизни общества института церкви. И вовсе не учитывается выявленная немецким социологом Р. Норри закономерность: «Чем более независима от государства позиция церкви (как религиозного института), тем в меньшей степени она оказывает влияние на религиозные убеждения и религиозную практику. Причем отсутствие предпочтений по отношению к определенной религии способствует развитию “менее самодовольных”, но более жизненно важных для общества религий»⁴⁵.

Исходя из этого, деятельность власти по политизации церкви в её, власти, интересах и привлечение символического капитала церкви к легитимации существующего режима – то есть сокращение дистанции между церковью и государством, вполне очевидно говорит не о желании способствовать действительному духовному православному возрождению русского населения и даже не о принесении пользы самой церкви⁴⁶, а о сиоминутных и эгоистических интересах политических элит, её тактических целях. Помимо уже указанных выше негативных последствий, в стратегическом плане это приводит к ослаблению позиций РПЦ в обществе на фоне более дистанцированных от политики и власти, следовательно, «более жизненно важных для общества» религий.

Таким образом, с технологической точки зрения мы можем констатировать, что на стыке технологий «направленной социализации» и «предписанной идентичности» государство пытается использовать в качестве одного из важнейших инструментов формирования политической российской идентичности институт церкви, вкладывая значительные ресурсы не только в улучшение «материально-технического» состояния данного «инструмента» (реставрация и строительство церквей, выделение в качестве пожертвований значительных денежных средств, предоставление эфира на государственных кана-

лах, обеспечение новых дисциплин, касающихся основ православия, полным учебно-методическим комплексом и т. д.), но и в «обслуживающий персонал» (оплачиваемые за счёт бюджета курсы повышения квалификации для школьных учителей, выделение фонда оплаты труда на преподавание новой дисциплины – «Основы православия» – в вузах, подготовка соответствующих методических кадров и т. д.).

Поскольку вложенные в конструирование «машин» под названием «политическая идентичность» ресурсы со временем могут обрести собственные источники воспроизводства, гипотетическая проекция существующих этноконфессиональных смыслов бренда «православие» в будущее позволяет нам сделать вывод, что скорее всего это приведёт к активизации и поощрению русского национализма в этническом смысле, а очерчивание декларируемого проекта общегражданской надэтнической политической «российской нации» как нации всех народов и религий, живущих в России, православными границами породит встречный всплеск этнического и религиозного национализма.

Власти не должны забывать, что, несмотря на монополизацию всей субъектной сферы деятельности процесса социализации (в т.ч. политической социализации) и отношение к обществу в целом и отдельному человеку в частности как к пассивному объекту направленной деятельности, социализация не перестаёт характеризоваться как «процесс обоюдоострый, активный с обеих сторон: и обучаемой, и наставляющей, – которые подвержены взаимному влиянию... Любой общественный запрет или правило усваиваются и воплощаются на практике конкретным, не похожим на всех остальных, человеком. Ролевая униформа, выданная ему обществом в соответствии с исполняемыми задачами, статусом и рассчитанная на некоторую идеальную, типовую фигуру, все равно приобретает формы и пропорции ее владельца»⁴⁷.

Соответственно, для успешности формирования новой политической идентичности воздействовать надо не только на коллективный уровень идентичности, но и на индивидуальный/групповой, иницируя точечные горизонтальные связи между представителями различных групп (этнических, религиозных, языковых и пр.), в результате которых постепенно, «снизу» и будут формироваться элементы искомой «надэтнической» общности, в той особенной оболочке, которая характерна для каждой отдельной местности.

Кроме того, необходимо не только выстраивать однонаправленные отношения сверху вниз «власть – общество», обезличивая общество до «аморфной массы», но и поощрять обратную связь, диалог между властью и обществом (как на общегосударственном, так и на региональном и локальном уровнях) для проведения своевременной коррекции используемых технологий, запускаемых механизмов и вкладываемых ресурсов.

На данный момент можно констатировать, что поиски оптимальной модели «внутренней геополитики» современными правящими российскими элитами характеризуются:

высокой степенью противоречивости и непоследовательности;

фрагментарностью (отсутствием комплексности) в использовании технологий формирования политической идентичности;

нацеленностью на решение собственных актуальных политических задач, а не на перспективу выстраивания консенсусного правового, административного, культурного и т. п. поля взаимодействия граждан Российской Федерации разного этнического происхождения;

невыработанностью единой стратегии оснований «политики идентичности» (примордиализм – конструктивизм).

Всё это приводит к активизации не консолидирующих, а дифференцирующих процессов и затрудняет формирование российской надэтнической политической идентичности.

Впрочем, как показывают политическая теория и историческая практика, формирование политической идентичности – это долгий процесс, должный последовательно охватить не менее трёх сменяющих друг друга и накладывающихся друг на друга поколений⁴⁸, чтобы обрести некую «осязаемость» и собственную ресурсность, как это было в Советском Союзе.

Желание «получить всё и сразу», нетерпеливость властных и интеллектуальных элит, побуждающих такую же нетерпеливость в широких слоях населения, способствуют только противоречивости и непоследовательности в реализации технологий формирования российской политической идентичности, в силу этого – неудовлетворённости текущими результатами и эффектами, производимыми государственной «политикой идентичности».

Примечания

- ¹ Авторскую трактовку технологий формирования политической идентичности см.: *Зевако Ю. В.* Государственное строительство и политизация этничности в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С. 102–105; *Он же.* Технологии конструирования политической идентичности в полиэтнической среде Российской империи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология, вып. 1. С. 116–120.
- ² См.: *Зевако Ю. В.* Ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства // Политические проблемы современного общества : сб. науч. ст. Саратов, 2012. Вып. 17. С. 58–77.
- ³ См.: *Кустарев А.* Реорганизация советского пространства // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/k1-pr.html> (дата обращения : 25.06.2012).

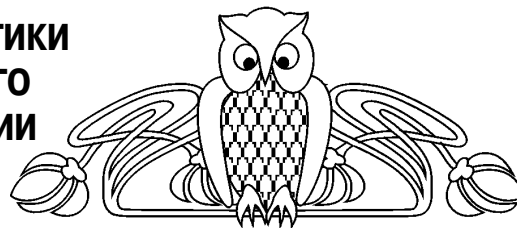
- ⁴ *Зверева Г.* Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестн. общественного мнения. 2009. № 1 (99). С. 72.
- ⁵ *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть II) // Вестн. общественного мнения. 2010. № 2(104). С. 13–14.
- ⁶ См.: *Качанов Ю. Л.* Опыты о поле политики. М., 1994. С. 115–116.
- ⁷ См.: *Колочарова Е.* Политическая идентичность в социологическом измерении // Вестн. общественного мнения. 2010. № 1. С. 49–50.
- ⁸ *Даровских О. В.* Феномен этнического самосознания молодёжи // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Минск, 2004. С. 23.
- ⁹ Там же. С. 452–453.
- ¹⁰ См.: *Руткаускайте М. В.* Формирование политической идентичности молодежи посредством направленной политической социализации // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. Политология. 2011. № 3(15). С. 19–28.
- ¹¹ Там же. С. 19–20.
- ¹² См.: *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
- ¹³ *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 113.
- ¹⁴ См.: *Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж.* Как формируется история и отношение к ней : школьные учебники о новейшей Отечественной истории // Вестн. общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 104–105.
- ¹⁵ См.: *Зверева Г.* Как «нас» теперь называть?... С. 72–85.
- ¹⁶ *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестн. общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 90.
- ¹⁷ «Социальное время – порядок, последовательность социальных действий индивида, ожидаемая или предполагаемая частота повторения взаимодействий индивида с другими акторами, чья принадлежность к определенным социальным группам или к социальным институтам оказывается значимой для самой этой последовательности действий», то есть время реальности, время повседневных действий и обыденности (*Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть I). С. 84).
- ¹⁸ Там же. С. 90–91.
- ¹⁹ *Горин Д. Г.* По ту сторону «принципа истории» : об одной особенности исторического самосознания // Неприкосновенный запас. 2009. № 6(68). URL: <http://magazine/russ.ru/nz/2009/6/go13/html> (дата обращения: 17.10.2012).
- ²⁰ *Зверева Г.* Конструирование культурной памяти : «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое лит. обозрение. 2005. № 74. URL: <http://magazine/russ.ru/nlo/2005/74/vz6/html> (дата обращения: 25.05.2012).
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: *Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж.* Указ соч. С. 103–115.

- ²⁶ Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж. Указ соч. С. 106.
²⁷ Там же. С. 113–114.
²⁸ Там же. С. 115.
²⁹ Горин Д. Г. Указ. соч.
³⁰ Там же.
³¹ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть I). С. 99
³² Калнин И., Келли К. Советская память / память о советском // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1-pr.html> (дата обращения: 25.05.2012).
³³ См. журнал «Неприкосновенный запас» № 2 (52) за 2007 г. под общей темой «Длинные 1970-е : советское общество в 1968–1982 годы» и № 2(64) за 2009 г. под общей темой «Советское прошлое : между политикой памяти и реальной политикой».
³⁴ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть II). С. 61.
³⁵ См.: Зверева Г. Как «нас» теперь называть?... С. 75–81.
³⁶ Там же. С. 84–85.
³⁷ Там же. С. 72.
³⁸ Каргина И. Г. Новые религиозности : социологические рефлексии // Вестн. МГИМО(У). 2012. № 2. С. 190.
³⁹ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестн. общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 65.
⁴⁰ Там же. С. 68.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. С. 69.
⁴³ Там же. С. 69–79.
⁴⁴ См.: Каргина И. Г. Указ. соч. С. 190.
⁴⁵ Цит. по: Там же.
⁴⁶ Н. Зоркая отмечает, что «большинство опрошенных в 2008 г. (63%) хотели бы жить в стране, где отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», а не в государстве, в котором «религия играет важную роль в политике» (Зоркая Н. Указ. соч. С. 81).
⁴⁷ Кравченко Е. И. Теория социального действия : от Макса Вебера к феноменологам // Социол. журнал. 2001. № 3. С. 121.
⁴⁸ См.: Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России : Соотношение этнического и национального. М., 2010. С. 95–105.

УДК 32.01

РОСТ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ОТ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМОГО И СИТУАЦИОННОГО УРОВНЕЙ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию характеристик массового сознания в различных моделях политизации общественных отношений. Автор показывает ограниченность понимания политизации массового сознания – только как следствия социальной нестабильности. В работе раскрывается понятие «ситуационный уровень политизации общественных отношений», на котором рост социальных ожиданий от политики представляется результатом применения политических технологий.

Ключевые слова: политизация, массовое сознание.

Growth Social Expectations of Policy as a Basis for Forming System and Situational Politicization of Public Relations

M. V. Danilov

The article studies the characteristics of the mass consciousness in the various models of politicization of public relations. The author shows limited understanding of the politicization of the mass consciousness only as a consequence of social instability. The notion of a situational level of politicization of social relations in which the growth of social expectations of the policy is the result of political technologies.

Key words: politicization, mass consciousness.

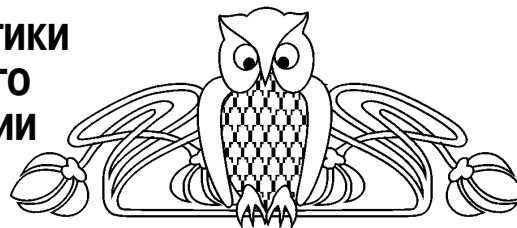
Политическое развитие общества – это, прежде всего, расширение границ политики, выведение ее сначала за рамки государственных, а затем классовых интересов. Уровень модернизированности существующих ныне социумов мы чаще всего оцениваем по степени открытости, прозрачности границ между социальными подсистемами. Связь политического с неполитическим существует в сознании индивида и проявляется в виде политизации индивидуального и массового сознания. В нашей стране интерес к проблемам политизации массового сознания пробудился в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это было эпохой массового политического романтизма. Граждане почувствовали, что отчужденность от реальной власти, от участия в выработке государственных решений может быть преодолена в исторически сжатые сроки. Интенсивность социальных, экономических и политических преобразований заставляла практически все население страны становиться участниками происходящих событий, трансформируя не только модели поведения, выработанные за годы советской власти, но и меняя характеристики политического мышления.

- ²⁶ Левинтова Е. М., Баттерфилд Дж. Указ соч. С. 106.
²⁷ Там же. С. 113–114.
²⁸ Там же. С. 115.
²⁹ Горин Д. Г. Указ. соч.
³⁰ Там же.
³¹ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть I). С. 99
³² Калнин И., Келли К. Советская память / память о советском // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1-pr.html> (дата обращения: 25.05.2012).
³³ См. журнал «Неприкосновенный запас» № 2 (52) за 2007 г. под общей темой «Длинные 1970-е : советское общество в 1968–1982 годы» и № 2(64) за 2009 г. под общей темой «Советское прошлое : между политикой памяти и реальной политикой».
³⁴ Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть II). С. 61.
³⁵ См.: Зверева Г. Как «нас» теперь называть?... С. 75–81.
³⁶ Там же. С. 84–85.
³⁷ Там же. С. 72.
³⁸ Каргина И. Г. Новые религиозности : социологические рефлексии // Вестн. МГИМО(У). 2012. № 2. С. 190.
³⁹ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестн. общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 65.
⁴⁰ Там же. С. 68.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. С. 69.
⁴³ Там же. С. 69–79.
⁴⁴ См.: Каргина И. Г. Указ. соч. С. 190.
⁴⁵ Цит. по: Там же.
⁴⁶ Н. Зоркая отмечает, что «большинство опрошенных в 2008 г. (63%) хотели бы жить в стране, где отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», а не в государстве, в котором «религия играет важную роль в политике» (Зоркая Н. Указ. соч. С. 81).
⁴⁷ Кравченко Е. И. Теория социального действия : от Макса Вебера к феноменологам // Социол. журнал. 2001. № 3. С. 121.
⁴⁸ См.: Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России : Соотношение этнического и национального. М., 2010. С. 95–105.

УДК 32.01

РОСТ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ОТ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМНОГО И СИТУАЦИОННОГО УРОВНЕЙ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию характеристик массового сознания в различных моделях политизации общественных отношений. Автор показывает ограниченность понимания политизации массового сознания – только как следствия социальной нестабильности. В работе раскрывается понятие «ситуационный уровень политизации общественных отношений», на котором рост социальных ожиданий от политики представляется результатом применения политических технологий.

Ключевые слова: политизация, массовое сознание.

Growth Social Expectations of Policy as a Basis for Forming System and Situational Politicization of Public Relations

M. V. Danilov

The article studies the characteristics of the mass consciousness in the various models of politicization of public relations. The author shows limited understanding of the politicization of the mass consciousness only as a consequence of social instability. The notion of a situational level of politicization of social relations in which the growth of social expectations of the policy is the result of political technologies.

Key words: politicization, mass consciousness.

Политическое развитие общества – это, прежде всего, расширение границ политики, выведение ее сначала за рамки государственных, а затем классовых интересов. Уровень модернизированности существующих ныне социумов мы чаще всего оцениваем по степени открытости, прозрачности границ между социальными подсистемами. Связь политического с неполитическим существует в сознании индивида и проявляется в виде политизации индивидуального и массового сознания. В нашей стране интерес к проблемам политизации массового сознания пробудился в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это было эпохой массового политического романтизма. Граждане почувствовали, что отчужденность от реальной власти, от участия в выработке государственных решений может быть преодолена в исторически сжатые сроки. Интенсивность социальных, экономических и политических преобразований заставляла практически все население страны становиться участниками происходящих событий, трансформируя не только модели поведения, выработанные за годы советской власти, но и меняя характеристики политического мышления.

В отечественном обществоведении политизацию массового сознания принято оценивать негативно. Подобная оценка связана с убеждением, что политизация сознания является деформацией «нормы», искажением обычного, правильного восприятия действительности вследствие каких-либо политических катаклизмов. В качестве примера такого рода анализа стоит привести диссертационную работу Т. Л. Грациановой¹. Защищенная в чрезвычайно сложное для страны время, в 1992 г., она имела весьма характерное название «Политизация массового сознания как фактор социальной напряженности». Позволим себе довольно объемное цитирование данной работы, поскольку она представляет собой концентрированное выражение мнений сторонников негативного восприятия политизации, с чем мы категорически не согласны.

Т. Л. Грацианова пишет: «Перестройка и послеперестроечный период наметили глубокие изменения в массовом сознании и поведении людей, заставили по-новому оценить сложные процессы политизации. Ныне мы являемся свидетелями притока в политику больших масс людей с нетрадиционными формами деятельности, зачастую не согласующимися с уровнем политического сознания и политической культуры, с высокой степенью накала политических эмоций и страстей, политизацией всех сфер общественной жизни. Все это приводит к возникновению избыточной политизации, ведущей к росту социальной напряженности в обществе. Поэтому возникает вопрос о необходимости переосмысления феномена политизации, установления меры, границ и последствий ее, а также направления политической активности в русло созидательных изменений общества»². В приведенной цитате обращает на себя внимание оборот «избыточная политизация», которая и является причиной социальной напряженности. Заметим, что, во-первых, весьма спорным кажется утверждение, что политизация сознания ведет к напряженности в обществе. По нашему мнению, скорее общая нестабильность социальных отношений стихийно политизирует и индивидуальное, и, как следствие, массовое сознание. Во-вторых, где, кем и как устанавливается мера избыточности? Кто тот субъект, который обладает полномочиями по регулированию допустимого уровня присутствия политики в умах и настроениях обывателей? В-третьих, совершенно справедливая постановка задачи по переосмыслению феномена политизации объясняется весьма туманными и идеалистическими намерениями направить активность людей в некое «русло созидательных изменений». От себя заметим, что созидательные изменения в политике – абсолютно субъективные явления, что для одного актора – созидание, то для другого – деградация.

Приведенная выше цитата весьма точно отражает отношение к политике в обществах, «измученных» переменами. И с позиции гражданского

пафоса оно вполне допустимо. Понимание политизации массового сознания только как гипертрофированного и болезненного интереса к политике имеет право на существование, однако конкретные критерии избыточности вряд ли могут быть сформулированы. Это весьма важно, поскольку политизация в высшей своей точке предполагает готовность человека отказаться ради политических целей от конкретных благ материального и нематериального плана, основным из которых является стабильность. А вот фиксация той грани, за которой наступает этот переход от рациональности к иррациональности или к суперрациональности (когда выгоды от возможных потрясений превзойдут имеющиеся сегодня), представляется важной не только теоретической, но и практической задачей. В связи с этим подобный подход к участию в политике в силу своей догматичности также не вызывает поддержки.

Отказ политике в возможности служить эффективным средством решения экономических, социальных, национальных, культурных, правовых, конфессиональных проблем выглядит более чем наивным. Мы придерживаемся позиции, что и на уровне больших исторических сдвигов (органическая политизация), и на уровне конкретных процессов (технологическая политизация) придание политического статуса проблемам позволяет их решить со значительной экономией временных, материальных, человеческих и прочих ресурсов. Более того, только задействование политических механизмов позволяет рассчитывать на резонансный эффект в решении неполитических проблем. В целом политизация массового сознания традиционно рассматривается достаточно однобоко, лишь как характеристика системного уровня политики. Вместе с тем было бы правильно анализировать ее и на уровне конкретных политических ситуаций, сквозь призму деятельности конкретных политических акторов. В таком случае политизация массового сознания очищается от негативных коннотаций и становится необходимым атрибутом решения стоящих перед политическим субъектом проблем.

Крайние, экстремальные точки политизации массового сознания, а следовательно, и общества в целом, во многом детерминируются теми целями, которые формулируют перед собой в эксплицитном или имплицитном виде те акторы, которые решаются задействовать механизмы актуализации политического. Как нам представляется, в подавляющем количестве случаев мы имеем дело с двумя группами целей: во-первых, достижение контроля над политической системой или ее частью; во-вторых, достижение контроля над иными социальными системами посредством давления на них политической системы. В прикладной плоскости эти цели могут быть переформулированы следующим образом: массовое сознание политизируется в том случае, если необходимо получить дополнительные преимущества в борьбе за власть,

либо тогда, когда реальные внеполитические цели (экономические, репутационные, культурные, бытовые, этноконфессиональные и пр.) маскируются политической риторикой.

Феномен политизации массового сознания может быть лучше понят, если учитывать то обстоятельство, что русское понятие «политика» вбирает в себя весь смысл англоязычных «politics» и «policy». Иными словами, отечественная традиция под политикой понимает не только действия, направленные на достижение власти («politics»), но и административные усилия различных органов власти в той или иной сфере («policy»). Под политизацией массового сознания следует понимать в данном случае перенос центра тяжести социальных ожиданий со второго понятия на первое. Таким образом, рост социальных ожиданий от политики является следствием падения социальных ожиданий от государственного управления. Напротив, чем более эффективно государственное управление, тем менее политизировано массовое сознание.

В новейшей российской истории эта корреляция прослеживается достаточно четко. В конце 1980-х гг. стала очевидной несостоятельность советской партийно-бюрократической модели администрирования. В эти же годы случился первый расцвет политического плюрализма, появились новые политические термины «перестройка» и «гласность», произошел рост неформального политического движения, советская пресса начала избавляться от гнета цензуры; отсюда берет начало отечественная многопартийность. Надежды граждан на решение накопившихся проблем в экономике, социальной сфере, национальных отношениях были связаны не со штатными методами государственной экономической, социальной, национальной или какой-либо еще политики, а с применением экстраординарного инструментария политики как борьбы за власть. Так называемая стабилизация 2000-х гг. в практической плоскости ознаменовалась повышением эффективности именно различного рода государственных политик. Во многом благодаря улучшившейся конъюнктуре мировых цен на нефть российскому правительству удавалось решать большинство проблем в рабочем режиме, не позволяя им политизироваться, а любые поползновения на высшую власть рассматривались как «раскачивание лодки», покушение на стабильность и угроза достигнутому уровню социальных гарантий. Новый виток политизации массового сознания 2011–2012 гг. стал следствием исчерпанности арсенала административных средств.

Осуществив декомпозицию политизации как технологии управления общественными отношениями на две основные составляющие, связанные с политическим участием и включением в политическую повестку дня новых проблем, возможно выделить ряд моделей политизации общества. Мы исходим из того, что модели политизации опреде-

ляются различными сочетаниями вариаций двух факторов: плюралистичность и радикальность повестки дня и интенсивность политического участия. Разнообразие моделей политизации определяется также и уровнем, на котором происходит их реализация. Можно выделить как минимум два уровня: системный и ситуационный. На системном уровне политизация приобретает черты органического, естественного процесса. Здесь мы имеем дело с масштабными характеристиками значимости политики для целого общества или значительных его сегментов. На ситуационном уровне технологичность политизации выглядит более рельефной, поскольку связана с конкретными проблемами и конкретными субъектами этих проблем.

На системном уровне плюралистичность повестки дня разворачивается в континууме от политической монополии на информацию, свойственной для тоталитарных обществ, до крайней поляризации и свободного артикулирования мнений в обществах, находящихся в стадии выбора стратегического пути развития. Политическое участие может проявляться в таких крайних формах, как политическая бездеятельность основной массы населения, что характерно, например, для султанистских режимов в типологии Х. Линца³, или сверхмобилизованность, свойственная тоталитарным режимам.

В соответствии с указанными параметрами модели политизации общественных отношений на системном уровне могут быть охарактеризованы следующим образом. *Гиперполитизации общества*, ставящей его на грань революционных преобразований, свойственна нестабильность властного дискурса, что объясняется попытками элиты найти популярные в общественном мнении темы и опереться на господствующие тренды массового сознания. Однако власть, как правило, проигрывает в этом отношении конкурентную борьбу системной и несистемной оппозиции, которая значительно более свободна в выборе тем для политизации. Средства массовой информации начинают играть роль, выражаясь словами В. И. Ленина, не только «агитатора и пропагандиста, но также и массового организатора»⁴. Уровень массового политического участия, прежде всего электорального, достаточно высок, так как интерес к политике у граждан подогревается неопределенностью итогов политических процессов. Участие в работе политических партий, равно как и в политизированных гражданских структурах, представляется важной деятельностью.

Противоположность гиперполитизации – *деполитизация общественных отношений* – характеризуется деградацией всех сторон политики. Сама политика начинает восприниматься в массовом сознании как сфера, отвлекающая дефицитные ресурсы социума от решения насущных проблем, а политическая деятельность – как занятие недостойное или бессмысленное. Поли-

тическая повестка дня крайне скудна по набору тем и стабильна во времени, отсутствует какая бы то ни было конкурентность в процессе ее формирования, политические партии и непартийные политические структуры, если и существуют формально, на практике воспроизводят повестку дня, согласующуюся с властным дискурсом. Политическое поведение минимизировано и неодобряемо, рассматривается как покушение на стабильность режима и угроза решению насущных социальных и экономических проблем.

Политизация чувств – одна из абстрактных моделей политизации общества, выделенных нами, при которой происходит интровертная актуализация политического в сознании людей при отсутствии институциональных возможностей трансформировать политические потенции в реальные действия. Главную роль в этом процессе играет рост радикальности повестки дня, связанный с наличием альтернативных власти центров ее формирования. Эти центры могут находиться внутри национальных политических систем и опираться, например, на церковь, университеты, этнические сообщества, но могут располагаться и за пределами суверенных государств. Активное развитие электронных средств массовой информации, особенно спутникового телевидения и Интернета, значительно облегчило технологии политизации массового сознания даже в относительно закрытых социумах.

Политизация действий – модель, которая в чистом виде встречается в недемократических режимах тоталитарного толка. Ее главной особенностью является мобилизационный характер политического поведения, которое служит средством демонстрации легитимности режима. Как правило, при такой модели создается большое количество институциональных возможностей участия в общественных делах: молодежных, женских, творческих, профессиональных и прочих структур. Их задача состоит в канализации энергии масс в заранее одобренное русло. Они несамостоятельны в выборе целей и средств своей деятельности. Повестка дня в подобных условиях формируется властью, исключаются всякие попытки альтернативной актуализации политического. Следовательно, и политическое поведение имеет не конкурентный, а монополистический характер.

Выделенные модели в условиях реальной политической практики почти не встречаются (за небольшим исключением). Как правило, мы имеем дело с некоторым смещением пропорций. Тем не менее ценность подобного теоретического моделирования состоит в том, что позволяет с достаточной степенью надежности прогнозировать результаты, к которым может привести радикальное изменение модельных пропорций. Элита, желающая использовать политические ресурсы для достижения своих целей, но при этом не допустить революционного развития

ситуации должна исключать возможность одновременной радикализации политической повестки и неконтролируемого роста возможностей для политического участия.

Ситуационный уровень политизации общественных отношений связан с конкретными проблемами и интересами реальных политических акторов. Поэтому эффективность политизации конкретной ситуации зависит от того, насколько значительной будет группа сторонников политического сценария решения неполитических вопросов. В основе ситуационного анализа политизации может лежать та же схема, что была нами использована при определении моделей политизации на системном уровне: параметрами выделения типов субъектов, участвующих в политизации конкретной ситуации, являются способность к восприятию политической информации, в том числе альтернативной, а также готовность принимать участие в реальной политической деятельности. В результате можно выделить ряд типов участников процессов политизации общественных отношений.

Политизаторы – это непосредственные инициаторы, вдохновители и руководители процесса перевода неполитической ситуации в политическую плоскость. Это люди или группы людей с рациональными представлениями о целях и средствах своей деятельности. Такие акторы обладают весьма развитой картиной мира, в которую входят разнообразные вопросы из конкурирующих повесток дня, что обеспечивает им понимание взаимосвязи неполитических сфер с политикой. Кроме того, политизаторы обладают достаточной энергией и способностями проводить свои интересы в жизнь практически. Их отличает готовность рационально соотносить выгоды и издержки задействования механизмов политизации, тратить необходимые ресурсы для актуализации в различных повестках дня своих интересов, а также прикладывать организационные усилия по вовлечению граждан в политический процесс. Действия политизаторов могут иметь как публичный, так и непубличный характер. В случае публичной активности они могут выступать в качестве политиков и лидеров общественного мнения, в иных ситуациях их деятельность похожа скорее на лоббистскую.

Интеллектуалы – в данном случае это те, для кого политика как сфера общественной жизни представляет профессиональный или какой-либо иной интерес. Однако понимание в политике для них не сопровождается появлением собственных рациональных интересов, являющихся мотивами к действиям. Это могут быть ученые, преподаватели учебных заведений, журналисты, представители иных профессий. Они читают общественно-политические газеты, смотрят соответствующие передачи, являются потребителями политического контента в Интернете. Такие граждане достаточно четко осознают роль политики в обществе и ее

взаимосвязь с иными социальными подсистемами. Их картина мира не менее развита, чем у политизаторов, они так же хорошо ориентируются в конкурирующих повестках дня, но их знания о политике не рожают действия в политике. Вместе с тем интеллектуалы создают тот духовный контекст, в котором только и возможен перевод неполитических отношений в политические.

Если интеллектуалы – мозг процесса политизации общественных отношений, то *активисты* – его «ноги». Активистов отличает достаточно высокая степень интенсивности политического участия при одновременной скудости личной политической повестки дня. Как правило, они идеологически или финансово ангажированы какой-либо политической силой и используются ею в качестве массовки в ходе различных мероприятий. Для этой группы граждан характерны сильная заражаемость идеями и (довольно часто) агрессивность по отношению к политическим оппонентам. Некритичность в восприятии действительности делает активистов удобным инструментом в руках политизаторов. Они с энтузиазмом готовы откликнуться на внешнее воздействие и перевести в практическую политическую плоскость фактически любой неполитический феномен.

Наконец, *обыватели* – это основная масса граждан, достаточно далекая от политики. Они не имеют никаких рациональных интересов в политическом процессе, следят за ним от случая к случаю, не обладают глубоким пониманием смысла происходящих событий. Политика для них представляет собой скорее спектакль, отрывки из которого ежевечерне показывают в выпусках новостей. При этом по самоощущениям такие граждане могут считаться достаточно сведущими в политике, не отдавая себе отчета в том, что их картина политического целиком и полностью сформирована извне, а сами они являются всего лишь объектом манипуляций. Крайне низок у обывателей и уровень политического участия, в лучшем случае они ходят на выборы. Тем не менее обыватели чрезвычайно важны для политизации общественных отношений. При их молчаливом согласии политика обогащается новыми сюжетами, извлекаются материальные, человеческие и прочие ресурсы социума для борьбы за власть.

Характеристика моделей политизации на системном и типов акторов на ситуационном уровнях дает возможность зафиксировать их основные отличия. Несомненным является то, что системный уровень представляет собой равнодействующую всех конкретных ситуаций политизации общественных отношений в совокупности с теми синергетическими эффектами, которые рождаются в их результате. Системность проявляется в том, что мы имеем дело не с банальной суммой си-

туаций, но еще и с системным качеством, которое не свойственно ни одной из ситуаций. Системное качество и определяет в конечном итоге тот тип политизации общественных отношений, который складывается в социуме.

На системном уровне, в отличие от ситуационного, нет конкретных субъектов, заинтересованных в реализации того или иного сценария перевода неполитических отношений в политические. Именно это обстоятельство и определяет стихийность системного уровня политизации. Интересы конкретных акторов проявляются на ситуационном уровне. Системный уровень скорее связан с органическим пониманием политизации, а ситуационный с ее технологическим измерением. В силу этого последствия политизации на системном уровне носят фундаментальный характер и затрагивают все общество. Политизация на ситуационном уровне носит дискретный характер, имеет свое начало и конец, географические, информационные и прочие фреймы, а ее акторы могут быть охарактеризованы с помощью методики ситуационного анализа, то есть через выделение их ресурсной базы, типичных для них тактик, отношений друг с другом и т. д.

Одно из фундаментальных отличий политизации на системном и ситуационном уровнях состоит в отношении к этим процессам со стороны самого общества, его отдельных групп и конкретных индивидов. Политизация на системном уровне воспринимается как угроза, потому что в своем пределе предполагает политическую революцию с глобальным переустройством всех сторон жизни, на ситуационном же уровне – скорее как возможность, как средство решения острых проблем, не находящихся своего решения в рамках традиционных технологий. Двойственность эффектов политизации, восприятие ее и как возможности, и как угрозы существует в сознании рефлексирующего субъекта одновременно. Человек может резко отрицательно относиться к политике и политикам, но при этом искать с их помощью решения своих бытовых и прочих проблем. В этом противоречии лежит основная причина негативного отношения к политике вообще и желания использовать ее ресурсы в частности.

Примечания

- ¹ См.: Грацианова Т. Л. Политизация массового сознания как фактор социальной напряженности : дис. ... канд. филос. наук. М., 1992.
- ² Там же. С. 4.
- ³ См.: Политология : учебник. М., 2004. С. 135.
- ⁴ Ленин В. И. С чего начать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. Т. 55. С. 11.

УДК 316.334.3+366.636

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются основные подходы к анализу концепций политической модернизации в современной российской политической науке в контексте исследования места и роли социокультурного фактора в ее проведении. Автор обосновывает необходимость отказа от универсалистского понимания концепта политической модернизации и объективную потребность в разработке специфической российской модели преобразований, адекватной специфическим социокультурным и социально-экономическим условиям России.

Ключевые слова: политическая культура, политическая модернизация, концепции политической модернизации, социокультурный фактор модернизации.

Political and Cultural Context of Concept of Political Modernization in Russian Science

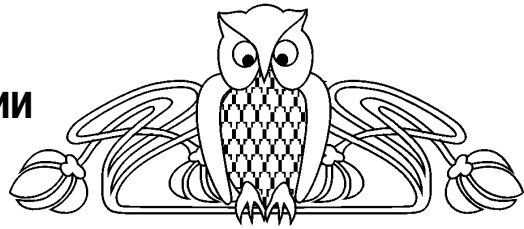
V. A. Zimin

The article discusses main approaches to analysis of concepts of political modernization in modern Russian political science in the context of study of place and role of sociocultural factor in its conducting. Author justifies the necessity of abandoning the universalistic understanding of the concept of political modernization and justifies objective need in development of specific Russian model of transformations, which will be adequate to sociocultural and socioeconomic conditions of Russia.

Key words: political culture, political modernization, concepts of the political modernization, sociocultural factor of modernization.

Среди российских политологов нет единства в понимании роли социокультурного фактора в модернизационных процессах. Гораздо больше единодушия в понимании особой значимости властной инициативы в их проведении. По мнению известного российского политолога В. И. Пантина, для России характерна особая, «не сравнимая с другими странами и цивилизациями роль государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизированного процесса на всех его стадиях»¹.

Одним из российских исследователей, изучающих взаимосвязь социокультурных особенностей российской модернизации, является С. Н. Гавров. В своей монографии автор рассмотрел исторический процесс российской модернизации и пришел к выводу о наличии определенной цикличности в чередовании имперской и либеральной моделей модернизации, в котором имперская модель является доминантной, а либеральная лишь до-

полнительной, компенсационной. Результатом реализации такой модели российской модернизации является не столько вхождение России в модерн, сколько укрепление феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы. Главная проблема, по мнению автора, заключается в том, что модернизация во имя укрепления империи приводит к перераспределению жизненной энергии человека из сферы повседневности в сферу светских или религиозных мегапроектов, создает мир, где человек – лишь подручное средство, а укрепление империи – великая цель².

Как представляется, такие интерпретации циклической модели модернизации оторваны от конкретно-исторических внутренних политических и социально-экономических обстоятельств и внешнеполитических условий их проведения. С этим связана и определенная абстрактность основных предложений С. Н. Гаврова по выходу из замкнутого круга имперской модели модернизации. Важнейшей задачей, по его мнению, является изменение отношения к частной собственности в политической культуре современной России. Однако, на наш взгляд, наибольшим препятствием на пути решения данной проблемы выступает не ментальное неприятие россиянами частной собственности вообще, а именно характер проведенной в начале 1990-х гг. приватизации. О том, что она носила несправедливый и нерациональный даже с экономической точки зрения характер, сегодня говорят многие исследователи.

Именно поэтому новые российские олигархи и вывозили капиталы за рубеж и получали двойное гражданство. Подсознательно они сами понимали, что этот грабительский процесс может в любую минуту прекратиться в результате социального конфликта со стороны большинства населения, возмущенного грабительскими результатами проведенной приватизации.

Интересная точка зрения на особенности политической культуры современной России в контексте перспектив модернизации представлена в монографии «Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология». Исследуя варианты «неизбежной грядущей восстановительной властно-управленческой трансформации России» на основе исторического моделирования и компаративистики, авторы рассмотрели четыре сценария перехода: «революция», «дворцовый переворот», «демократический переход», «цезарианская трансформация». На основе анализа наименьших

издержек и диагностирования стартовых условий они пришли к выводу о наибольшей предпочтительности цезарианской модели трансформации. Одним из главных аргументов в пользу такого выбора стала усиливающаяся мировоззренческо-ценностная переориентация на рельсы политики национального возрождения России³.

На наш взгляд, прямой связи между действительно имеющей место переориентацией массового сознания на ценности государственничества и державности и предпочтительностью цезарианской модели модернизации не существует. Скорее это прямое следствие периода 1990-х гг., когда стремление разрушить коммунистическое наследие и индоктринировать либеральные ценности привели не только к разрушению СССР, но и к реальной опасности распада самой России. Фактическая утрата суверенности России, стремление Б. Н. Ельцина и его либеральных сторонников любым путем завоевать доверие США и их союзников даже за счет явного игнорирования собственных национальных интересов во внутренней и внешней политике стали причиной отторжения навязываемых либеральных ценностей в том конкретном воплощении, которое привело не только к резкому ухудшению жизненных условий, но и к ущемлению национальной гордости большинства населения.

Социологические исследования показывают, что после беспрецедентного всплеска активности масс конца 1980-х – начала 1990-х гг. общество резко изменило свое отношение к участию в политической жизни⁴. Все исследования последних лет также фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян. По мнению В. В. Петухова, выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждет от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме»⁵.

На наш взгляд, данный факт не может быть интерпретирован однозначно. С одной стороны, снижение общественно-политической активности явно свидетельствует о неблагополучии существующих механизмов взаимодействия власти и общества, о недостаточно высоком уровне их политической легитимности.

В ходе опроса, проведенного под руководством автора данной статьи в октябре-декабре 2003 г. на промышленных предприятиях Саратовской области (подшипниковом, авиационном, Трансмаше и др.), был задан вопрос: в какой мере Вы согласны с утверждением, что сегодня власти в России стали ближе к народу, чем были в начале 90-х гг. XX века? Полностью были согласны с этим только 2,36% респондентов; скорее согласны – 10,23%, полностью не согласны – 39,37% опрошенных, скорее не согласны – 45,66%, затруднились ответить – 3,93%. Таким образом, только 12,5% опрошенных сказали, что нынешняя власть в той или иной степени стала ближе к народу, чем предшествующая.

Однако отсутствие веры в результативность своего участия в политической жизни имеет и другую сторону, которую нужно учитывать в оценке перспектив расширения социокультурного потенциала для проведения модернизации в современной России. Значительная часть «неверующих» (особенно представителей молодежи) акцентирует внимание на решении своих жизненных проблем именно в «автономном режиме», выстраивая траекторию жизни без расчета на государственную поддержку.

Тем самым происходит достаточно быстрое по историческим меркам изживание патерналистского комплекса, который получил повсеместное распространение в годы советской власти. Расчет современной молодежи на свои собственные силы формирует здоровую основу для укрепления положительных индивидуалистических ценностей, невзирая на негативное отношение к либерализму как идеологии у большинства населения.

По данным социологов, единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы как самый простой и необременительный вид участия. Однако и они, особенно в последние годы, начинают восприниматься, прежде всего молодежью, как формальность, если и нужная, то, главным образом, для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. По мнению В. В. Петухова, «в обществе есть также значительная часть граждан, которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование, становится все в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан»⁶. На наш взгляд, такая однозначная трактовка абсентеизма российских граждан не совсем точна, так как не учитывает различные мотивы неучастия в голосовании. Среди них есть те, кого фактически устраивает существующий политический режим и кто считает, что и без них «выберут кого нужно». Абсентеистами чаще всего становятся те, кого не устраивает наличный выбор кандидатов и политических партий. Думается, что либерализация партийной системы и увеличение числа партий, принимающих участие в выборах разного уровня, существенно сократит данную группу абсентеистов.

Особенность российской политической модернизации, по мнению В. И. Пантина, – это «периодически реализующаяся разнонаправленность процессов модернизации государства и модернизации общества. Благодаря слабости гражданского общества и исключительной роли, которую играет государство в России, модернизация общества постоянно подменяется модернизацией государства – его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т. п. В итоге задачи форсированной военно-ин-

дустриальной модернизации государства, усиления его как мировой державы часто решаются за счет антимодернизации, частичной архаизации и деградации общества». Государство поэтому часто «предстает необычайно инерционным образованием, блокирующим разрешение многих назревших социальных конфликтов, что в истории России не раз приводило к политическим и социальным потрясениям...»⁷

Думается, такое разграничение общества и государства представляет собой экстраполяцию на российскую действительность одной из западных моделей гражданского общества, основанной на достаточно упрощенном подходе к пониманию социального прогресса и противопоставлении логики развития государства и общества. На самом деле развитие государственных и общественных институтов представляет собой неразрывно связанный процесс и включает в себя единство и борьбу общесоциальных, групповых и индивидуальных интересов. Каждый из данных уровней интересов реализуется в рамках как государственных институтов, так и общественных. Данные интересы могут вступать в противоречие друг с другом во всей своей совокупности либо в отдельных своих частях, но все они реализуются в рамках единых правил и принципов, устанавливаемых и регулируемых государством.

Одним из ключевых для современных российских политологов является ответ на вопрос: нужно ли отказываться от традиционных ценностей национальной культуры или даже от национальной культуры как таковой для обеспечения процессов модернизации? Сторонники положительного ответа обосновывают ее наличием в политической культуре россиян архаичных традиционалистских ценностей, которые служат главным препятствием для проведения прогрессивных политических и социально-экономических преобразований в соответствии с проверенной западной моделью модернизации.

Проблема взаимосвязи и противоречий социокультурного плюрализма и универсализма современных глобализационных процессов является одной из самых дискуссионных. Например, дилемма, на которую в свое время не смог дать однозначного ответа Эйзенштадт, состоит в том, «творят ли уникальные общества свой собственный, культурно невоспроизводимый вовне их Модерн, или же Модерном предполагается единая культурная программа Модерна, которая претерпевает некие закономерные аберрации в иноевропейских условиях»⁸.

По мнению В. С. Мартыанова, подобный дискурс «оборачивается из современного в цивилизационный, акцентирующий приоритет уникальности и различий, а не закономерностей и сходств»⁹. Автор подчеркивает методологическую слабость концепции множественной современности в связи с тем, что она отдает предпочтение исключениям, а не правилам, то есть культурной уникальности

и фиксации отличий разных обществ, что не позволяет выявлять общие закономерности их развития и выстраивать теории высокого уровня, адекватные космополитическому Модерну. Предположение о множественности культурно детерминированных современностей исследователь оценивает как скрытый дискурс цивилизации, маскируемый под модернистскую риторику. Возможность умножения сущностей Модерна – это попытка его опровержения, так как он предполагает универсализацию и глобализацию социально-политических ценностей и общественных институтов, выходящую за пределы наций, культур и цивилизаций, но эффективно работающую в любых регионах мира вне зависимости от особенностей предшествующего развития¹⁰.

Анализируя накопление модернизационного потенциала российского общества, исследователи отмечают, что в последние годы оно происходило в основном в крупных городах и столице. В то же время материалы Л. А. Беляевой, полученные в 2010 г., говорят о том, что в средних городах также наращивается социальная база для модернизации, что создает предпосылки для преодоления ее анклавного характера. Так, в составе взрослого населения этих городов средний класс, по данным автора, уже составляет 25%¹¹.

Для нашего исследования особый интерес представляют оценки Л. А. Беляевой компонентов сознания этой квалифицированной части занятого населения, вписавшегося в современные рыночные отношения. Автор подразделяет ее на особые исследовательские группы, утверждая, что в средних городах проживает 34% всех «высокостатусных», 24% «экспертов», 21% «руководителей». Первый компонент сознания, или менталитета, который отличает эти слои, – социально-психологическое самочувствие. Их самооценка выше, чем у остального населения, они позитивнее оценивают ближайшее и отдаленное будущее. Отнесли себя к среднему слою и более высоким слоям 86% «высокостатусных», 87% «экспертов», 84% «руководителей», тогда как в остальных слоях таковых было в среднем на 20% меньше. Два слоя с наибольшими ресурсами – «высокостатусные» и «эксперты» – отличаются и большим оптимизмом, связанным с общим социальным самочувствием, и позитивным настроением на продуктивную деятельность¹². Использовался индекс оптимизма, который рассчитывался как средняя арифметическая от разности позитивных и негативных ответов на три вопроса анкеты: как стали жить по сравнению с прошлым годом?; как будете жить в следующем году?; насколько спокойны относительно своего будущего? На основе полученных данных Л. А. Беляева пришла к выводам о том, что население в целом в разные периоды реформ было настроено довольно пессимистично, но наблюдалось постепенное повышение оптимизма при улучшении положения в экономике и адаптации населения к изменениям.

Вторая характеристика модернизационных слоев в средних городах России связана с более сильной их рыночной ориентацией и положительным отношением к постсоветским реформам в России. Так, более 70% «экспертов», 65% «высокостатусных» и «руководителей» подтвердили необходимость реформ, начатых в 1990-е гг., что на 10–30% больше, чем в других слоях. Наконец, в своей ориентации на работу на госпредприятиях/в частном бизнесе слой, составляющие социальную базу модернизации, намного чаще других высказывались в пользу частного сектора. И это при том, что сегодня государственный и акционерный секторы – основное место работы для 80% «высокостатусных», 73% «экспертов»¹³.

На наш взгляд, данная стратификация, полученная исследователем, позволяет в большей степени говорить о социальном потенциале экономической и в меньшей степени о политической модернизации. Наличие более либерально ориентированных ценностных позиций по многим проблемам модернизации вовсе не означает готовности данных социальных групп к самостоятельным и политически институционализированным действиям по защите данных ценностей. Можно с большой долей вероятности предположить, что значительная часть опрошенных (уже в силу занятости большинства из них в государственном секторе) в той или иной степени связана в своей деятельности с «Единой Россией».

Одним из самых последовательных критиков официального варианта модернизации в современной России выступает Л. Д. Гудков, директор Левада-Центра и главный редактор журнала «Вестник общественного мнения». Он полагает, что «модернизация – это не какая-то определенная схема процесса перехода от традиционного, иерархического, сословного, закрытого социума к представительской демократии и свободной от государственного вмешательства рыночной экономике, а достаточно широкий канон интерпретации изменений в развивающихся обществах под влиянием “развитых” стран»¹⁴. Автор достаточно жестко отрицает отнесение к модернизации множества отдельных инноваций в виде внедрения новейших технологий, изменение инфраструктуры (аэропорты, телевидение, Интернет и т. п.) или даже развитие отдельных секторов экономики. Он утверждает, что модернизация представляет собой непрерывно идущие процессы структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем и появления более сложных систем интеграции и обмена, коммуникаций между отдельными подсистемами. «Такие изменения следует отличать от “одномерной”, сегментарной, “технологической” и мобилизационной модернизации, т. е. направленного, форсированного развития отдельных сфер – например, военно-промышленного комплекса (а стало быть, обусловленных его потребностями образования, управления и т. п.). Формы

запаздывающей или догоняющей модернизации характерны почти для всех тоталитарных и многих авторитарных режимов»¹⁵. Тем самым автор четко противопоставляет понятие реальной, комплексной, системной модернизации и все другие «усеченные» одномерные виды модернизации.

Оценивая постсоветский период на предмет реализации задач модернизации, Л. Д. Гудков в качестве положительных результатов оценивает бурное развитие социальных отношений, подавленных ранее: «...экономические обмены, производство, ориентированное на конечного, частного потребителя, горизонтальные коммуникации, массовая культура и т. п. Напротив, сферы военно-промышленного комплекса, бывшего преимущественной заботой тоталитарного режима, стремительно деградировали и теряли всякое значение. Однако эволюция в России пошла не по “восточно- или центрально-европейскому” сценарию, который предполагал быстрое и решительное изменение структуры власти и смену всей политической системы, формирование современных правовых и политических институтов, а по “среднеазиатскому”: после некоторого периода турбулентности на высших уровнях не подконтрольной никому в стране власти ситуация стабилизировалась»¹⁶.

Почему стремительная деградация ВПК рассматривается Л. Д. Гудковым как один из самых позитивных результатов «правильного» варианта российской модернизации в 1990-е гг., остается неясным. Особенно с учетом того, что в США, являющихся маяком и идеальным-типическим образцом для либеральных сторонников преобразований в России, ВПК рассматривается как один из ведущих секторов экономики, не только обеспечивающий национальную безопасность страны и продвижение американских интересов во всем мире, но и приносящий существенную прибыль в результате продажи вооружений на мировом рынке.

Возникает резонный вопрос, почему автор апеллирует к некоей абстрактной идеальной-типической модели (формально логически выверенной и научно аргументированной), но при этом игнорирует результаты реального опыта модернизации, когда политические лидеры реформировали страну, следуя той самой логике системных и всесторонних преобразований? Реформы М. С. Горбачева, проводимые в соответствии с данной логикой одновременной системной демократизации всех сфер общественной жизни, привели к разрушению СССР и многочисленным конфликтам на его территории.

Остается также неясным, почему позитивные преобразования 1990-х гг. расцениваются Л. Д. Гудковым в отрыве от их негативных последствий, которые не только отбросили жизненный уровень большинства населения на несколько десятилетий назад, но и поставили страну на грань национальной катастрофы в результате дезинте-

грационных процессов и утраты суверенитета над рядом российских регионов.

Автор скрупулезно выявляет системные недостатки политического режима, который сложился в 2000-е гг. (сочетание ресурсов неформальных корпоративных отношений, репрессивных институтов и неприкрытого административного произвола; традиционалистское мифологизаторство, ксенофобия, изоляционизм, антизападничество и др.). В результате он констатирует, что «процессы модернизации блокируются центральными, символическими институтами социальной системы в России, ее режимом власти. В этом смысле надежды на авторитарный вариант модернизации безосновательны, поскольку латентные функции этих институтов заключаются в систематической девальвации ценностей и подавлении механизмов, могущих инициировать появление более сложных форм социальной организации». За данным «системным» выводом следует косвенная оценка и социокультурных характеристик российского населения, которые, по мнению автора, позволяют функционировать авторитарному политическому режиму на основе использования архаических и простых форм регуляции – обрядоверие, имитирующие веру, традиционалистские ритуалы, фобии, предрассудки, мифы, санкционирующие те или иные социальные практики. «Стерилизации подвергается главный принцип модерности – формирование автономной субъективности. В результате мы имеем дело с крайне «разреженным культурным пространством» (Н. Зоркая), с комплексами и сознанием «вечной периферии», с «пустым пространством», которое воспринимается как географическое проклятие России»¹⁷. Такие же крайне негативные оценки Л. Д. Гудков дает и интеллигенции, констатируя, что «острое ощущение деградации слоя «культурных людей», «интеллигенции», «образованного сообщества» и т. п., происшедшей в последние 15 лет, связано не только с фактической утратой ими авторитета (их неслышимостью, или невлиятельностью в рыночной экономике), но и с исчезновением, отчасти – воображаемого, отчасти – действительного, внутреннего противостояния дряхлеющей тоталитарной власти, режима, потерявшего силу»¹⁸.

Такое понимание субъектности и функциональности российской интеллигенции как главного критика и оппонента действующей власти (на праве «защитников сырых и убогих») в истории России в XX в. дважды приводило к радикальным политическим и социально-экономическим потрясениям. В 1917 г. во многом благодаря предшествующей повсеместной и язвительно-уничжительной критике царского режима со стороны российской интеллигенции Россия была ввергнута в водоворот кровопролитной гражданской войны, установление большевистской диктатуры и многолетнего социалистического эксперимента. Второй раз такое широкое противостояние тоталитарному режиму КПСС уже новой, псевдосоциалисти-

ческой интеллигенции привело к разрушению СССР и крайне тяжелым социально-экономическим потрясениям. Сильнее всех они коснулись именно «сырых и убогих», о которых так пеклись представители демократической интеллигенции в период гласности и перестройки. Вероятно, именно такая функциональность интеллигенции на основе «автономной субъективности», с массовым участием протестов на Болотной площади, была бы оценена автором положительно. Неплохо бы только при этом постоянно помнить радость митингующих интеллигентов на площадях городов России в феврале 1917 г. и все последующие трагические события.

Последняя публикация Л. Д. Гудкова, основанная на его осмыслении в том числе и поствыборных протестных событий декабря 2011 г. – мая 2012 г., свидетельствует, что оценки автора в отношении роли социокультурного фактора не изменились. Он утверждает, что в российском обществе ярко обозначились принципиальные расхождения между условной «Москвой» как социокультурным центром и иными типами поселений, уже как антиподами Москвы, представляющими другие варианты (а не фазы) эволюции страны¹⁹. Смысловой подтекст неизменный – российским модернизаторам достался «плохой» немодернизируемый народ: «...20 проц. всего населения принадлежит к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35–40 проц. – к антимодерному типу и 20–25 проц. приходится на домодерную, традиционалистскую Россию... Основной проблемой для носителей современного капитала окажется состояние самого общества – необходимость преодоления политического инфантилизма и апатии населения»²⁰. В этой связи вспоминаются лозунги первой половины 1990-х гг., которые можно было увидеть на привокзальных заборах во многих провинциальных российских городах, – «Москва – не Россия!».

В. А. Ядов, оценивая «особость» России в решении задач модернизации, также видит ее в том, что трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан²¹. Другими словами, ментальные особенности российского населения обуславливают характер модернизационных преобразований.

Тем самым авторы вольно или невольно вновь стремятся переложить ответственность за негативные последствия радикальных реформ начала 1990-х гг. (проводимых при концептуальной и идеологической поддержке либерально ориентированной творческой интеллигенции, в том числе и научного сообщества) на само российское население.

Более взвешенный подход к оценке постсоветских преобразований в контексте модернизационных задач и роли социокультурного фактора в их решении представлен в исследовании

А. В. Кивы. Он выделяет несколько вариантов проведения либеральной модернизации и, соответственно, групп их сторонников.

По мнению А. В. Кивы, даже в современной России (в том числе и во власти) имеется достаточно сторонников спонтанной модернизации, но только в сфере экономики. Они *de facto* продолжают следовать предписаниям «Вашингтонского консенсуса», построенным на неолиберальной теории М. Фридмана: «рынок все расставит по местам»²². К чему привела их политика, известно. Причины деградации России как промышленной державы с развитой наукой и отдельными отраслями высоких технологий точно назвал член-корреспондент РАН Р. Гринберг: «Настоящая причина одна – инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено»²³.

Тем не менее сторонники данного подхода вовсе не против использования авторитарных методов в политике для проведения либеральной модернизации в экономике, то есть жесткого проведения непопулярных реформ, затрагивающих интересы большинства населения. Сущность такой политики – сведение бюджетных обязательств к минимуму. Фактически пропагандируется, по меткому выражению Р. Гринберга, самый настоящий «зоологический капитализм»²⁴.

К сторонникам «идеологизированной» неолиберальной модернизации А. В. Кива относит представителей либералов-западников. Суть этого подхода: «...строгая финансовая дисциплина; ограничение госрасходов социальной сферой и инфраструктурой; снижение ставок налогов; либерализация финансовых рынков; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; открытие страны для иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Несмотря на то, что многие видные американские экономисты доказали несостоятельность рекомендаций “Вашингтонского консенсуса” для стран с переходной экономикой, и их реализация в России имела катастрофические последствия, идеи этого “консенсуса”, похоже, у нас живы по сей день»²⁵.

Одним из главных пунктов критики стала идея приоритета демократии над социально-экономическим развитием. Наиболее последовательно она представлена Е. Гонтмахером в ходе дискуссии в ИНСОР по докладу «Россия XXI века: образ желаемого завтра»: «Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Сейчас, в постиндустриальную эпоху, такого не бывает. Переход в сторону этатизма, культа власти в новом мире заведомо непродуктивен... Обновление политической системы становится обязатель-

ной составляющей модернизации. Это пункт, на котором мы настаиваем. Он недостаточен, но он необходим. Модернизация, начавшись в политике и распространившись на повседневные практики, откроет возможности свободной самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, привлечения массовых инвестиций в виде умов и рук. От политики к экономике и наоборот»²⁶.

Дискуссия вокруг данного доклада и выступлений его авторов обозначила остро критичное восприятие со стороны видных российских экономистов тезисов главы ИНСОРа И. Юргенса, касающихся социокультурных характеристик русского населения. Он утверждал, что «русские ещё очень архаичны», что для нынешнего населения страны характерны деградация, люмпенизация и даже дебилизация. По мнению А. Привалова, подобные высказывания нехороши с точки зрения морали, провальны логически и катастрофичны электорально²⁷.

По справедливому мнению А. В. Кивы, идея приоритета либеральных преобразований и сомнительна, и неосуществима, и основывается на абсолютном отрыве от массовых настроений, от соотношения сил в стране и ее исторической практики, даже от понимания того, есть ли в стране силы, на которые можно опереться при проведении такой политики. Надо учитывать, что идеи демократии и либерализма, дискредитированные в 1990-е гг., отторгаются большинством россиян²⁸.

В этой связи наиболее реалистичной представляется модель российской модернизации, суть которой состоит в том, чтобы последовательно реализовывать преобразования в экономической сфере и на этой основе укреплять государственную социальную политику. Именно в этом случае возможно повышение уровня легитимности государственной власти и отдельных политических институтов и механизмов. Соответственно, будут возможными и постепенные изменения массового сознания и политической культуры населения. Это вовсе не означает отказа от критики важнейших и вполне очевидных недостатков существующей политической системы и от борьбы за их устранение. Однако реализовать эту борьбу можно только на основе трезвого осмысления реальных социально-политических ресурсов, с учетом социокультурных характеристик большинства населения.

Выбирать в качестве стратегического ориентира общественного развития России либеральную модель, которая не поддерживается большинством населения, в условиях отсутствия сколько-нибудь значительной политической силы, способной на эффективную пропаганду и внедрение представлений о преимуществах данной модели в массовое сознание, не просто ошибочно, но и опасно. Раскачать существующую политическую систему на основе последовательной и острой критики ее принципиальных недостатков и с помощью активных протестных действий

всех радикальных оппозиционных сил вполне возможно, но нет никакой гарантии, что на смену придет либеральная модель сбалансированных взаимоотношений между властью и гражданским обществом.

То, что в 1990-е гг. среди либеральных сторонников не было последовательных сторонников защиты национальных интересов России, дает основание предположить, что борьба с авторитаризмом и внедрение идеально-типической либеральной модели общественного устройства, которая якобы все самонастроит и автоматически разрешит все противоречия на основе активной гражданской субъектности, является для них самоцелью. Вполне реальный запуск процессов саморазрушения системы при этом не учитывается. Наличие политических сил на мировой арене, которые заинтересованы в максимальном ослаблении России, и жесточайшей конкуренции в борьбе за доступ к сырьевым и иным стратегическим ресурсам также игнорируется.

Подобные аргументы, идентичные изложенным выше аргументам Л. Д. Гудкова, не вызвали бы никакого отторжения, если бы московский (и других крупных городов) «креативный» класс действительно являл собой референтную группу для большинства российского населения не только уровнем своих доходов, но и уровнем социальной и гражданской ответственности за судьбы страны и всего российского народа. Однако ни характер деятельности большинства представителей данного класса (в значительной степени сосредоточенного на обслуживании финансовых и материальных потоков, сконцентрированных со всей России в столицах и крупных городах), ни образ жизни (чаще всего воспринимаемый большинством по гламурным журналам и светским программам, а также новостям о развлечениях «золотой» молодежи) не вызывают особых положительных чувств у большинства населения. Зависть к такому образу жизни у представителей провинциальной молодежи вряд ли можно считать модернизационным стимулом, мотивирующим их инновационное поведение. Скорее напротив – стремление любым способом попасть в эту «элитарную» группу нередко мотивирует преступность, проституцию и внутреннюю миграцию, а не только расширение региональных модернизационных ресурсов.

Н. Е. Тихонова, анализируя материалы социологических опросов, нацеленных на эмпирическое измерение степени модернизированности сознания и поведения россиян на микроуровне, выделяет три краеугольных социокультурных обстоятельства проведения модернизации в современной России. Прежде всего, она констатирует незавершенность процессов социокультурной модернизации в сфере экономического сознания россиян (специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на «своих» и «чужих», ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав бизнеса, в частно-

сти, значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности, и т. д.). При этом отмечает, что «все эти особенности в период социокультурной трансформации характеризуют население любой страны, совершающей переход от традиционного (доиндустриального) к современному (индустриальному) типу обществ»²⁹. Тем самым автор довольно безапелляционно относит российское общество к доиндустриальному социокультурному типу, невзирая на характеристики современной России как ядерной и космической державы, на то, что еще совсем недавно СССР признавался во всем мире как вторая индустриальная держава. Как представляется, определять в качестве доиндустриальных традиционалистские ценности современного российского общества (в значительной степени обусловленные наследием социалистической индоктринации) по меньшей мере неправомерно с точки зрения исторических фактов.

Второе обстоятельство, которое обуславливает специфику именно российской модели развития, автор видит в легитимности всевластия государства и его особой роли в экономике, позволяющей говорить о том, что этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания. Думается, что и данная особенность в определяющей степени связана с наследием советского прошлого, когда партийно-государственная система контролировала развитие всех сфер жизни общества.

Третье обстоятельство, которое констатирует Н. Е. Тихонова, связано с тем фактом, что ни переход к рыночной экономике сам по себе, ни социализация в новых условиях родившихся уже в годы перестройки и реформ поколений молодежи не приводят к разрушению их традиционалистского по сути (хотя при этом и вполне рыночного) экономического сознания. Более того, последние годы продемонстрировали скорее своего рода ренессанс этой модели³⁰.

На наш взгляд, данные обстоятельства свидетельствуют больше о том, что окончательно дискредитировала себя либеральная модель модернизации, скалькированная с западных образцов и раз за разом навязываемая российскому обществу ее сторонниками, в том числе и на теоретико-концептуальном уровне, как единственно возможная и безальтернативная.

Возникает резонный вопрос: почему в качестве альтернативных вариантов всерьез не рассматриваются китайская или вьетнамская модели реформирования общественно-политической и социально-экономической системы? Очевидно, что по своим исходным позициям, обусловленным реальным (хотя и очень противоречивым) социалистическим наследием, Россия имела гораздо больше общего с данными странами, чем с той исторической ситуацией, в которой проходила мо-

дернизация в большинстве развитых европейских стран, на которые призывают ориентироваться российские либералы.

Успех бывших стран Восточного блока (на наш взгляд, далеко не безоговорочный) в решении модернизационных задач после распада СССР нередко служит одним из аргументов безальтернативности для России (как европейской страны) либеральной модели преобразований. Однако опыт постсоциалистической модернизации данных стран в значительной степени отличается от России по исходным позициям, а также по внутренним и внешним обстоятельствам. Главные отличия схематично можно обозначить как обусловленные гораздо меньшей ломкой ментальных оснований населения данных стран в результате общественно-политических, социально-экономических и культурных преобразований, в значительной степени навязанных извне и осуществляемых при всесторонней поддержке со стороны СССР.

Кроме того, нужно учитывать то обстоятельство, что, стремясь закрепить распад СССР и Восточного блока, Евросоюз и НАТО оказывали существенную финансовую, материальную, технологическую поддержку данным странам с целью включить их в орбиту своего влияния. Россия, как правопреемница СССР, продолжала рассматриваться как опасный геополитический конкурент. Поэтому никакой серьезной поддержки российские либеральные реформаторы от западных стран для проведения экономической модернизации не получили. Напротив, главной целью западной политики и смыслом навязываемых российским либералам рекомендаций по проведению модернизации в период 1990-х гг. было всемерное ослабление России как индустриальной и военной державы и превращение ее в источник сырья для ведущих западноевропейских стран.

В целом, анализ различных подходов к проблемам роли социокультурного фактора в проведении постсоветских преобразований позволяет констатировать, что, несмотря на различия позиций, большинство исследователей продолжает соотносить задачи российской модернизации с идеальной-типической моделью западных обществ. Постоянная незавершенность реализации такой модели рассматривается как ключевая причина отставания России. Тем самым ответственность за срыв преобразований перекладывается с модернизаторов на архаичное российское население со специфическим традиционалистским сознанием, не поддающимся модернизации. Такая парадигмальная установка не позволяет исследователям исходить из реального наличного социокультурного потенциала российского населения и концептуально обосновать специфическую модель российской модернизации, наиболее адекватно отвечающую ее политическим, социально-экономическим, этноконфессиональным, географическим и геополитическим условиям.

Примечания

- 1 *Пантин В. И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 125.
- 2 См.: *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 38–72.
- 3 См.: *Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология: монография / под общ. ред. В. И. Якунина. М., 2011. С. 322.
- 4 См.: *Готово ли российское общество к модернизации?* / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М., 2010.
- 5 *Петухов В. В.* Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социс. 2012. № 1. С. 49.
- 6 Там же.
- 7 *Пантин В. И.* Указ. соч. С. 125–126.
- 8 Цит. по: *Мартьянов В. С.* Один модерн или множество? // Полис. 2010. № 6. С. 47.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 47–48.
- 11 См.: *Беляева Л. А.* Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социс. 2011. № 10. С. 23.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 24.
- 14 *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1. С. 9.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 32.
- 18 Там же.
- 19 См.: *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Май–июнь. Т. 16. С. 27.
- 20 Там же. С. 28.
- 21 См.: *Ядов В. А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3. С. 55.
- 22 См.: *Кива А. В.* Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 46.
- 23 *Гринберг Р.* Интервью радиостанции «Голос России». 2009. 28 окт.
- 24 Там же.
- 25 *Кива А. В.* Указ. соч. С. 47.
- 26 Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Дискуссия по докладу ИНСОП «Россия XXI века: образ желаемого завтра». URL: <http://slon.ru/articals/257343/> (дата обращения: 17.01.2011).
- 27 См.: *Привалов А.* О том, кто кому мешает. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/7961> (дата обращения: 10.10.2012).
- 28 См.: *Кива А. В.* Указ. соч. С. 47.
- 29 *Тихонова Н. Е.* Социокультурная модернизация в России // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5.
- 30 Там же. С. 6.

УДК 316.334.3 (470+571)

ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В. И. Дорофеев

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены и охарактеризованы проблемы стабильности и политической культуры современного российского общества, показаны критерии стабильности, факторы обеспечения стабильности системы, важнейшим из которых, по мнению автора, является политическая культура общества.

Ключевые слова: кризис, власть, политическая стабильность, молодежь, политическая культура.

The Problems of Stability and Political Culture of a Modern Russian Society

V. I. Dorofeev

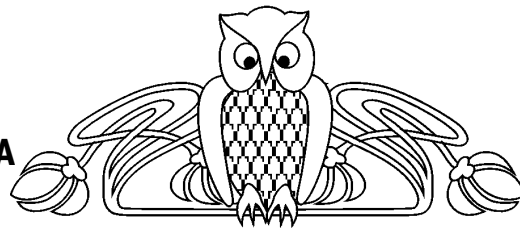
The problems of stability and political culture of a modern Russian society are considered and characterized in the article. Also the criteria of stability, factors of guarding the stability of the system are shown. The author gives us a point of view that political culture of a society is the principal of these factors.

Key words: crisis, power, political stability, young people, political culture.

Второе десятилетие XXI в., на наш взгляд, со всей убедительностью демонстрирует сложность и противоречивость явлений и процессов, происходящих в современном мире, в том числе и в России как неотъемлемой части мирового сообщества.

Природа многих противоречий сложна и многообразна. Нельзя в этой связи не отметить очередной глобальный финансово-экономический кризис, поразивший такие страны Евросоюза, как Греция, Италия, Португалия, Испания. Не всё ладится в данном отношении и в самой богатой стране мира – США, замедляются темпы экономического развития в Китае. О кризисе 2012 г. и нелёгких его последствиях в 2013 г. со всей озабоченностью говорили и говорят руководители и ведущие экономисты Российской Федерации.

Это с одной стороны. А с другой – различные митинги и шествия недовольных организацией проведения последних выборов в Госдуму РФ и Президента России¹, неудовлетворённых вердиктом суда 17 августа 2012 г. участницам группы «Pussy Riot»; обострение межнациональных отношений, факты терроризма – всё это, естественно, вызывает чувство напряжённости населения страны, его беспокойство за состояние стабильности общества².

Политическая стабильность, отмечается в энциклопедическом словаре, – это система связей между различными политическими субъектами, для которых характерны определённая целостность и способность эффективно реализовать возложенные на неё функции (функциональность)³. Есть и другие определения названного понятия. Мы разделяем в этом случае определение, сформулированное М. М. Гулиевой, которая под политической стабильностью понимает организованность, согласованность, устойчивость функционирования политических структур и отношений в пределах сложившейся и качественно определённой целостности. Она проявляется в постоянстве протекающих процессов, правил и процедур, привычности политического уклада жизни общества⁴. Различают внутривнутриполитическую, региональную и международно-политическую стабильность, специфика которых связана, прежде всего, с включёнными в них политическими субъектами. Главными субъектами внутривнутриполитической стабильности выступают государство и политические ячейки общества.

Как показывает исторический опыт, стабильность политической системы представляет собой сложное явление, включающее такие параметры, как сохранение системы управления, утверждение гражданского порядка, сохранение легитимности и обеспечение надёжности управления. Поэтому в самом общем виде она может означать определённый характер политических процессов (например, отсутствие войн и вооружённых конфликтов), степень адаптации правительства к социальным изменениям, характер уравновешенности отношений элитарных кругов, достигнутые равновесие и баланс политических сил. При этом критериями стабильности могут быть срок нахождения правительства у власти, его опора на партии, представленные в законодательных органах, степень многопартийности, раздробленность сил в парламенте и т. д.

Разумеется, политическую стабильность не следует понимать как нечто статичное, неизменное. Абсолютная стабильность системы практически невозможна. Она предполагает не только полную неподвижность самой системы и составляющих её элементов, но и их изоляцию от всяких внешних воздействий. Такой стабильностью не обладают даже «мёртвые» системы, лишённые внутренней динамики: их дестабилизация под воздействием внешних сил является лишь делом времени. Поэтому, обращаясь к реальным

ситуациям, можно говорить лишь о системах с высокой степенью стабильности. К сожалению, как свидетельствует исторический опыт, Россия практически никогда не была страной с высокой степенью стабильности. Не является она таковой и в наши дни. Хотя отдельные системы с высокой степенью стабильности в современном мире действительно существуют. Правда, вопреки широко распространённому мнению, их жизнеспособность, по нашему глубокому убеждению, весьма относительна. Чрезмерно высокая степень стабильности предполагает жёсткую сопротивляемость изменениям как вне, так и внутри системы. Обратной стороной этой качественной характеристики является ослабленная способность адаптироваться к меняющимся условиям существования, что в конечном итоге ведёт к гибели системы.

Вполне логично, что политически стабильной может считаться лишь система, достаточно гибкая, восприимчивая к изменениям. В этой связи очень важным является вопрос о ресурсах жизнеспособности различных (мобилизационной и автономной) систем политической стабильности. Если такая система опирается преимущественно на насилие, то раньше или позднее она перестаёт реагировать на потребность в изменениях, что неизбежно ведёт к её застоянию и последующей дестабилизации. Лучшим подтверждением тому может служить политическая система СССР 60–70-х гг. прошлого века и её гибель в конце XX столетия.

Принципиально отличным от статической стабильности социального и политического порядка является новый, так называемый динамичный, тип стабильности, широко используемый развитыми демократическими государствами. Он был выработан открытыми обществами, освоившими механизм обновления, социального и политического изменения и развития в пределах сложившихся общественно-политических систем, находящихся в процессе исторического развития, которое безбоязненно воспринимается не как опасность их разрушения, а как стабилизирующий фактор. Такие системы стабилизируются благодаря их способности воспринимать и ассимилировать внутренние и внешние импульсы, «органично включать в демократический процесс механизмы не только предотвращения, но и использования конфликтов для совершенствования стабилизации системы»⁵.

Среди факторов, определяющих состояние общества, важнейшими, по нашему мнению, являются «импульсы», идущие от среды к системе. Последние, как показывает сама жизнь, можно разделить на три вида: стабилизирующие, нейтральные, дестабилизирующие. Смысл действия руководства страны, правящей элиты общества в том и состоит, чтобы, изменяя либо среду, либо саму систему, добиться такого положения, при котором стабилизирующие стимулы не уступали

дестабилизирующим, а по возможности превосходили их. Недооценка, непонимание, а тем более пренебрежение конкретным содержанием среды (ситуации), неспособность её изменить во благо стабильности в своё время царём Николаем II, Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым, а позже Президентом России Б. Н. Ельциным как раз и привели к самым печальным событиям в истории нашей страны (революция 1917 г., Гражданская война 1918–1920 гг., контрреволюция 1991–1993 годов, война в Чечне). Полагаем, что нынешнему руководству Российской Федерации следовало бы более основательно учитывать различные «импульсы» сложившейся среды и прилагать больше оправданных усилий по обеспечению в стране высокой степени стабильности.

Как отмечалось выше, стабильность не исключает изменений или реформ, но предполагает наличие определённых правил их осуществления. Прежде всего, она предполагает отсутствие в обществе нелегитимного насилия, господства непризнаваемых обществом сил. Другими словами, власть стабильна постольку, поскольку обладает возможностью предотвратить доминирование нелегитимных сил. В этом смысле стабильность как способность общества к самозащите способствует сохранению такой организации власти, которая соответствует социальной системе, адекватна настроениям общественности, обеспечивает ее интеграцию, делая его более эффективным в процессе социально-экономического развития. К сожалению, вряд ли можно гарантировать спокойствие общества, а следовательно, политическую его стабильность, если известно, что на одного жителя Чечни из госбюджета России (2011–2012 гг.) расходуется в 27 раз больше, чем на одного жителя России в целом⁶.

Или такой пример: в своё время выдающийся древнегреческий мыслитель Аристотель выделял два главных принципа жизнеустройства – минимизация страстей или максимизация наслаждений. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Федерации, бедных сейчас около половины населения страны. То есть сформировался новый класс – нищета. Его объективные социальные признаки: доходы ниже прожиточного (физиологического) минимума, отсутствие постоянного места работы, нет стремления к официальному трудоустройству. Характерно и другое: сегодня самую низкодоходную категорию населения в Российской Федерации составляют те, кто имеет работу. Ведь у каждого работающего заработная плата, вопреки всем законам, ниже прожиточного минимума. Российская Федерация – единственная страна на планете, где самые низкие доходы у людей, продающих свою рабочую силу капиталу⁷. Согласно исследованиям Левада-Центра (лето 2011 г.), лишь 16% россиян обладали уровнем потребления, характерным для «среднего класса», 53% были бедными, в том числе 16% испытывали

нехватку денег на покупку еды и одежды⁸. Тогда как, например, в США, любимой стране наших либералов, наоборот – более 80% населения обладает уровнем потребления, характерным для так называемого среднего класса. Не потому ли по продолжительности жизни наша страна занимает 162-е место в мире, находясь позади Папуа Новой Гвинеи и Гондураса.

Печальная действительность с точки зрения стабильности российского общества состоит в том, что в это же время, по подсчётам независимых экспертов, 500 семейств имеют такой же годовой доход, как и остальные 140 млн незадачливых россиян⁹. Децильный коэффициент зашкаливает за 30 раз, тогда как «порог народного бунта», по европейским понятиям, составляет 8–10 раз. Отсюда можно ли считать случайным, что ныне 52% опрошенных желают покинуть Россию, хотя ещё год назад таких была одна треть. И это при том, что более миллиона самых способных граждан страны уже покинули её¹⁰.

Важнейшим фактором обеспечения стабильности системы, а иногда и наоборот, дестабилизации её, является политическая культура общества, которая даёт гражданину возможность хорошо ориентироваться в политической ситуации, правильно оценивать происходящие события, уметь определять, кто есть кто, делать обоснованный выбор. Воплощая ценностно-смысловую детерминацию политической активности человека, политическая культура характеризует его способность понимать специфику собственно властно важных интересов, а также творчески перестраивать свою деятельность при изменении потребностей и внешних событий.

Политическая культура, как отмечает Филипп Бро, не статична. Она находится в тесном взаимодействии с существующей политической системой: помогая или расшатывая её, соответствуя или не соответствуя её требованиям. Политическая культура, по мнению французского политолога, связана с другими культурными моделями, которых человек должен придерживаться в своей деятельности в сфере производства, потребления и т. д.¹¹

Известный отечественный политолог А. И. Соловьёв считает, что «политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной страны (группы стран) форм и образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и закрепляющих устойчивые в социуме нормы и традиции взаимоотношения государства и общества»¹². Соглашаясь в целом с таким толкованием содержания политической культуры, всё же (с учётом целевой установки нашей статьи) полагаем, что понятнее и конкретнее является определение, данное польским политологом Ежи Вятром, который определил политическую культуру как совокупность политических позиций, ценностей и образцов

поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан¹³.

Проще говоря, структурно политическая культура включает в себя: знание о политике, интерес к политическим событиям; оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна осуществляться политическая власть; эмоциональную сторону политических позиций; признанные в данном обществе образцы политического поведения, которые определяют, как следует поступать в политической жизни.

Связанная с использованием государственной власти как наиболее мощного общественного регулятора политическая культура и её локальные образования влияют, а нередко и направляют социально-экономические и культурные процессы. Поэтому от содержания политических ценностей населения и образовательного статуса элиты в решающей степени зависит, как будут проходить сама транзитивность российского общества, модернизация всех сфер общественной жизни; утвердятся ли в нашем обществе подлинная демократия, войдём ли мы в конце концов в группу наиболее развитых (во всех отношениях) передовых стран или нам придётся интегрироваться в «пространство» третьего, а то и четвёртого мира.

Развитие политической культуры, её смена, динамика изменений определяются соответствующими факторами, условиями, среди которых особое значение имеют:

- социально-политические революции¹⁴;
- режим политической системы;
- соотношение политических сил;
- характер внутренней и внешней политики;
- способы и формы разрешения конфликтов;
- особенности национально-политического развития;
- содержание и динамика культурных процессов.

Другими словами, политическая культура обладает рядом особых признаков, черт и свойств, детерминированных обстоятельствами и условиями, в которых она возникла и функционирует. Политическая культура существенно различается в зависимости от исторической эпохи, государственных границ, социальной группы или класса, являющихся её носителями.

Смена режима политической системы в начале 1990-х гг. как раз и предопределила смену форм власти, а следовательно, и смену самого содержания политической культуры, положила начало мучительному, крайне противоречивому процессу трансформации политической культуры постсоветского российского общества. Разумеется, мы не умаляем и роли самой политической культуры, сложившейся в российском обществе в указанный момент времени, в расколе политической системы и его членов. Этот раскол усугубляется тем, что новая политическая система сразу же начинает генерировать изменения в политической культуре с тем, чтобы расширить свою социальную базу,

при этом активно подавляет инакомыслие, стремясь изменить политическое сознание граждан, и в первую очередь молодёжи.

Примечателен такой факт. В момент выборов Президента Российской Федерации (1996 г.) проводились десятки и сотни съездов и конференций различных партий и движений. Подобный съезд проводился и так называемой организацией молодёжи. Это событие прошло бы незамеченным, если бы не одно обстоятельство, на которое ни один из присутствующих на этой «тусовке» не мог не обратить внимания. У входа в зал заседаний на полу был расстелен государственный флаг СССР, а рядом на стене красовалась табличка: «*Вытирайте ноги здесь*». Молодые (и не очень молодые) люди, похотывая и ёрничая, старательно вытирали свои штиблеты о флаг, который навеки вошёл в историю как символ победы над «чумой XX века», под которым принимали присягу на верность стране и народу четыре поколения советских людей. Это действо шокировало даже выдавших виды корреспондентов западных СМИ, было потом дважды показано по каналам ОРТ и российского телевидения¹⁵. А в день 50-летия Победы на Поклонной горе были сорваны не сотни, а тысячи цветов к празднику. Данное событие стало предметом комментариев многих представителей западных СМИ. Отечественная пресса и телевидение не сочли сей факт достойным внимания¹⁶.

Не очень-то многое в этом отношении изменилось и в последующие годы. В итоге у молодёжи уже нет той социально-нравственной восприимчивости к духовному богатству прошлого, к сохранению всего великого и ценного в политической культуре страны, заложенного старшими поколениями. Наметившиеся тенденции к социокультурному регрессу молодёжи сегодня, к сожалению, не компенсируются государственными мерами по улучшению качества её жизни. Отсутствие такового и приводит к кризису идентификации, когда человек теряет осознание своего предназначения в обществе, утрачивает стремление внести свой личный вклад в его совершенствование. Отсутствие в молодёжном сознании идеала зачастую замещается поклонением кумирам шоу-бизнеса или спорта – своеобразной «идеологизацией». Это сопровождается фетишизацией сферы потребления престижных товаров и услуг.

Из-за отсутствия у государства внятных и всеми поддерживаемых целей общественного развития, мобилизующих ценностей и идеалов молодёжь теряет ощущение Родины. Неслучайно в числе покинувших Россию за последние годы три четверти – это люди, которым не исполнилось ещё и тридцати пяти лет. И все разговоры бывшего президента, а ныне премьер-министра РФ Д. А. Медведева о том, что надо разработать такую программу, которая заинтересовала бы и обеспечила возвращение этих людей в родную

страну, пока остаются только разговорами. Не потому ли исследователи, в том числе и мы, не могут назвать тех конкретных показателей, подтверждающих на деле тенденцию возвращения на родину весьма талантливых и столь нужных российскому обществу молодых людей.

А пока что налицо признаки деградации значительной части молодого поколения, только что вступающего в жизнь, тревожные симптомы, свидетельствующие о наличии глубокой и системной социальной деградации как результата кризиса универсальных социальных ценностей, общезначимых идеалов, массового развития потребительских интересов. Напомним суждение основоположника школы гражданского гуманизма, блестяще образованного учёного и выдающегося политического деятеля эпохи Средневековья Колюччо Салютати, который считал, что «усердие, приложенное человеком на поприще общего блага, возвышает и одухотворяет его»¹⁷.

Вот именно усердия как феномена, с нашей точки зрения, явно недостаточно не только у молодёжи, но даже у элиты общества, деятельность которой (в том числе и по обеспечению стабильности в стране) вызывает немало вопросов у простых граждан. Последние практически не находят аргументов для более-менее лестной оценки элиты. Показателен в этом отношении следующий пример. 2 сентября 2011 г. «Открытая студия» 5-го канала ТВ обсуждала тему: «Роль современной элиты в модернизации российского общества». Как это ни печально сознавать, но из пятнадцати характеристик нынешней элиты, сформулированных телезрителями накануне передачи (по просьбе редакции), не оказалось даже двух-трёх позитивных. Типичными были следующие:

- у России будущего нет, потому что такая элита;
- элита – это люди, которые думают о родине. Нынешняя элита думает только о своих интересах;
- элиты как таковой у нас нет, есть только хапуги;
- нынешняя элита – это накипь. Ну и так далее.

Кроме того, как справедливо подчёркивает А. А. Галкин, дестабилизации общественной системы в значительной степени способствует формирование в ней контрэлит, которые, как он выражается, играют роль и бродила общественного недовольства, и авангарда антисистемных движений. Такие контрэлиты, по его мнению (и с этим трудно не согласиться) образуются обычно в тех случаях, когда неправильно организованная система кадров приводит к отсеву нестандартных, талантливых и честолюбивых людей. Не попав в состав политической элиты, они накапливаются на противоположном полюсе, развёртывая антисистемную активность¹⁸.

Разумеется, каждая социальная группа общества имеет свои интересы (причём не только по-

литические, но и экономические, и др.), однако, как известно из практики, именно баланс интересов в пользу совпадения отношения между социальными группами образует некую цельность, способную обеспечить уровень стабильности, необходимый для сохранения системы. Нерешённые проблемы, обусловленные переменами неудачно проводимых реформ, кризисами, как правило, сопровождаются крайне болезненными последствиями для значительной части, а то и большинства россиян, требуют от руководства страны, её политической элиты создания таких условий, при которых бы общественная сила, не теряя своей динамичности, сохраняла необходимую устойчивость.

Для чего, по мнению А. А. Галкина (и в этом отношении мы солидарны с ним), политическому руководству целесообразно использовать целую систему многообразных способов и методов, и прежде всего таких, как: социальное маневрирование, политическое маневрирование, политическое манипулирование, интеграция контрэлиты¹⁹. И, конечно же, всячески повышать общую и политическую образованность населения, его политическую культуру, которые, с нашей точки зрения, применительно к XXI в. находятся не на соответствующем уровне. В частности, согласно нашему исследованию, только 13,8% молодых людей города Саратова считали «мой уровень политической культуры высоким». В то же время более чем каждый пятый молодой саратовец (19%) считал, что его политических знаний «крайне недостаточно», чтобы правильно оценить российскую и международную действительность²⁰.

Не случайно незадолго до своей кончины выдающийся учёный современности, ведущий передачи «Очевидное – невероятное» С. П. Капица образно выразился, что «на российское общество в последние годы нашло какое-то потемнение»²¹.

Важность духа, политического сознания, политической культуры для прочности политического строя неоднократно подчёркивал русский мыслитель, философ И. А. Ильин. Всякий политический строй, по Ильину, разумен и эффективен, когда держится на соответствующих ему духовных основах. «Исчезают эти основания, и политический строй вырождается: сначала в свою зловещую карикатуру, а потом в свою прямую противоположность» (октябрь 1917 г., август 1991 г. – яркое подтверждение правильности слов мыслителя). По мнению философа, народ должен обладать соответствующим государственно-политическим кругозором, глубоким пониманием исторических, международных и внутренних задач своей страны; высокий уровень сознания, в том числе и политического, выражающийся в достаточной образованности и способности к самостоятельному и обоснованному мышлению, наконец, чувство собственного достоинства и сила

личного характера – также необходимые качества народа²².

Отсутствие у народа этих качеств в условиях внешней свободы стимулируют эгоизм, раскол общества на множество враждующих группировок, для которых все средства в политической борьбе хороши и которым дестабилизация системы во много раз выгоднее, чем его высокая устойчивость.

Примечания

- 1 Особую неудовлетворенность населения вызвали выборы региональных органов власти, состоявшиеся 14 октября 2012 г., когда, по информации самых различных СМИ, в некоторых регионах к избирательным урнам пришло всего 35–30%, а то и 20% (Приморский край) избирателей.
- 2 Стабильность, как и дестабилизация, проявляется во многих сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной и т. д. В нашей статье речь идёт прежде всего о политической стабильности.
- 3 См.: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 281.
- 4 См.: Гульева М. М. Политическая культура и социально-политическая стабильность. URL: <http://www.superinf.ru/viewhelpstud.php?id=2416>. (дата обращения: 20.08.2012).
- 5 Политология. С. 282.
- 6 Предвыборные дебаты представителей на пост Президента Российской Федерации от Владимира Владимировича Путина и Михаила Прохорова // Радио России. 2012. 28 февр.
- 7 См.: Главное – эффективность бюджетных расходов. Совместное заседание коллегии Министерства финансов РФ и Министерства экономического развития РФ 25 апреля 2011 года // Финансы. 2011. № 5. С. 12.
- 8 См.: Сальник В. Доходы и нужды россиян разделяет пропасть. URL: www.prcida.ru/economics/finance/money/08-10-2012/1130585 (дата обращения: 20.10.2012).
- 9 См.: Главное – эффективность бюджетных расходов ... С. 12–13.
- 10 См.: Пирогов Н. Перевертыш морализует // Наш современник. 2012. № 4. С. 232.
- 11 См.: Бро Ф. Политология. М., 1992. С. 133.
- 12 Соловьёв А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2004. С. 378.
- 13 См.: Основы политологии (наука о политике). Киев, 1991. С. 123.
- 14 С точки зрения типов политических процессов, по нашему мнению, в начале 1990-х гг. в России произошла именно революция, а не тип политического процесса, который по своему содержанию характеризуется как реформы. По отношению к Октябрю 1917 г. это была контрреволюция.
- 15 См.: Молодёжь России : воспитание жизнеспособных поколений. М., 1996. С. 12.
- 16 Там же. С. 13.

¹⁷ История политических учений / под общ. ред. В. С. Не-
рсесянца. М., 2008. С. 117.

¹⁸ См.: Галкин А. А. Общественные изменения и пробле-
мы стабильности сквозь призму культуры мира. URL:
<http://old.nasledie.ru/persona/galkin/article.php?art=5>
(дата обращения: 20.10.2012).

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Дорощев В. И., Чекаржев Э. В. Власть и проблемы
образования молодежи в условиях транзитивности
российского общества. Саратов, 2010. С. 217.

²¹ ТВ. Канал «Россия». 2012. 15 авг.

²² Ильин И. А. Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.
С. 130.

УДК 323; 329

ОППОЗИЦИЯ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КОНФИГУРАЦИЯ

Е. В. Ефанова, К. К. Лукьяненко

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, k_lukjanenko@rambler.ru

Статья посвящена исследованию основ политической стабиль-
ности отечественного социума. В работе представлен анализ
институционализации оппозиции как фактора политической де-
стабилизации.

Ключевые слова: политическая оппозиция, политическая ста-
бильность, институционализация оппозиции, субъект политики,
обеспечение стабильности.

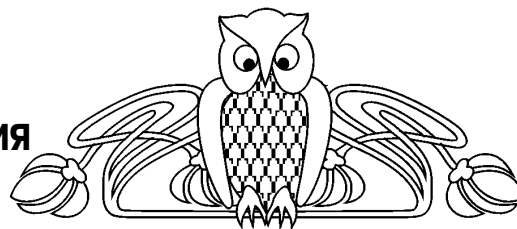
The Opposition and Stability in Russia: the Institutionaliza- tion and Configuration

E. V. Efanova, K. K. Lukyanenko

The article is devoted to the study of the political stability's base of
the native society. The authors of the article propound the analysis of
opposition's institutionalization as factor of the political destabilization.

Key words: political opposition, political stability, institutionalization
of the opposition, subject of the policy, guarantee of the stability.

Современная Россия пытается преодолеть последствия перехода от советской эпохи к демократическому транзиту, обрести новые политические принципы, интегрирующие разнородное российское общество в рамках единой концепции нации-государства. Решение подобных национально-государственных задач реализуемо лишь в условиях общенационального консенсуса и внутривнутриполитической стабильности. На практике обеспечение внутривнутриполитической стабильности зависит от соотношения политических сил в обществе, характера политического режима, способов осуществления власти, уровня легитимности, характеристик политической элиты, особенностей процесса принятия политических решений. В результате можно говорить о процессе политической дестабилизации, которому присущи изменение политического режима, смена правительства, активизация оппозиционных сил, противостояние ветвей власти¹. Однако в рамках политического процесса допускается возможным нарушение сложившихся в обществе политиче-

ских связей и отношений, способов политического регулирования общественной жизни, ибо в этом кроется основа жизненно важных инноваций².

Процесс становления политической оппозиции в качестве субъекта российской политики, способного к реализации возложенных на него функций, происходит в ходе её институционализации, где в зависимости от организационной оформленности, стратегии и политических возможностей дифференцируется на этапы неформальной, формальной и парламентской оппозиции. При этом последний этап «по критерию правовых возможностей и институциональным гарантиям их реализации» разграничивается на три субэтапа: декоративная оппозиция (возможность выражения альтернативного мнения, не влияя на проводимый политический курс в силу узости институциональных гарантий); представительская оппозиция (помимо выражения альтернативной позиции способна обеспечить проведение свободных и прозрачных выборов и доступ к выборным должностям); управленческая оппозиция (возможность воздействия на принятие политических решений и реализацию государственной политики вследствие реализации институциональных гарантий влияния оппозиции на власть)³.

С момента провозглашения эпохи гласности и перестройки в России начинаются формирование политических организаций, имеющих целью объединить идеи необходимости радикализации проводимых в обществе реформ, развития гражданской активности населения, повышения его роли в политической жизни страны, ликвидации монопольного положения коммунистической партии, а также реформирование системы государственного устройства. Генезис подобных оппозиционно настроенных власти организаций происходил в условиях полного доминирования КПСС, стремившейся к подавлению оппозиции как внешней, так и внутривнутрипартийной, фактического отсутствия традиций политической демократии и гарантий свободной деятельности. Однако оппозиционные организации и партии (Российский

¹⁷ История политических учений / под общ. ред. В. С. Не-
рсесянца. М., 2008. С. 117.

¹⁸ См.: Галкин А. А. Общественные изменения и пробле-
мы стабильности сквозь призму культуры мира. URL:
<http://old.nasledie.ru/persona/galkin/article.php?art=5>
(дата обращения: 20.10.2012).

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Дорощев В. И., Чекаржев Э. В. Власть и проблемы
образования молодежи в условиях транзитивности
российского общества. Саратов, 2010. С. 217.

²¹ ТВ. Канал «Россия». 2012. 15 авг.

²² Ильин И. А. Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.
С. 130.

УДК 323; 329

ОППОЗИЦИЯ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КОНФИГУРАЦИЯ

Е. В. Ефанова, К. К. Лукьяненко

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, k_lukjanenko@rambler.ru

Статья посвящена исследованию основ политической стабиль-
ности отечественного социума. В работе представлен анализ
институционализации оппозиции как фактора политической де-
стабилизации.

Ключевые слова: политическая оппозиция, политическая ста-
бильность, институционализация оппозиции, субъект политики,
обеспечение стабильности.

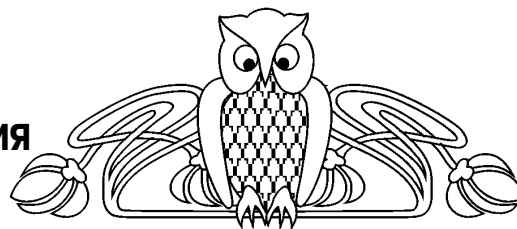
The Opposition and Stability in Russia: the Institutionaliza- tion and Configuration

E. V. Efanova, K. K. Lukyanenko

The article is devoted to the study of the political stability's base of
the native society. The authors of the article propound the analysis of
opposition's institutionalization as factor of the political destabilization.

Key words: political opposition, political stability, institutionalization
of the opposition, subject of the policy, guarantee of the stability.

Современная Россия пытается преодолеть последствия перехода от советской эпохи к демократическому транзиту, обрести новые политические принципы, интегрирующие разнородное российское общество в рамках единой концепции нации-государства. Решение подобных национально-государственных задач реализуемо лишь в условиях общенационального консенсуса и внутривнутриполитической стабильности. На практике обеспечение внутривнутриполитической стабильности зависит от соотношения политических сил в обществе, характера политического режима, способов осуществления власти, уровня легитимности, характеристик политической элиты, особенностей процесса принятия политических решений. В результате можно говорить о процессе политической дестабилизации, которому присущи изменение политического режима, смена правительства, активизация оппозиционных сил, противостояние ветвей власти¹. Однако в рамках политического процесса допускается возможным нарушение сложившихся в обществе политиче-

ских связей и отношений, способов политического регулирования общественной жизни, ибо в этом кроется основа жизненно важных инноваций².

Процесс становления политической оппозиции в качестве субъекта российской политики, способного к реализации возложенных на него функций, происходит в ходе её институционализации, где в зависимости от организационной оформленности, стратегии и политических возможностей дифференцируется на этапы неформальной, формальной и парламентской оппозиции. При этом последний этап «по критерию правовых возможностей и институциональным гарантиям их реализации» разграничивается на три субэтапа: декоративная оппозиция (возможность выражения альтернативного мнения, не влияя на проводимый политический курс в силу узости институциональных гарантий); представительская оппозиция (помимо выражения альтернативной позиции способна обеспечить проведение свободных и прозрачных выборов и доступ к выборным должностям); управленческая оппозиция (возможность воздействия на принятие политических решений и реализацию государственной политики вследствие реализации институциональных гарантий влияния оппозиции на власть)³.

С момента провозглашения эпохи гласности и перестройки в России начинаются формирование политических организаций, имеющих целью объединить идеи необходимости радикализации проводимых в обществе реформ, развития гражданской активности населения, повышения его роли в политической жизни страны, ликвидации монопольного положения коммунистической партии, а также реформирование системы государственного устройства. Генезис подобных оппозиционно настроенных власти организаций происходил в условиях полного доминирования КПСС, стремившейся к подавлению оппозиции как внешней, так и внутривнутрипартийной, фактического отсутствия традиций политической демократии и гарантий свободной деятельности. Однако оппозиционные организации и партии (Российский

народный фронт, «Авангард», «Гражданская инициатива», «Демократ»; Демократический союз, Демократическая партия России, ЛДПР) всё же получили возможность выражения мнения альтернативного властному.

С распадом СССР и ликвидацией КПСС развитие политической оппозиции происходит в условиях формирования новой конфигурации политических сил, конструирования новой системы государственной власти. Несмотря на фактическое провозглашение демократических принципов, они не были в полной мере нормативно закреплены и легитимизированы. В результате сложился конфликт исполнительной и законодательной ветвей власти, что привело к невозможности оппозиции оказывать влияние на политический курс, проводимый президентом. То есть «тенденция к концентрации власти в руках президента за счет подрыва власти парламента сводила на нет роль последнего, и в конечном итоге логически завершилась по принципу «игры с нулевой суммой»⁴. В данный период наблюдается процесс самоидентификации сегментов политической оппозиции, выразившийся во внутреннем размежевании и формировании множества организаций оппозиционной направленности, каждая из которых стремилась обладать правом говорить от имени общества.

Важной вехой в институционализации политической оппозиции в России явилось принятие Конституции РФ, где, во-первых, несмотря на отсутствие прямого упоминания категории «оппозиция», были заложены её правовые основы. Так, в гл. 1 «Основы конституционного строя» (ст. 13) провозглашается идеологический плюрализм, «политическое многообразие, многопартийность»⁵. В гл. 2, касающейся прав и свобод человека и гражданина, гарантируются: «свобода мысли и слова» (ст. 29), «свобода деятельности общественных объединений» (ст. 30), обеспечивается право на проведение собраний, митингов и демонстраций (ст. 31)⁶. Во-вторых, определен коридор политических возможностей оппозиции и её основных контрагентов, что нашло своё выражение в институциональном дизайне политической системы РФ. Речь идёт о незавершенности процесса социальной трансформации российского общества; элитарности политических партий, угрозе силового воздействия со стороны власти, предопределившей стратегию политической оппозиции, избегающей любых радикальных форм протеста⁷. В-третьих, зафиксирована деградация политических партий, являющихся организационной базой оппозиции, ибо противостояние по линии «власть – оппозиция» происходит не на уровне идеологически-антагонистических политических движений, партий и организаций, а на уровне противостояния политических организаций, институтов представительной власти и субъектов, наделенных полномочиями исполнительной власти.

Период 1993–2000 гг. ознаменовался «бурным развитием всех видов оппозиции в России (схема: «ничего, кроме оппозиции»)⁸. Различные оппозиционные акторы самоорганизовывались, прежде всего, на принципах идеологической идентичности. В их структуре можно было выделить четыре основных идеологических направления: коммунистическое (Коммунистическая партия РФ, Аграрная партия России), демократическое («Яблоко»), либеральное (Демократический выбор России, Союз правых сил), национал-патриотическое (Либерально-демократическая партия РФ). Политическая оппозиция являлась действующим игроком на российской политической арене, активно участвовала в электоральном процессе, обеспечивая свободные и прозрачные выборы. Более того, в период с 1993 по 1999 г. оппозиция доминировала в нижней палате парламента, что доказывает её способность устанавливать определенные правила в своих взаимоотношениях с властью, с которыми последней приходилось во многом считаться. Примером подобной ситуации выступают: последствия октябрьского вотума недоверия 1997 г., в результате которого президент и правительство признали необходимость пересмотра социально-экономической политики; назначение в 1998 г. на пост Председателя Правительства РФ Е. М. Примакова; ситуация с импичментом 1999 г., повлиявшая на уход Б. Н. Ельцина с президентского поста⁹.

Политические реформы начала 2000-х гг., инициированные новым Президентом России В. В. Путиным, во многом изменили правовые, институциональные и идеологические основания политического режима, в том числе структуру российской элиты. За счёт достижения так называемого навязанного консенсуса все сегменты элит, включая парламент, партии, бизнес, СМИ, региональных лидеров, оказались вынуждены либо согласиться со своим подчинённым статусом по отношению к Кремлю, либо лишиться позиций в элите вообще. Таким образом, было одновременно обеспечено повышение интеграции российских элит и снижение их дифференциации¹⁰. Вследствие этого уже к 2003 г. правящая группа обеспечила свое доминирование в политике, так как исчезновение конкурирующих между собой элит, часть из которых оппонировала власти, фактически привело к тому, что политическая оппозиция лишилась своих союзников в элите и, соответственно, значительной части экономической базы своей деятельности. Произошло сужение структуры политических возможностей для оппозиции.

Итоги выборов в Государственную думу РФ 1999 г. носили противоречивый характер для отечественной политической оппозиции: с одной стороны, оппозиционные фракции (КПРФ) по-прежнему занимали ведущие позиции, однако в думе набирала серьёзную силу пропрезидентская фракция движения «Единство». От стратегии про-

тивостояния властным субъектам КПРФ перешло к сотрудничеству с ними, надеясь таким образом извлечь определённые дивиденды, в частности, им удалось сохранить пост председателя нижней палаты парламента. Степень поляризованности их идеологических различий сделала невозможным долгосрочное сотрудничество. Коммунисты отказались поддержать правительственные законопроекты (Земельный и Трудовой кодексы), что привело к лишению их преференций и передаче профильных комитетов другим фракциям (ОВР, СПС, «Регионам России» и «Яблоку»). Играя на противоречиях оппозиции, власть смогла извлечь из них значительную выгоду – оппозиционные партии в Государственной думе РФ сократили свой политический вес, произошло фактическое «вымывание» принципиальной оппозиции в результате ее перехода к полуоппозиции или лояльной оппозиции. Правящая группа лишь тактически нуждалась в союзе с теми или иными оппозиционными акторами, в то время как влияние последних было ограниченным¹¹.

В период становления режима В. В. Путина непоследовательность стратегий оппозиционных акторов привела к уменьшению влияния оппозиции в парламенте, отрицательно сказалась на электоральных перспективах партий, движений, кандидатов оппозиционной направленности в силу того, что они стали трудноотличимы от властных субъектов. Наблюдалось отсутствие прежнего выстраивания политических сил в зависимости от их идеологических пристрастий, то есть политические позиции партий всё в меньшей степени становились зависимыми от идеологических расколов. В системе политических предпочтений россиян произошли серьезные изменения, основательно перекроившие карту политических ориентаций и предпочтений многих акторов политического процесса. Властные субъекты, включая президента, пропрезидентскую партию «Единая Россия», стремились говорить от всего общества в целом.

Одним из важнейших факторов институционального дизайна российской оппозиции данного периода явилось изменение выборного законодательства и принятие в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях»¹², согласно которому единственным типом избирательных объединений на выборы в органы государственной власти стали зарегистрированные в Министерстве юстиции РФ. До 2010 г. в Закон был внесён ряд поправок, которые в значительной степени затруднили общественно-политическим объединениям регистрацию в качестве политических партий. В частности, согласно последней редакции, «политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации», численность не ниже 45 тысяч человек, устав, предусматривающий «ротацию руководителей коллегиальных постоянно действующих руководящих органов

партии и её региональных отделений». Партия, не зарегистрированная в Министерстве юстиции РФ, запрещено публиковать свою программу в официальном печатном органе Правительства РФ – «Российской газете». В 2006 г. вступил в силу Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который изменил порядок выборов, введя пропорциональную систему выборов депутатов нижней палаты парламента, не предусматривал участия в федеральной парламентской кампании предвыборных блоков, повысил порог прохождения с 5 до 7%¹³.

Последствия введения нового законодательства сказались на организационном компоненте отечественной оппозиции, а также на институциональных гарантиях её политической возможности. Итогом явилось начало процесса сегментации оппозиционного поля современной России. Если ранее фактически любая организация оппозиционного характера могла принять участие в избирательных процессах всех уровней и таким образом претендовать если не на доминирование во властной системе, то по крайней мере на участие в её осуществлении или оказание влияния на властные субъекты посредством деятельности в представительных органах власти, то согласно новому законодательству в выборах могли участвовать только акторы, имеющие нормативно закреплённую партийную организацию. Принятие данного законодательства лишило оппозицию одной из основных стратегий (участие в избирательной кампании) и создало возможности для властного манипулирования избирательным процессом, тем самым десубъективировав политическую оппозицию.

Итоги выборов в Государственную думу РФ 2003 и 2007 гг. позволили власти монополизировать не только исполнительные полномочия, но и право фактически единолично принимать законы, подкреплённое доминированием в парламенте «Единой России», имевшей конституционное большинство (67,6%¹⁴ мест в 2003 г. и 70%¹⁵ в 2007 г.). Парламентская оппозиция, испробовавшая разные стратегии взаимодействия с властью, во многом трансформировалась в разряд полуоппозиции различного рода, перейдя от стратегии борьбы к стратегии выживания. Лишь Коммунистическая партия РФ пыталась позиционировать себя как принципиальная оппозиция. Вместе с тем после 2003 г. происходит оформление трёх сегментов отечественной оппозиции: системной, имеющей представительство в органах государственной власти; внесистемной, существующей в виде самостоятельных общественно-политических организаций, не включённых в состав органов власти на федеральном уровне; антисистемной, представленной различными радикальными движениями.

В развитии внесистемной оппозиции в период 2004–2010 гг. можно выделить несколько

важных моментов. Во-первых, изменилось положение двух основных представлявших её партий: «Яблоко» оказалось на грани утраты качеств политического субъекта, в свою очередь, СПС прекратила своё существование как оппозиционная структура и послужила основой для создания лояльной власти организации «Правое дело». Во-вторых, была сделана попытка консолидации внесистемных сил на основе «негативного консенсуса» против Президента РФ и поддерживающей его партии «Единая Россия». В феврале 2010 г. произошло формирование новой партии – Объединённый гражданский фронт, объединившей левые политические оппозиционные силы, не представленные в парламенте, в состав которой вошли незарегистрированная Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов, а также активисты политических организаций Левый фронт, Коммунистическая организация «Искра», Армия воли народа (АВН). В сентябре 2010 г. было объявлено о создании коалиции «За Россию без произвола и коррупции», которая объединила политическую оппозицию правой направленности, в частности Российский народно-демократический союз М. М. Касьянова, Республиканскую партию России В. А. Рыжкова, движение «Солидарность» Б. Е. Немцова и движение «Демократический выбор» В. С. Милова. Данные организации своей целью ставили регистрацию в Министерстве юстиции РФ и дальнейшее участие в избирательном процессе, а до регистрации использовали методы проведения митингов, демонстраций, разоблачающих представителей власти.

Сегмент антисистемной оппозиции до 2003 г. был представлен в основном леворадикальными движениями популистского толка, к которым можно причислить Национал-большевистскую партию Э. В. Лимонова, Авангард красной молодежи (АКМ), националистические организации (Русское национальное единство). После 2003 г. представители прежней системной оппозиции прямо заявили в качестве своей цели демонтаж существующего в России политического режима как недемократического, что говорит о расширении антисистемной оппозиции. На протяжении 2000-х гг. эта часть палитры оппозиционных сил отличалась наибольшей разнородностью представленных в ней организаций как с точки зрения идеологической направленности, так и в плане стремления к созданию единого субъекта, противодействующего политическому режиму. Во второй половине 2000-х гг. попытки лидеров движений, представляющих антисистемную оппозицию, выступить единым фронтом приводят к созданию коалиции «Другая Россия», ставившей своей целью смену существующего политического режима, используя легальные методы политической борьбы. Так, в 2006–2007 гг. была проведена целая серия уличных ненасильственных акций («Марши несогласных»), значительных по

масштабу, но разработка общей идеологической платформы и согласование единого кандидата на президентских выборах 2008 г. потерпели неудачу.

В целом стратегии деятельности как внесистемной, так и антисистемной политической оппозиции не принесли значительных результатов. Первая не смогла добиться победы на федеральных выборах и оказалась вытеснена на периферию политического процесса или трансформировалась в лояльные власти организации. Вторая не смогла решить задачу – делигитимизацию действующей власти и её институтов, прежде всего института выборов.

Проанализировав двадцатилетний период институционализации российской политической оппозиции, можно сделать вывод, что первый этап (1985–1999 гг.) характеризуется обретением оппозицией черт субъекта политики: организационная оформленность, наличие самосознания, выраженного в идеологической программе, стратегии и тактики действий, противодействие власти носило не декоративный характер, властные субъекты были вынуждены считаться с оппозицией и корректировать свою политику. Оппозиция реализовывала свои непосредственные функции в ходе как электоральных процессов, так и политического процесса в целом – была способна артикулировать и агрегировать протестные настроения, мобилизовать население в свою поддержку. Это выражалось в её доминировании в парламенте, посредством деятельности в котором оппозиция была способна донести свою, альтернативную точку зрения, осуществлять функции контроля и конструктивной критики власти.

На втором этапе (2000–2010 гг.) начинается процесс десубъективации отечественной политической оппозиции, что обуславливается сужением институциональных гарантий для реализации политических возможностей, так как она не смогла отстоять право на проведение свободных и честных выборов, доступа к выборным должностям¹⁶. Таким образом, являясь активным участником электоральных процессов 2000-х гг., оппозиция в то же время не смогла мобилизовать своих сторонников и протестный электорат в свою поддержку. Во многом это было связано с президентством В. В. Путина, обретшим значительную популярность у населения. Отечественная оппозиция, фактически конституирующая себя через критику власти, по сути, потеряла объект этой критики, которым были президент и правительство, и перешла к критике друг друга. Иными словами, «непрекращающееся выяснение отношений между российскими политическими силами о том, кто из них более оппозиционен, а кто менее, кто является “настоящей” оппозицией, а кто “карманной”, – превращает оппозиционность из рациональной стратегии акторов в самостоятельную идеологию»¹⁷.

В современных условиях оппозиционность занимает особое место среди явлений соци-

альной реальности отечественного социума. Очевидно, установленная система координат «интенсификация–деинтенсификация» оппозиционной деятельности в современной России определяет конфигурацию внутривнутриполитической стабильности. С одной стороны, она подрывает основы общественного порядка, создает ситуации резкой конфронтации и тем самым дестабилизирует и нарушает весь ход общественной жизни. Другими словами, появившиеся в среде оппозиционеров значимые субъекты способны к артикуляции и агрегированию массовых настроений, а также их мобилизации на акции различного свойства, позволяющие оказывать воздействие на характер политического курса, проводимого в стране. С другой – способствует расширению спектра политических ориентаций граждан, но противоречивость стратегий, реализуемых оппозицией, привела к деидеологизации российского политического поля. Таким образом, внутривнутриполитическая стабильность отечественного социума зависит от идентификации политической оппозиции в системе государственной власти.

Вместе с тем необходимым условием достижения политической стабильности выступает согласование интересов всех компонентов политической системы общества, поддержка действующего политического режима. Фактором элитной поддержки выступает степень социально-экономического развития, которая определяет объем ресурсов, подлежащих перераспределению между различными объединениями людей. Поддержка властей массами состоит в принятии большинством населения ценностей, на которые имплицитно или эксплицитно опирается конкретная политическая система социальных и политических норм, определяющих поведение политических лидеров, структур власти и политической оппозиции.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-33-00367а2).

Примечания

- ¹ См.: Галкин А. А. Буржуазное общество в поисках стабильности. М., 1991. С. 34.
- ² См.: Ахиезер А. С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 45–46.
- ³ См.: Мусина Л. М. Политическая оппозиция в постсоветской России : этапы и особенности становления : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2005.
- ⁴ Гельман В. Я. Оппозиция в России : жизнь после смерти. URL: <http://www.66.ru/club/189/blog/13728/> (дата обращения: 23.04.2012).
- ⁵ Конституция Российской Федерации Глава I. Основы конституционного строя. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 12.04.2012).
- ⁶ Конституция Российской Федерации Глава II. Права и свободы человека и гражданина. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 12.04.2012).
- ⁷ См.: Борисенко А. В. Становление и развитие политической оппозиции в современной России : общефедеральные черты и региональные особенности : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008.
- ⁸ Гельман В. Я. Оппозиция в России : вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 57.
- ⁹ См.: Харламова Ю. В. Государственная дума в политической системе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
- ¹⁰ См.: Гельман В. Я. Оппозиция в России : вымирающий вид? С. 57.
- ¹¹ См.: Зудин А. Союз правых сил // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфол, Н. Петрова, А. Рябова. М., 2000. С. 180.
- ¹² См.: Федеральный закон РФ «О политических партиях» (с изменениями и поправками) от 11.07.2001 г. № 95. URL: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения: 13.04.2012).
- ¹³ См.: Федеральный закон РФ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 г. № 51. URL: <http://www.rg.ru/2005/05/24/vybozy-doc.html> (дата обращения: 13.04.2012).
- ¹⁴ Архив ЦИК РФ «Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва (2003 года)». URL: <http://gd2003.cikrf.ru/> (дата обращения: 13.04.2012).
- ¹⁵ Материалы ЦИК РФ «Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года». URL: http://cikrf.ru/banners/elect_duma/results/index.html (дата обращения: 13.04.2012).
- ¹⁶ См.: Даль Р. Режимы и оппозиции // Трансформация в России : политический режим и демократическая оппозиция / под ред. В. Я. Гельман. М., 1999. С. 88.
- ¹⁷ Большаков И. В. Несистемная оппозиция. Терминологическая «ошибка» или политическая реальность? // Свободная мысль. 2011. № 3. С. 109.

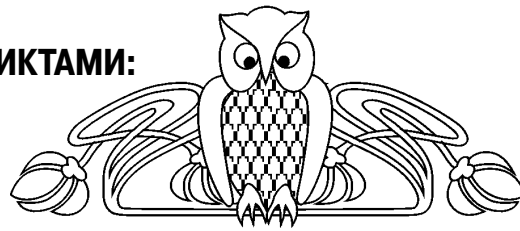

УДК 327.56

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ: СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕННОСТЕЙ

А. В. Манойло

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования перспективных направлений модернизации теории управления международными конфликтами, основанной на ценностном подходе и культурно-цивилизационной парадигме. В результате сравнительного анализа англосаксонской, романо-германской, восточноазиатской и ближневосточной моделей управления конфликтами установлено, что такая система не является полной и скомпенсированной. Это порождает определенные проблемы в использовании данных моделей в современных миротворческих операциях, что требует модернизации культурно-цивилизационной парадигмы и выдвигает новые требования к российской цивилизационной модели управления международными конфликтами.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, политические конфликты, управление конфликтами, столкновение цивилизаций, политические технологии, психологические операции.

Management of International Conflicts: Balance of Interests and Values

A. V. Manoylo

The paper presents the results of a study of perspective directions of modernization theory of management of international conflict, based on the value approach and the cultural-civilizational paradigm. A comparative analysis of the Anglo-Saxon, Roman-German, East Asian and Middle Eastern models of conflict management determined that the system is not complete and compensated. This gives rise to some problems in the use of these models in modern peacekeeping operations, which requires upgrading of cultural and civilizational paradigms and new demands to the Russian civilizational model of management of international conflict.

Key words: world politics, international relations, political conflicts, conflict management, clash of civilizations, political technologies, psychological operations.

Современная модернизация политической картины мира, захватившая и Россию, характеризуется тремя основными факторами: множеством конфликтов и огромным разнообразием их форм; высокой скоростью распространения изменений благодаря процессам современной глобализации; нарастающей хаотизацией международных отношений. Несмотря на завершение глобального противостояния, в современном мире общее количество международных и внутривосточных конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые формы (конфликты ценностей), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии; на смену национально-освободительным войнам

против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов¹. При этом международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов – России, США, Китая, ЕС, и одновременно полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Вместе с тем в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, продвигающей свою систему ценностей, что позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на транснациональном, ценностном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (так называемые институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия на систему ценностей и мировоззрение конфликтующих сторон. Этих моделей сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская.

Англосаксонская модель основана на разрешении конфликтов на базе полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее, своего оппо-

нента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарная интервенция», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатная революция», «психологическая война»). Англосаксонская модель базируется на протестантском мировоззрении и этике успешности, полезности конечного результата.

Восточноазиатская модель исходит из цели разрешения конфликтной ситуации в постепенном, длительном встраивании (интеграции) политических систем и ценностей конфликтующих сторон, оппонентов в собственную систему политических отношений (например, тайваньская проблема, «возвращение» Гонконга: «одна страна – две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников. Известно исчезновение целых народов, этнических групп в Китае в результате длительной ассимиляции (маньчжуры, динлины – таштыкская культура, и другие «варвары»).

В ближневосточной (исламской) модели процесс разрешения конфликтов основывается на переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламских принципов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который включает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру. В шиитской ветви ислама, господствующей в Иране, в целом отсутствуют призывы к джихаду против «неверных».

Романо-германская модель, основанная на своей цивилизационной, политической этике, отягощена стереотипами, набором «общепринятых» или общеобязательных этических представлений, не всегда совпадающих с представлениями других цивилизаций. Поэтому, например, трудны диалоги как французов, так и немцев с китайцами. В этой связи романо-германская модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников преимущественно принятием устоявшихся в этой цивилизации господствующих этических норм и стереотипов. Эта модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их

воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

Каждая из мировых культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира и системой ценностей. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; общий упадок институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности.

Современные международные конфликты, носящие характер столкновения систем ценностей различных мировых цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология ценностного управления конфликтами сегодня активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного и культурно-ценностного противостояния в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямого и скорейшего разрешения. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике неинтересен и невыгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитического перевеса в данном регионе ни одной из великих держав. Ценность «мирного разрешения» отходит на второй план и заменяется новыми ценностными ориентирами – «политической необходимостью» и «политической целесообразностью», продвигаемыми западной (в основном англосаксонской) идеологией и политической пропагандой.

Однако смена базовых ценностей и самого характера целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного потенциала, стимулирующему

множественности конфликтов, их массовому замораживанию в результате современной «миротворческой» деятельности и прямой опасности срабатывания кумулятивного эффекта – одновременного спонтанного размораживания указанных конфликтов, в перспективе.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфликтами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных ценностях и традициях. Эти ценности у представителей разных цивилизаций заметно различаются, даже если сравнивать между собой англосаксонские страны (США, Великобританию) и страны романо-германского мира (Западную Европу), принадлежащие одной западной культурной традиции. Поэтому говорить об универсальности ценностей сегодня как минимум преждевременно. Помимо англосаксонской модели управления конфликтами свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все данные модели еще находятся в стадии бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Однако этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент.

Каждая из четырех доминирующих сегодня в мире моделей управления конфликтами (англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская) стремится преобразовать системы ценностей участников конфликта в соответствии с собственной системой ценностей, считающейся представителями этой модели наилучшей и наиболее совершенной. Ни одна из них не предусматривает свободы выбора стороны участников конфликта и принципа состязательности среди самих моделей в борьбе за право разрешить конфликт: везде речь идет исключительно о цивилизаторской миссии и управлении «втемную». Это со временем неизбежно приведет к жесткой конкуренции между моделями и отвлечению внимания от собственно проблемы мирного разрешения конфликтов. На фоне этого соперничества в систему уже существующих мировых моделей управления конфликтами обязательно должен войти новый компонент, предусматривающий для участников конфликтов добровольный выбор между моделями на основе наилучшей альтернативы и соответствующие гарантии реализации права этого выбора. Такой моделью может стать российская цивилизационная модель, поскольку принципы альтернативности близки российской практике разрешения политических конфликтов.

Россия сегодня возвращается в мировую политику в качестве ключевого игрока и как никогда заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически значимых регионах земного шара, в которых протекают наиболее опасные международные конфликты. Возвращение России в эти регионы в виде миротворца – вопрос не только экономической целесообразности, но и международного престижа. К тому же Россия имеет обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ, востребованный в современных условиях. Однако помимо опыта ключевым условием успешности России в управлении международными конфликтами является наличие собственной культурно-цивилизационной модели, основанной на национальных технологиях воздействия на системы ценностей конфликтующих сторон. Только выработка собственной модели управления конфликтами позволит России занять достойное место среди уже утвердившихся на этом поле внешнеполитических игроков, каждый из которых в управлении международными конфликтами опирается на собственную ценностную, культурно-цивилизационную парадигму. При этом российская модель должна не дублировать уже существующие западные или восточные аналоги, а предлагать участникам конфликтов достойную и наилучшую альтернативу.

В отличие от ведущих евроатлантических моделей (англосаксонской и романо-германской) российская культурно-цивилизационная модель управления конфликтами рассматривает процесс психологического воздействия на конфликты как процесс цивилизаторской модернизации существующей картины мира. Конфликты в рамках российской концепции воспринимаются не только как цивилизационные разломы и точки столкновения, проявления антагонизма различных цивилизаций, но и как «плавильные котлы» для идеологических концепций, претендующих на управление современным миром; как медиа-повод для залповых выбросов на целевые аудитории и закрепления в их сознании ценностей и установок российской национальной модели, а также внедрения новых форм и практики социального, политического поведения в мировой политике.

Основное отличие от англосаксонской модели состоит в том, что российская модель предлагает собственное ценностное видение мирного разрешения международных конфликтов, выступающее в качестве наилучшей альтернативы в конкретных сложившихся условиях. Она не навязывает собственное мировоззрение и стремится к тому, чтобы участники конфликта сами сделали сознательный выбор в пользу российской модели и ее системы ценностей, добровольно и без принуждения. Такая практика оправдана как в ближней, так и в отдаленной перспективе развития международных отношений: «демократические шаблоны» политического поведения англосаксов, принудительно навязанные

участникам конфликта, нуждаются в постоянной внешней силовой поддержке и перестают действовать, как только этот фактор силы исчезает. Следовательно, их эффект недолговечен и не способен качественно изменить конфликтную ситуацию, а тем более сохранить эти изменения в течение продолжительного времени.

Основное отличие от романо-германской модели состоит в том, что российская модель видит разрешение конфликтов в политической модернизации всей системы международных отношений, как на региональном, так и на глобальном уровне. Напротив, романо-германская модель оперирует

УДК 320:316.346.2

РЕАЛИЗАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

О. Г. Овчарова

Государственный специализированный институт искусств, Москва
E-mail: ovcharovao@ya.ru

В статье анализируется познавательная ценность биографического метода, реализуемого в гендерных политических исследованиях. Обосновывается вывод о возможности системного изучения социальных и исторических условий, конструирующих/реконструирующих гендерную асимметрию власти при помощи исследования конкретного жизнеописания.

Ключевые слова: биографии/я, биографический метод, гендерная политология, историческая память, альтернативный жизненный опыт.

Realization Biographical Method in Gender Political Science

O. G. Ovcharova

In this article the author considers educational value of the biographical method, implemented in a gender political research. The conclusion about the possibility of studying the social and historical conditions, construct / reconstruct the gender asymmetry of power by investigating the particular life story.

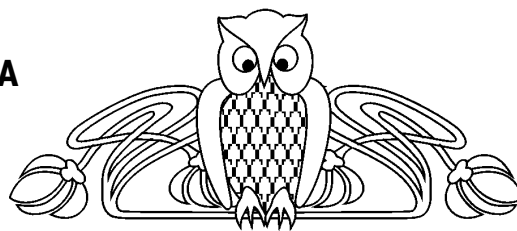
Key words: biography, biographical method, gender political science, historical memory, alternative experience.

В настоящее время биографический метод получает все большее распространение в отечественных политических исследованиях. Так, специалисты в области истории политических учений, в силу специфики предмета своей науки¹ достаточно часто использующие потенциал этого метода, указывают на следующие причины его научной ценности: «...основополагающую роль в истории социально-политических учений России вплоть до XX века, когда политическая наука стала получать более или менее широкое институциональное воплощение, играла личность мыслителя, которая всегда отражалась (и отражается) в его теоретических трудах. Поэтому, наряду с изучением логики познавательного процесса

образом и восприятием конфликта в глазах его участников, ведущих акторов международных отношений и мирового сообщества в целом, добиваясь при этом конкретных результатов, однако не приводящих к революционным процессам политической модернизации системы международных отношений в целом.

Приложения

¹ См.: Кременюк В. А. Современный международный конфликт : проблемы управления // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 1.

(филиации идей и т. п.), значительное место в истории социально-политической мысли занимает изучение комплекса факторов, связанных с обстоятельствами жизни и свойствами личности того или иного мыслителя»². Политические психологи, ориентируясь на мнение Г. Лассвела о том, что «политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел», подчеркивают важность исторических и современных трудов в жанре биографий при изучении феномена политического лидерства. «Психобиографические подходы позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и увидеть в отдельном политике проявление определенного типа политической культуры»³. Политические социологи считают результаты исследований политической жизни, полученные с использованием биографического метода, значительными⁴.

Следовательно, можно говорить о том, что популярность применения биографического метода обеспечивается его познавательной спецификой. С одной стороны, политологи в состоянии увидеть личностные черты того или иного политического актора, оказавшего влияние на развитие конкретных политических процессов, а с другой – сквозь призму уникальности личности и жизнедеятельности политика исследователи получают возможность проанализировать социально- и культурно-политический контекст, в пределах которого формировались моральные, политические и деловые качества человека, отражающиеся в его политической практике.

В настоящей статье осуществлена попытка анализа функциональности биографического метода в молодой, но активно развивающейся

участникам конфликта, нуждаются в постоянной внешней силовой поддержке и перестают действовать, как только этот фактор силы исчезает. Следовательно, их эффект недолговечен и не способен качественно изменить конфликтную ситуацию, а тем более сохранить эти изменения в течение продолжительного времени.

Основное отличие от романо-германской модели состоит в том, что российская модель видит разрешение конфликтов в политической модернизации всей системы международных отношений, как на региональном, так и на глобальном уровне. Напротив, романо-германская модель оперирует

УДК 320:316.346.2

РЕАЛИЗАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

О. Г. Овчарова

Государственный специализированный институт искусств, Москва
E-mail: ovcharovao@ya.ru

В статье анализируется познавательная ценность биографического метода, реализуемого в гендерных политических исследованиях. Обосновывается вывод о возможности системного изучения социальных и исторических условий, конструирующих/реконструирующих гендерную асимметрию власти при помощи исследования конкретного жизнеописания.

Ключевые слова: биографии/я, биографический метод, гендерная политология, историческая память, альтернативный жизненный опыт.

Realization Biographical Method in Gender Political Science

O. G. Ovcharova

In this article the author considers educational value of the biographical method, implemented in a gender political research. The conclusion about the possibility of studying the social and historical conditions, construct / reconstruct the gender asymmetry of power by investigating the particular life story.

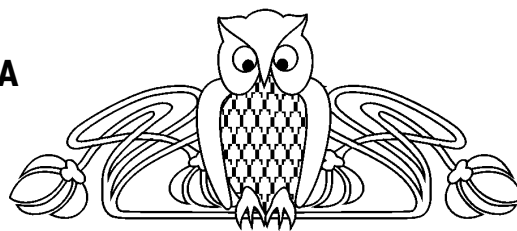
Key words: biography, biographical method, gender political science, historical memory, alternative experience.

В настоящее время биографический метод получает все большее распространение в отечественных политических исследованиях. Так, специалисты в области истории политических учений, в силу специфики предмета своей науки¹ достаточно часто использующие потенциал этого метода, указывают на следующие причины его научной ценности: «...основополагающую роль в истории социально-политических учений России вплоть до XX века, когда политическая наука стала получать более или менее широкое институциональное воплощение, играла личность мыслителя, которая всегда отражалась (и отражается) в его теоретических трудах. Поэтому, наряду с изучением логики познавательного процесса

образом и восприятием конфликта в глазах его участников, ведущих акторов международных отношений и мирового сообщества в целом, добиваясь при этом конкретных результатов, однако не приводящих к революционным процессам политической модернизации системы международных отношений в целом.

Приложения

¹ См.: Кременюк В. А. Современный международный конфликт : проблемы управления // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 1.

(филиации идей и т. п.), значительное место в истории социально-политической мысли занимает изучение комплекса факторов, связанных с обстоятельствами жизни и свойствами личности того или иного мыслителя»². Политические психологи, ориентируясь на мнение Г. Лассвела о том, что «политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел», подчеркивают важность исторических и современных трудов в жанре биографий при изучении феномена политического лидерства. «Психобиографические подходы позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и увидеть в отдельном политике проявление определенного типа политической культуры»³. Политические социологи считают результаты исследований политической жизни, полученные с использованием биографического метода, значительными⁴.

Следовательно, можно говорить о том, что популярность применения биографического метода обеспечивается его познавательной спецификой. С одной стороны, политологи в состоянии увидеть личностные черты того или иного политического актора, оказавшего влияние на развитие конкретных политических процессов, а с другой – сквозь призму уникальности личности и жизнедеятельности политика исследователи получают возможность проанализировать социально- и культурно-политический контекст, в пределах которого формировались моральные, политические и деловые качества человека, отражающиеся в его политической практике.

В настоящей статье осуществлена попытка анализа функциональности биографического метода в молодой, но активно развивающейся

отрасли политологии – гендерной политологии. Поскольку ее исследовательские ориентиры направлены на рефлексию возникновения, воспроизводства и нейтрализации факторов, обуславливающих гендерную асимметрию в сфере власти, обращение этой области знаний к изучению индивидуального и социального опыта женщин-политиков, а также условий его формирования и влияния на политические практики представляется обоснованным и целесообразным.

Прежде чем приступить к реализации поставленной цели, необходимо уточнить значение ключевых понятий работы: «биография» и «биографический метод» и представить ее логику.

На наш взгляд, в самом общем виде под биографией в данном исследовании следует понимать ее распространенную энциклопедическую интерпретацию: биография (жизнеописание) – это источник первичной информации, позволяющий выявить тип личности в социальном, национальном и историческом контекстах. Поскольку система гендерных отношений – исторически и социально конструируемый феномен, нас будут более интересовать при анализе биографий первый и третий из заявленных контекстов.

Кратко поясним сказанное выше. Система гендерных отношений повсеместно, во всех обществах, и в российском в том числе, формировалась исторически. Согласно ее формату – «мужское-женское / общественное-частное / доминирование-подчинение» – политика выступала и выступает до сих пор преимущественно мужской элитарной деятельностью, на участие в которой амбиции женщин должны быть направлены в меньшей степени. Один из элементов гендерной системы – гендерные нормы легитимности такой дихотомии – являлся/ется механизмом, перманентно возобновляющим ее действие, ориентируя мужчин и женщин «населить» довольно различные социальные миры в рамках общества⁵. Механизмом воспроизводства и одновременно фактором социального одобрения традиционных гендерных норм выступает историческая память общества – совокупность знаний и массовых представлений социума об общем прошлом⁶, воспроизводящая образцы конвенциональных гендерных норм в настоящем.

Принимая во внимание устойчивость исторической памяти, ее можно рассматривать как социальную детерминанту воспроизводства гендерных отношений и, соответственно, гендерной асимметрии политики. Проблема в данном случае видится в том, что время не обеспечило кардинальных перемен ментальности: на фоне рассуждений о том, что количество женщин во власти должно увеличиваться, а следовательно, процессы равноправия должны развиваться, россияне сохраняют субъективные представления о гендерных ролях в формате «большой мир принадлежит мужчине».

Вместе с тем привычные нормы исторической памяти могут блокироваться (при наличии за-

интересованных в изменениях акторов и системы специальных социально-политических мер по ее трансформации) или же изменяться со временем⁷. Иными словами, традиционные «места памяти» (по П. Нора) в состоянии заполниться иными вариантами правил, по которым действуют акторы. На вероятность этого указывает и такое качество исторической памяти, как избирательность: «...вспоминание связано с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое. Это та сторона памяти, при помощи которой мы осознанно восстанавливаем образы прошлого, выбирая то, что подходит нуждам сегодняшней ситуации»⁸.

В таком контексте представим еще одно рабочее определение понятия «биография», присутствующее в авторитетных работах Ю. М. Лотмана. Биография и биографический дискурс у Лотмана погружены, среди прочего, в исследование «историко-культурной памяти, механизмов культурного поведения, трансляции культурных смыслов в их сложном взаимопереплетении с индивидуальной памятью и индивидуально-личностным смыслообразованием»⁹. Так же важным в нашей работе становятся выводы ученого о трансформации культурно-исторической памяти в ходе биографического осмысления, позволяющего «оглянуться назад» и преобразовать в сознании привычные события или процессы. «Культурная память устроена двояко: она фиксирует правила (структуры) и нарушения правил (события). Первые абстрактны как нормы, вторые конкретны и имеют человеческие имена. Такова разница между предписанием закона и строками хроники. Из последней родится биография...»¹⁰

Итак. Вплетаемость и биографий, и исторической памяти в ткань социального сознания (и различных его составляющих) указывает на взаимосвязь между ними. Последняя заключается, с одной стороны, в отражении в сознании уникальной человеческой личности исторической памяти того социума, в пределах которого эта личность формировалась («внутренняя социальность» по М. Бахтину), а с другой – во влиянии жизнеописаний на формирование исторической памяти о тех событиях, участником которых был биографический персонаж. Вместе с этим вероятна и противоположная взаимосвязь: альтернативный жизненный опыт, представленный в той или иной биографии, в состоянии трансформировать историческую память, которая, как и все ментальные феномены, медленно, но все же реагирует на вызовы.

Говоря подробнее о биографическом методе, следует согласиться с тем утверждением, что он «относится к той области научного знания, которую можно назвать “междисциплинарным пространством” или “общеметодологическим арсеналом”». Биографический метод одновременно исторический, генетический, психологический, антропологический, герменевтический, социологический и культурологический»¹¹. Отметим, что гендерные

исследования и непосредственно гендерная политология также междисциплинарны. Социальное конструирование пола, дифференциация мужской и женской деятельности, гендерные нормы поведения и т. д. присутствуют в разнообразных сферах общества, безусловно, пересекающихся, и, соответственно, изучаются методами различных наук. Причем как на уровне осмысления частных проблем, так и на уровне обоснования гендерного неравенства в социуме в целом.

Таким образом, биографический метод в гендерной политологии позволяет обнаружить комплекс социальных и исторических условий, конструирующих/реконструирующих асимметрию власти по признаку пола и историческую память об этом феномене. И с этой позиции биографический метод выступает более не как комплекс методов, а как методология – мировоззренческая концепция, которую исследователь может увидеть в том или ином жизненном пути, выделяя из текста контекст.

Проиллюстрируем сказанное с помощью обращения к разновидностям биографического метода, выработанным в пределах различных наук.

Большой потенциал содержит персональная (биографическая) история. Ее методология дает возможность увидеть способы и последствия преодоления социальных ограничений женщинами, участвующими в политике, в отсутствии юридического права на это, а главное – тот политический опыт, который позволяла им приобрести система гендерной иерархии. В этом случае речь идет об анализе биографических материалов женщин-правительниц; женщин, не обладающих легальной возможностью, но имеющих неофициальные доступы к политике (фаворитизм, принадлежность к монаршей семье и церкви, женские социальные сети); женщин, попытавшихся переступить черту социально дозволенного и открыто заниматься политикой и выражать противоречащие общепринятым мнения¹². Итак, биографии этих персонажей позволяют засвидетельствовать реальное политическое участие женщин; выявить модели поведения женщин-политиков, обязанных «принимать во внимание свой пол»; охарактеризовать общественную реакцию на нарушение конфигурации гендерной асимметрии власти; обнаружить классовый состав первых феминисток и разницу в требованиях равноправия, выдвигаемых соответственно притязаниям, определенным социальным статусом; показать влияние/отсутствие влияния деятельности женщин на трансформацию исторической памяти.

Значение роли женщин в решении государственных вопросов в додемократическом времени ярко демонстрирует, например, биография княгини Д. Х. Ливен, выдающейся русской женщины-политика (в контексте своей исторической эпохи)¹³.

Важное значение имеют и биографии женщин-политиков демократического периода. Помимо информации о мотивах занятия политикой и

каналах вхождения во власть, кроме материалов о результатах деятельности исследователь получает возможность обнаружить и проинтерпретировать механизмы нейтрализации женщинами проявлений гендерных стереотипов как со стороны коллег-мужчин, так и со стороны общественного мнения. При этом истории жизни современных женщин-политиков отражают их практическое умение конструировать поведенческие и имиджевые стратегии, которое приобреталось, воспроизводилось и изменялось в процессе индивидуального биографического опыта, накопленного в условиях гендерных традиций. Иными словами, изучая жизнеописание женщин-политиков, можно заметить, что «особенности индивидуальной биографии определяются уникальными возможностями выбора, которые имеются в судьбе каждого человека»¹⁴. Нельзя не сказать и о том, что биографии женщин-политиков в состоянии стать «историей успеха» личности в конкретных политических условиях. Также обстоятельства жизни помогают узнать о способах выживания в тех или иных жизненных ситуациях, индивидуальных и социальных кризисах, раскрыть психологические черты, ценностные ориентации женщин, реализующих свой потенциал в сфере власти¹⁵.

Заметим, что весьма продуктивным может оказаться анализ биографий политиков-мужчин. Последние предлагают новую, порой альтернативную общепринятой, оценку личностных качеств своих коллег, складывающуюся на основе как рабочих, так и дружеских контактов. К примеру, в мемуарах Е. М. Примакова экс-госсекретарь США М. Олбрайт показана в нехарактерном для сложившегося в общественном восприятии «Леди Сталь» феминном образе¹⁶.

Безусловными примерами демонстрации ценностей гендерного равенства выступают биографии такого значимого исторического промежутка, как Великая Отечественная война. Исполнение женщинами публичных ролей (на фронте), практика сочетания ими и частных, и публичных ролей (в тылу) не столько свидетельствуют о возможности перехода женщинами границ гендерных норм, сколько подтверждают конструирование последних на основе разделения деятельности и полученного в ее результате социального опыта. Иными словами, в обществе, где присутствует поляризация «мужчина/война – женщина/мир», гендерная иерархия усиливается¹⁷, и в таком контексте направленность практик военного времени – гендерное равенство, версии которого в состоянии сложиться и во времени мирном.

Несмотря на то, что проблематика «женщины в Великой Отечественной войне» отмечена заметным количеством работ биографического жанра, носителей информации о войне, ветеранов, остается с каждым годом все меньше и меньше, и многие сведения эти люди, как правило, обладающие выдающейся скромностью, «уносят» с собой. Этот фактор позволяет увидеть значимый

потенциал в таком биографическом методе, как оперативное историко-биографическое исследование. «Оно ориентировано на изучение биографий людей, чей жизненный путь уже завершен, и значение этих поисков видится... в том, чтобы сейчас, пока живы ... люди, знавшие их, собрать информацию, которая может исчезнуть в обозримом будущем»¹⁸.

Таким образом, реализация биографического метода в гендерной политологии позволяет осмыслить с новых позиций ряд политических практик. Прежде всего, увидеть политику прошлого как действующую в пределах не априорно заданной системы традиционных гендерных отношений. Отрефлексировать изменяющиеся критерии социального стандарта личностных качеств актора политической деятельности при выяснении причин, повлиявших на развитие политической карьеры у женщин. Квинтэссенцией результативности биографического метода выступает возможность детальной разработки схемы гендерной асимметрии политики в ее ретроспективном виде как через отражение в личной судьбе, так и через понимание социально-политического и культурного контекста исследуемого времени.

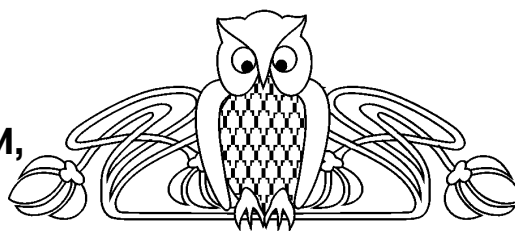
Примечания

- ¹ В предмете ИПУ «тесно переплетены идеи, институты и люди» (*Шириняц А. А.* История социально-политической мысли России как предмет изучения. URL: <http://www.articles.excelion.ru/science/history/world/30058762.html> (дата обращения: 10.09.2012)).
- ² Там же.
- ³ *Шестопал Е. Б.* Политическая психология. М., 2010. С. 326.
- ⁴ См.: Политическая социология / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2012. С. 100.
- ⁵ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 270.
- ⁶ См.: *Репина Л. П.* От редактора // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 9–10.
- ⁷ Подробнее см.: *Овчарова О. Г.* Преодоление институциональных ограничений гендерного неравенства : трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России : воспроизводство и трансформация социального порядка / ред. кол.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М., 2011. С. 244–260.
- ⁸ *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 23.
- ⁹ *Голубович И. В.* Биография : силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса, 2008. URL: <http://www.philosoph.onu.edu.ua/elb/article> (дата обращения: 10.09.2012).
- ¹⁰ *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора). URL: <http://www.artchka.agava.ru/statyi/teoriya/lotman/lotman28.html> (дата обращения: 10.09.2012).
- ¹¹ *Беспалова Ю. М.* Биографические исследования в социологии культуры. URL: http://www.cdclv.unlv.edu/archives/articles/bespalova_bio_studies.html (дата обращения: 24.09.2012).
- ¹² См.: *Репина Л. П.* Гендерная иерархия и «власть женщин» : индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований : сб. материалов : в 2 ч. / сост. Н. Ю. Фетисова. М., 2006. Ч. 1. С. 173.
- ¹³ См.: *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.
- ¹⁴ *Ярская-Смирнова Е.* Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2002. С. 2.
- ¹⁵ См. например: *Чирикова А. Е., Латина Н. Ю.* Женщина-руководитель во власти и бизнесе : социально-психологический портрет // Политекс. 2011. Т. 7, № 1. С. 142–162.
- ¹⁶ См.: *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М., 1999.
- ¹⁷ См.: *Тикнер Дж. Э.* Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. под ред. Д. И. Польванного. М., 2006. С. 143–145.
- ¹⁸ *Докторов Б.* Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 14. В качестве примера реализации такого метода для анализа «истории жизни» женщин мирного времени можно привести биографии политика Г. Старовойтовой, написанные и опубликованные после ее гибели (см.: URL: <http://www.starovoitova.ru/rus/main.php?i=2&s=1> (дата обращения: 14.10.2012)).

УДК [327:070] (470+571+73+479.22)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В АВСТРАЛИИ, КАНАДЕ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Б. Л. Бенойт

Университет Огайо (США)
E-mail: benoitw@ohio.edu

В данной работе исследуются особенности освещения средствами массовой информации предвыборных дебатов в Австралии, Канаде и Великобритании. В качестве основного метода анализа автор использует функциональную теорию политического дискурса избирательных кампаний. В работе приводятся данные контент-анализа газетных материалов, посвященных дебатам, а также осуществляется сравнительный анализ содержания самих предвыборных дискуссий политиков указанных государств и того, как эти дискуссии освещались в СМИ.

Ключевые слова: функциональная теория, одобрение, политические нападки, личность политика, предвыборные дебаты, газетные материалы, Австралия, Канада, Великобритания.

News Coverage of Political Campaign Debates in Australia, Canada, and the UK

W. L. Benoit

This study uses the functional theory of political campaign discourse to investigate news coverage of election debates. Existing research has applied functional theory to political leaders' debates in Australia, Canada and the UK. This study reports data from content analysis of newspaper stories on these debates, allowing comparison of the content of debates with the content of news coverage of debates.

Key words: functional theory, acclaims, attacks policy, character, election debates, newspaper stories, Australia, Canada, United Kingdom.

Исторически так сложилось, что газеты являются важным источником получения информации о политических лидерах. Так, Т. Хулихан полагает, что «граждане получают всеохватывающую и независимую информацию о ходе избирательных кампаний, решениях политических вопросов и реализации государственной политики преимущественно из региональных ежедневных газет»¹. При этом масс-медиа способны расширить представление аудитории о кандидатах и дать собственную трактовку тем позициям, которые политики публично высказывают по тем или иным вопросам развития государства. Тем самым СМИ в определенной степени понижают степень предвзятости транслируемой кандидатами информации. Хотя, с другой стороны, своими комментариями и оценками иногда сами журналисты способны привнести в материал изрядную долю субъективизма. Данное

обстоятельство становится особенно важным, если учесть тот факт, что некоторые избиратели предпочитают получать информацию о кандидатах и их программах не из «первых уст» (то есть читая их официальные заявления, выступления или наблюдая за трансляциями дебатов), а в изложении СМИ.

В своем «Исследовании национальных выборов» Г. Хансен обосновал тезис о том, что газеты, как правило, читают люди с уровнем образования выше среднего². Кроме всего прочего, читательская аудитория газет, несомненно, является очень важной составной частью корпуса избирателей. Согласно данным, приведенным в названном исследовании, читатели газет охотнее, чем те, кто газет не читают, принимают участие в выборах ($\chi^2[df = 1] = 101,93, p < 0,0001, \phi = 0,26$). Таким образом, можно констатировать, что люди, предпочитающие получать информацию из газет, оказывают большее влияние на исход выборов, чем те, кто к печатной прессе равнодушен.

Дебаты стали чрезвычайно важной составной частью избирательных кампаний³. Учитывая страсти, обычно кипящие в ходе непосредственного общения кандидатов друг с другом, совсем не удивительно, что газеты уделяют дебатам так много внимания. Однако при этом особую важность приобретает вопрос о том, насколько точно и объективно масс-медиа отображают само существо и содержание дискуссий между кандидатами. Т. Петтерсон писал по этому поводу так: «Новости в изложении СМИ не являются зеркальным отражением происходящего в обществе, это выборочное и субъективное изложение фактов, имевших место быть в реальности»⁴. В этой связи у тех, кто смотрит трансляции дебатов, восприятие данного события во многом находится под влиянием того, каким образом дебаты преподносятся масс-медиа.

С. Ким, Д. Шойфель и Дж. Шэнахан обнаружили прямую зависимость между объемом внимания к освещению дебатов в прессе и знанием позиций кандидатов по тем или иным политическим вопросам⁵. Избиратели, регулярно отслеживавшие освещение избирательных кампаний в прессе, делали свой электоральный выбор более осознанно – отталкиваясь от программы конкретного политика. К. Кендалл высказала мысль о том, что «существует множество доказательств влияния, оказываемого на избирателей средствами массовой информации, освещающими

и определенным образом интерпретирующими дебаты»⁶. С. Хельвег, М. Пфау и С. Брайдон сделали аналогичный вывод о «воздействии на зрителя, осуществляемом журналистами, комментирующими дебаты»⁷. По мнению М. Росса, проведенные исследования подтверждают, что объем внимания, уделяемого СМИ кандидатам, и тональность газетных публикаций о предвыборных баталиях влияют на восприятие читателями участников электоральной гонки⁸.

Необходимо отметить, что, несмотря на постоянный рост значения Интернета, газеты сегодня по-прежнему остаются важным источником информации о политических процессах – особенно, если учесть тот факт, что все больше изданий существуют теперь не только в печатной, но и в электронной версиях.

Значительное количество исследований было посвящено изучению освещения президентских кампаний в целом. Так, в одних работах рассматривались особенности телевизионных репортажей о предвыборных баталиях⁹, в других – события в рамках периода праймериз¹⁰, в третьих – основной этап избирательной гонки¹¹. Кроме этого, анализировались также кампании по выборам членов парламентов и прочих должностных лиц США¹² и Великобритании¹³.

Функциональная теория изучения дискурса политических кампаний¹⁴ предлагает рассматривать акты коммуникации участников предвыборных гонок в двух измерениях.

Во-первых, в соответствии с данной теорией все заявления кандидатов так или иначе выполняют одну из трех функций, условно названных нами так:

- «одобрение» (выражается в позитивных отзывах о чьей-либо деятельности);
- «нападки» (критика оппонента);
- «защита» (от нападков других кандидатов).

Во-вторых, все заявления, озвучиваемые в ходе избирательной кампании, по своему содержанию касаются одной из следующих тем:

- «политика» (деятельность власти или вопросы, решить которые предполагается при помощи государственных структур);
- «личности» (все, что касается личностей кандидатов).

Б. Бенойт, К. Хеммер и К. Стейн применили данную теорию к анализу освещения газетами праймериз президентских кампаний в США с 1952 по 2004 г.¹⁵ В результате выяснилось, что 42% газетных публикаций фокусировались на так называемых «нападках» кандидатов друг на друга. Обращает на себя внимание тот факт, что эта доля (42%) гораздо больше той, которую занимали «нападки» в телевизионной рекламе участников избирательной кампании (там удельный вес подобных материалов составил 29%), в предвыборных дебатах (35%) или в прямой почтовой агитационной рассылке (15%). Что же касается соотношения тематических блоков самих дебатов

и материалов СМИ о них, то здесь удельный вес вопросов, отнесенных нами к разряду «личности», был выше, чем сюжетов из группы «политика». Так, «личностные» аспекты актуализировались в 58% газетных статей – чаще, чем в телевизионных сообщениях (46%), в дебатах (32%) или в почтовой рассылке (38%).

Кроме этого, Б. Бенойт, К. Стейн и Г. Хенсон исследовали также освещение в СМИ основных этапов (после праймериз) президентских выборов в США за период с 1952 по 2000 г.¹⁶ Выяснилось, что, в отличие от тех сообщений, которые транслировались самими кандидатами в телевизионных роликах, дебатах, брошюрах, в посвященных электоральным кампаниям публикациях СМИ уделялось больше внимания «нападкам», а не «одобрению». Так, в 59% проанализированных статей внимание читателя фокусировалось на негативных высказываниях кандидатов. При этом в реальности «нападки» присутствовали лишь в 39% телесюжетов, 37% эфирного времени дебатов и в 30% совокупного объема предвыборной почтовой рассылки.

Кроме того, в газетных статьях уделялось больше внимания и так называемым «личностным» сюжетам – 55%, в то время как в телевизионных роликах данные аспекты занимали 39% времени, в дебатах – 25%, а в почтовой рассылке – 24%. Все это означает, что, освещая как предвыборительный, так и основной этапы предвыборных кампаний, СМИ в своих публикациях чаще, чем сами участники электоральных баталий, акцентируют внимание на «нападках» и обсуждают персональные характеристики кандидатов. Б. Бенойт, К. Хеммер и К. Стейн объясняют этот факт тем, что, делая это, журналисты, по их мнению, пытаются привлечь к своим материалам больше читателей¹⁷.

Надо отметить, что в большинстве исследований, посвященных медийному освещению предвыборных гонок, отдельно дебаты, как правило, не изучаются. Единственное исключение – работа К. Кендалл, в которой было проанализировано, каким образом освещались в телевизионных материалах дебаты в рамках президентской кампании 1996 г.: «При анализе СМИ было выявлено следующее: они уделяют мало внимания содержанию дебатов, но зато куда больше – личностям кандидатов, тому, как политики принимают решение участвовать в дебатах, как готовятся к ним, а также тому, что люди ждут от дебатов и какой эффект словесные поединки оказывают на избирателей»¹⁸. Кендалл указала также на то, что телевизионные сюжеты по данной тематике делали акцент преимущественно на роли и месте дебатов во всей кампании. Кроме того, она отметила, что в репортажах практически не присутствовали кадры с отрывками речей самих кандидатов.

Аналогичным образом Б. Бенойт и Х. Карри отметили, что время, когда сообщается о прошедших дебатах, влияет на то, каким образом они

освещаются. «Обычно дебаты среди претендентов на пост президента по времени проводятся после вечерних общенациональных новостей. Следовательно, к тому моменту, когда сюжет о состоявшейся дискуссии выходит в вечерних новостях следующего дня, дебаты уже минимум двадцать часов, как состоялись, и потому уже вряд ли могут считаться новостью в полном смысле этого слова. Таким образом, телевидению, по сути, не остается ничего другого, кроме как обсуждать реакцию аудитории на прошедшую дискуссию. С сожалением приходится констатировать, что в вечерних телевизионных новостных выпусках редко сообщается о том, что произошло непосредственно в ходе самих дебатов»¹⁹.

В этом плане журналисты, работающие в газетах, сообщают о содержании предвыборных дебатов чаще, чем телевизионщики. Бенюйт, Г. Хенсен и К. Стейн сравнили, как освещались дискуссии между кандидатами в период праймериз президентских кампаний с 1980 по 2004 г., с реальным содержанием этих дебатов²⁰. Выяснилось, что в статьях чаще, чем в речах самих кандидатов, актуализировались «нападки» – 52% против 30%; участники дебатов вдвое чаще, чем это впоследствии находило свое отражение в газетных публикациях, позитивно отзывались о чьей-либо деятельности (иными словами, выполняли упомянутую выше функцию «одобрения») – 66% против 33%. Кроме того, в сравнении с освещением в газетах, кандидаты уделяли больше внимания теме «политики» (65% к 60%) и меньше – «личности» (35% к 40%).

В работах Б. Бенюйта, К. Стейна и Г. Хенсена²¹, Б. Бенюйта и Х. Карри²² изучалось медийное освещение основных этапов президентских кампаний в период с 1980 по 2000 г. Так же, как и в случае с предварительными этапами предвыборных гонок, кандидаты чаще, чем это впоследствии представлялось СМИ, демонстрировали «одобрение» (61 и 41% соответственно) и реже – использовали «нападки» (31 и 50%). «Политические» моменты, в свою очередь, в информационных сообщениях актуализировались реже, чем в самих дебатах (69% против 74%), а «личности» – чаще (31% к 26%).

Наконец, следует упомянуть и еще одно исследование по интересующей нас проблематике. Б. Бенюйт и К. Дэвис проанализировали, какое отражение находили в новостях дебаты в рамках кампаний по выборам членов Сената в 1998–2004 гг.²³ Авторами также был сделан вывод о том, что газеты тяготеют к освещению агрессивных моментов дебатов больше, чем это имеет место быть на самом деле (соотношение «нападок» – 60% к 39%), и чаще, чем сами кандидаты, акцентируют внимание читателей на «личностных» аспектах (43% к 29%).

Таким образом, проведенный анализ литературы убеждает нас в возможности сделать вывод о том, что по сравнению с непосредственными

участниками предвыборных кампаний СМИ предпочитают делать больший акцент на «нападках» и «личностях» кандидатов и меньший – на тактиках «одобрения» и вопросах «политики».

Данная статья посвящена анализу медийного освещения предвыборных дебатов в неамериканских странах. Параллельное использование уже упоминавшейся функциональной теории и методологии контент-анализа позволило сравнить особенности материалов СМИ о дебатах в рамках избирательных кампаний в Австралии, Канаде и Великобритании с тем, какие идеи и в каком виде озвучивались кандидатами на самом деле, в реальности. Учитывая выявленную предыдущими исследованиями склонность СМИ к актуализации «нападок», считаем возможным предположить, что авторы газетных статей о предвыборных политических дебатах в Австралии, Канаде и Великобритании, в сравнении с самими кандидатами, будут делать больший акцент на «нападках» и меньший – на тактиках «одобрения». А держа в уме уже обнаруженную учеными тенденцию к тому, что журналисты тяготеют к акцентированию «личностных» сюжетов предвыборных дискуссий, предполагаем, что здесь акцент в большей степени окажется на вопросах «личности» и в меньшей – на «политике».

Считаем, что доказательство или опровержение данных предположений способно расширить имеющееся у нас сегодня понимание природы журналистского освещения предвыборных политических дебатов.

Настоящее исследование опирается на эмпирические данные, полученные в результате мониторинга информационного освещения семи дебатов в рамках кампаний по выборам премьер-министров в трех странах: две кампании в Австралии²⁴, две – в Канаде²⁵ и три цикла предвыборных дебатов в Великобритании²⁶.

Выборку составили три газетные статьи о каждой из состоявшихся предвыборных дискуссий. Для анализа отбирались материалы, опубликованные на следующий после дебатов день. В процессе автоматизированного поиска этих статей индикаторами их релевантности по интересующей нас проблематике были фамилии самих кандидатов и слово «дебаты». В качестве аналитических единиц отобранных материалов выступали цитаты кандидатов и парафразы их заявлений. Другие разновидности высказываний (включая комментарии сотрудников предвыборных штабов и мнения избирателей), данные опросов общественного мнения, заявления кандидатов, сделанные ими до или после дебатов, оценочные суждения журналистов относительно дискуссий или их участников, вопросы, заданные кандидатам, в расчет не брались.

Перед тем, как перейти непосредственно к доказательству высказанных гипотез, считаем необходимым определить, насколько точно информационные материалы отражают само суще-

ство дебатов. Думается, вряд ли кого-то удивит тот факт, что СМИ нередко весьма избирательно освещают суть предвыборных дискуссий.

Представленные в табл. 1 данные показывают, насколько выборочно масс-медиа подходят к сюжетам, упоминаемым в журналистских статьях. В среднем в статьях обсуждается лишь 14% тем, затронутых участниками дебатов (крайние значения при этом – 10 и 24%). Таким образом, стано-

вится очевидным, что газетные статьи о дебатах не дают полного представления об обсуждаемых в ходе предвыборных дискуссий темах. Вместо этого в них фокусируется внимание читателя лишь на отдельных фрагментах содержания дебатов. В связи с этим возникает вопрос о степени достоверности и точности, с которой репортажи о предвыборных дискуссиях отражают их реальное содержание.

Таблица 1

Представленность обсуждаемых в ходе дебатов тем в газетных статьях

Страна	Среднее количество тем, обсужденных в ходе дебатов	Среднее количество тем, нашедших свое отражение в статьях	Процент соответствия
Австралия	609	148	24
Канада	1901	186	10
Великобритания	1679	234	14
Всего	4189	568	14

Теперь можно переходить непосредственно к рассмотрению озвученных выше гипотез. Данные, представленные в табл. 2, касаются сравнения ча-

стоты использования различных функциональных тактик кандидатами, участвующими в дебатах, и упоминания этих тактик в газетных статьях.

Таблица 2

Представленность различных тактик кандидатов в дебатах и в газетных статьях

	«Одобрение»	«Нападки»	«Защита»
Дебаты в Австралии			
Дебаты	342 (56%)	234 (38%)	33 (5%)
Статьи	73 (50%)	68 (47%)	5 (3%)
Дебаты в Канаде			
Дебаты	1175 (62%)	607 (32%)	119 (6%)
Статьи	33 (26%)	87 (69%)	66 (4%)
Дебаты в Великобритании			
Дебаты	1000 (60%)	604 (36%)	75 (4%)
Статьи	115 (49%)	115 (49%)	4 (2%)
Итого			
Дебаты	2517 (60%)	1445 (34%)	227 (5%)
Статьи	221 (39%)	270 (48%)	75 (13%)

Примечание. $\chi^2 (df = 2) = 110,61, p < 0,0001, V = 0,15$.

Приведенные данные дают основания считать, что первое из высказанных нами предположений, по крайней мере, на примере Австралии, Канады и Великобритании, подтверждается. В Австралии, по сравнению с новостными материалами, в ходе самих дебатов тактики «одобрения» использовались чаще (56% против 50%), а «нападки» – реже (38% против 47%). В соответствии с данными по Канаде, аналогичные корреляции выглядят еще более красноречивыми: 62% к 26% и 32% к 69% соответственно. Эта же закономерность прослеживается и в Великобритании: 60% против 49%, 36% против 49%. Если суммировать данные по трем этим странам, получится, что в целом кандидаты в премьер-министры в реальности чаще прибегали к тактике «одобрения» (60% к 39%) и реже – к «нападкам» (34% к 48%) – по сравнению с тем,

на чем акцентировали внимание своих читателей газеты. При этом статистический анализ подтверждает, что данные различия являются значимыми ($\chi^2 [df = 2] = 110,62, p < 0,0001, V = 0,15$).

Данные, представленные в табл. 3, позволяют нам сделать вывод о том, что вторая из выдвинутых гипотез также подтверждается.

Как видим, в Австралии в ходе дебатов кандидаты обсуждают «политику» чаще, чем впоследствии это находит свое отражение в газетных статьях о дебатах (70% к 55%), а «личности» – реже (30% к 45%). Аналогичную картину можно наблюдать в Канаде (63% к 42% и 37% к 58% соответственно) и в Великобритании (78% к 55%, 22% к 45%). И снова статистический анализ подтверждает, что данные различия являются значимыми ($\chi^2 (df = 1) = 71,07, p < 0,0001, \phi = 0,13$).

Таблица 3

Тематика дебатов и газетных статей о них

	«Политика»	«Личности»
Дебаты в Австралии		
Дебаты	406 (70%)	170 (30%)
Статьи	82 (55%)	67 (45%)
Дебаты в Канаде		
Дебаты	1122 (63%)	660 (37%)
Статьи	50 (42%)	70 (58%)
Дебаты в Великобритании		
Дебаты	1259 (78%)	345 (22%)
Статьи	126 (55%)	104 (45%)
Итого		
Дебаты	2787 (70%)	1175 (30%)
Статьи	258 (52%)	241 (48%)

Примечание. $\chi^2 (df = 1) = 71,07, p < 0,0001, \phi = 0,13$.

Таким образом, подводя общие итоги, можно отметить, что авторы газетных статей о предвыборных политических дебатах подходят к их освещению весьма избирательно. В среднем каждый опубликованный материал отображает лишь 14% от общего количества тем, затронутых в ходе дискуссий между кандидатами. По большому счету, вряд ли этот показатель кого-то удивил. Вместе с тем полученные результаты определенно заставляют задуматься о том, насколько точно и релевантно материалы СМИ освещают содержание дебатов.

Более того, новостные репортажи имеют ярко выраженные тенденции, во-первых, к подчеркиванию большей, нежели это имеет место быть в самих дебатах, роли «нападок» кандидатов в адрес друг друга и, во-вторых – к актуализации «личностных» сюжетов в ущерб вопросам «политики». Полученные результаты достаточно четко согласуются с уже известной закономерностью, в соответствии с которой СМИ обычно более охотно, чем сами политики, акцентируют внимание аудитории на более «агрессивных» и «личностных» сюжетах предвыборных дискуссий. Кроме того, выводы, к которым мы пришли, четко коррелируют с основными результатами исследований особенностей медийного освещения дебатов в рамках праймериз и основного этапа президентских выборов в США и кампаний по избранию членов американского Сената.

Переводя наши наблюдения в практическую плоскость, можно сказать, что те, кто предпочитают черпать информацию о предвыборных дебатах из газетных статей, как, впрочем, и те, кто сначала смотрят сами дебаты, а затем читают про них в газетах, на самом деле получают достаточно предвзятую картину. С другой стороны, если люди изначально настроены к избирательным кампаниям весьма негативно и склонны воспринимать их

сквозь призму конкретных политиков, подобное восприятие средствами массовой информации только усиливается.

Перевод данной статьи с английского языка на русский осуществлен доцентом кафедры политических наук СГУ А. А. Казаковым и студентами 421-й группы юридического факультета СГУ, получающими дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: А. Евдоченко, Ю. Журавлевой, В. Калинин, А. Козицкой и С. Плакуненко.

Примечания

- ¹ Hollihan T. A. *Uncivil wars: Political campaigns in a media age*. 2nd ed. Boston, 2009. P. 104.
- ² См.: Hansen G. J. *The informational function of communicative sources in presidential campaigns: Effects on issue knowledge and character evaluation*: unpublished Ph.D. dissertation. University of Missouri. 2004.
- ³ Подробнее о результатах мета-анализа воздействия телевизионных трансляций дебатов на зрительскую аудиторию см.: Benoit W. L., Hansen G. J., Verser R. M. *A meta-analysis of the effects of viewing U. S. presidential debates* // *Communication Monographs*. 2003. № 70. P. 335–350.
- ⁴ Patterson T. E. *Out of order*. N.Y., 1994.
- ⁵ См.: Kim S. H., Scheufele D. A., Shanahan J. *Who cares about the issues? Issue voting and the role of news media during the 2000 U.S. presidential election* // *J. of Communication*. 2005. № 55. P. 103–121.
- ⁶ Kendall K. E. *The 1996 Clinton-Dole presidential debates: Through media eyes* / ed. R. V. Friedenberg *Rhetorical studies of national political debates—1996*. Westport, 1997. P. 1.
- ⁷ Hellweg S. A., Pfau M., Brydon S. R. *Televised presidential debates: Advocacy in contemporary America*. N.Y., 1992. P. 99.

- ⁸ См.: *Ross M. H.* Television news and candidate fortunes in presidential nominating campaigns : The case of 1984 // *American Politics Quarterly*. 1992. № 20. P. 69–98.
- ⁹ См., например: *Farnsworth S. J., Lichter S. R.* The nightly news nightmare: Network television's coverage of U. S. presidential elections, 1988–2000. Lanham, 2003 ; *Lichter S. R., Noyes R. E., Kaid L. L.* No news or negative news : How the networks nixed the '96 campaign / eds. L. L. Kaid, D. G. Bystrom. The electronic election : Perspectives on the 1996 campaign communication. Mahwah, 1999. P. 3–13.
- ¹⁰ См., например: *Adams W. C.* Convention coverage / eds. M. J. Robinson, A. Ranney. The mass media in campaign '84 Washington, 1985. P. 18–23 ; *Patterson T. E.* The mass media election : How Americans choose their president. N. Y., 1980.
- ¹¹ См., например: *Robinson M. J., Sheehan M. A.* Over the wire and on tv: CBS and UPI in campaign '80. N. Y., 1983 ; *Sigelman L., Bullock D.* Candidates, issues, horse races, and hoopla : Presidential campaign coverage, 1888–1988 // *American Politics Quarterly*. 1991. № 19. P. 5–32.
- ¹² См., например: *Graber D. A.* Mass media and American politics. 3rd ed. Washington, 1989 ; *Kahn K. F., Kenney P. J.* The spectacle of U.S. Senate campaigns. Princeton, 1999 ; *Serini S. A., Powers A. A., Johnson S.* Of horse race and policy issues : A study of gender in coverage of a gubernatorial. A election by two major metropolitan newspapers // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1998. № 75, P. 194–204 ; *West D. M.* Political advertising and news coverage in the 1992 California U.S. Senate campaign // *J. of Politics*. 1994. № 56. P. 1053–1075.
- ¹³ См.: *Sinclair K.* «Horserace» vs. «Substance» in coverage of elections by British prestige press // *Journalism Quarterly*. 1982. № 59. P. 598–602.
- ¹⁴ См.: *Benoit W. L.* Communication in political campaigns. N. Y., 2007.
- ¹⁵ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁶ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* «New York Times» coverage of presidential campaigns // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2005. № 82. P. 356–376.
- ¹⁷ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁸ *Kendall K. E.* Op. cit. P. 1.
- ¹⁹ *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 37.
- ²⁰ См.: *Benoit W. L., Hansen G. J., Stein K. A.* News coverage of presidential primary debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 40. P. 246–258.
- ²¹ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* Newspaper coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 41. P. 17–27.
- ²² См.: *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 28–39.
- ²³ См.: *Benoit W. L., Davis C.* Newspaper coverage of U. S. senate debates // *Speaker & Gavel*. 2007. № 44. P. 13–26.
- ²⁴ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates // *Argumentation & Advocacy*. 2007. № 44. P. 36–48 ; *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2011 Australian Prime Minister debate. Istanbul : International Symposium: Communication in the Millennium, 2012.
- ²⁵ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates. P. 36–48 ; *Benoit W. L.* A functional analysis of the 2011 Canadian Prime Minister debate. Unpublished paper. 2012.
- ²⁶ См.: *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2010 United Kingdom debates. Chicago, 2011.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

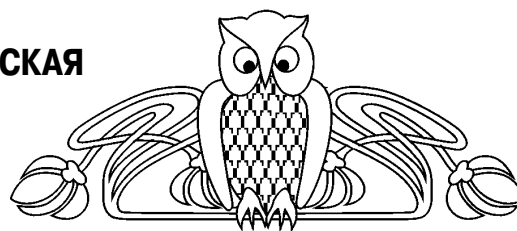
УДК: 323.019.5

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkkrp@gmail.com

В статье рассматриваются основные подходы к анализу взаимосвязи экономики и политики, представленные в исследованиях современных российских политологов, экономистов, социологов, философов. На примере анализа в отечественной литературе различных аспектов взаимосвязи электоральных циклов и экономической политики обосновывается собственный ракурс исследования данной проблемы.

Ключевые слова: цикличность в политике, электоральный цикл, регулирующая роль государства, экономический фактор в политике, экономическая политика.

Electoral Cycles and Economical Politics in Postsoviet Russia: Historiography of Problem

М. К. Борисова

The article discusses main approaches to analysis of interrelations of economics and politics in the researches of modern russian political

- ⁸ См.: *Ross M. H.* Television news and candidate fortunes in presidential nominating campaigns : The case of 1984 // *American Politics Quarterly*. 1992. № 20. P. 69–98.
- ⁹ См., например: *Farnsworth S. J., Lichter S. R.* The nightly news nightmare: Network television's coverage of U. S. presidential elections, 1988–2000. Lanham, 2003 ; *Lichter S. R., Noyes R. E., Kaid L. L.* No news or negative news : How the networks nixed the '96 campaign / eds. L. L. Kaid, D. G. Bystrom. The electronic election : Perspectives on the 1996 campaign communication. Mahwah, 1999. P. 3–13.
- ¹⁰ См., например: *Adams W. C.* Convention coverage / eds. M. J. Robinson, A. Ranney. The mass media in campaign '84 Washington, 1985. P. 18–23 ; *Patterson T. E.* The mass media election : How Americans choose their president. N. Y., 1980.
- ¹¹ См., например: *Robinson M. J., Sheehan M. A.* Over the wire and on tv: CBS and UPI in campaign '80. N. Y., 1983 ; *Sigelman L., Bullock D.* Candidates, issues, horse races, and hoopla : Presidential campaign coverage, 1888–1988 // *American Politics Quarterly*. 1991. № 19. P. 5–32.
- ¹² См., например: *Graber D. A.* Mass media and American politics. 3rd ed. Washington, 1989 ; *Kahn K. F., Kenney P. J.* The spectacle of U.S. Senate campaigns. Princeton, 1999 ; *Serini S. A., Powers A. A., Johnson S.* Of horse race and policy issues : A study of gender in coverage of a gubernatorial. A election by two major metropolitan newspapers // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1998. № 75, P. 194–204 ; *West D. M.* Political advertising and news coverage in the 1992 California U.S. Senate campaign // *J. of Politics*. 1994. № 56. P. 1053–1075.
- ¹³ См.: *Sinclair K.* «Horserace» vs. «Substance» in coverage of elections by British prestige press // *Journalism Quarterly*. 1982. № 59. P. 598–602.
- ¹⁴ См.: *Benoit W. L.* Communication in political campaigns. N. Y., 2007.
- ¹⁵ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁶ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* «New York Times» coverage of presidential campaigns // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2005. № 82. P. 356–376.
- ¹⁷ См.: *Benoit W. L., Hemmer K., Stein K.* «New York Times» coverage of American presidential primary campaigns, 1952–2004 // *Human Communication*. 2010. № 13. P. 259–280.
- ¹⁸ *Kendall K. E.* Op. cit. P. 1.
- ¹⁹ *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 37.
- ²⁰ См.: *Benoit W. L., Hansen G. J., Stein K. A.* News coverage of presidential primary debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 40. P. 246–258.
- ²¹ См.: *Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J.* Newspaper coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. № 41. P. 17–27.
- ²² См.: *Benoit W. L., Currie H.* Inaccuracies in media coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2001. № 38. P. 28–39.
- ²³ См.: *Benoit W. L., Davis C.* Newspaper coverage of U. S. senate debates // *Speaker & Gavel*. 2007. № 44. P. 13–26.
- ²⁴ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates // *Argumentation & Advocacy*. 2007. № 44. P. 36–48 ; *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2011 Australian Prime Minister debate. Istanbul : International Symposium: Communication in the Millennium, 2012.
- ²⁵ Эмпирические данные взяты из работ: *Benoit W. L., Henson J. R.* A functional analysis of the 2006 Canadian and 2007 Australian election debates. P. 36–48 ; *Benoit W. L.* A functional analysis of the 2011 Canadian Prime Minister debate. Unpublished paper. 2012.
- ²⁶ См.: *Benoit W. L., Benoit-Bryan J. M.* A functional analysis of the 2010 United Kingdom debates. Chicago, 2011.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

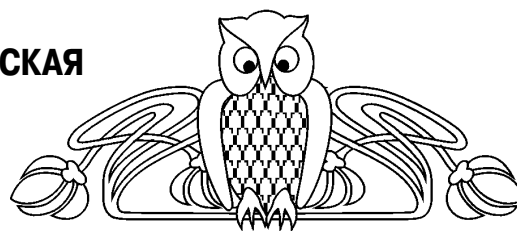
УДК: 323.019.5

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkkrp@gmail.com

В статье рассматриваются основные подходы к анализу взаимосвязи экономики и политики, представленные в исследованиях современных российских политологов, экономистов, социологов, философов. На примере анализа в отечественной литературе различных аспектов взаимосвязи электоральных циклов и экономической политики обосновывается собственный ракурс исследования данной проблемы.

Ключевые слова: цикличность в политике, электоральный цикл, регулирующая роль государства, экономический фактор в политике, экономическая политика.

Electoral Cycles and Economical Politics in Postsoviet Russia: Historiography of Problem

М. К. Борисова

The article discusses main approaches to analysis of interrelations of economics and politics in the researches of modern russian political

scientists, economists, sociologists and philosophers. On an example of analysis of different aspects of interrelations of electoral cycles and economical politics in russian scientific literature makes a lodgment own foreshortening of research of this problem.

Key words: cycles in politics, electoral cycle, regulating role of the state, economical factor in politics, economical politics.

Электоральные циклы в своей схематической завершенности могут рассматриваться не только в контексте отражения характера избирательной системы, степени демократичности института выборов, результата конкретных предвыборных кампаний, но и в контексте связи политики и экономики в целом. Давление фактора конкуренции в ходе выборов на предвыборные программы и обещания политиков и лидеров партий несет в себе не только положительные начала, но и существенные проблемы. На них обращали внимание еще древнегреческие мыслители, когда оценивали демократию как «неправильную» форму правления, в результате которой к власти приходят демагоги и популисты, прокладывая дорогу через охлократию к тирании.

Многие современные исследователи цикличности общественно-политических и социально-экономических процессов указывают на определенную статистическую закономерность роста социальных расходов в период предвыборных кампаний и последующее снижение социально-экономических показателей в период после выборов. Как показал анализ литературы, данное направление изучения взаимосвязи экономической и политической жизни в российской политической науке представлено недостаточно. Большая часть исследователей проблемы цикличности акцент делают на выявлении алгоритма колебаний России от реформ к контрреформам и причин «абортности» модернизационных процессов и так называемого эффекта «колеи» развития российского общества¹. Конкретные электоральные циклы чаще всего рассматриваются именно в таком контексте. Нам представляется целесообразным расширить исследовательское поле циклической зависимости политических и экономических процессов до уровня конкретных общефедеральных и региональных предвыборных кампаний.

На уровне макроанализа перспективным представляется выявление воздействия различных экономических циклов на политическую деятельность представителей властных структур и основных оппозиционных партий. Методологическая сложность заключается в том, что значительная часть данных экономических циклов не проявляется очевидно, и по их поводу постоянно идут дискуссии среди экономистов («циклы Китчина», «ритмы Кузнеца», длинные волны (большие циклы) Кондратьева, «деловые циклы» и др). В свою очередь, представляет интерес и имеет социальную значимость исследование воздействия политических циклов на экономику

в контексте использования государственных регулятивных инструментов для снижения последствий экономических кризисов и стимулирования производства и потребления в период рецессии. Рассмотрим на примере отдельных исследований, каким образом данная проблема отражена в отечественной научной литературе.

«Бытие определяет сознание», а «экономический базис определяет политическую надстройку». На данных тезисах основывалось большинство обществоведческих исследований на протяжении всего советского периода. Такой прямолинейный экономический детерминизм впервые подвергся критике уже в годы перестройки. Например, Ю. Сидоренко утверждал, что «социально-историческое развитие <...> отнюдь не сводится к чисто экономическим факторам»². «Примитивная и <...> неверная концепция, будто социально-экономическая и политическая реальность, к которой наше общество пришло к началу 80-х годов, – чуть ли не идеал общественного развития, должна уступить место исторически обоснованным представлениям о многовариантности, разнообразии “моделей” социалистического развития ...»³

Однако с крахом СССР социалистическая модель государственной экономики и административно-командной системы была разрушена в кратчайшие сроки. В первые годы постсоветской России исследовательская (а главное, практическая) парадигма взаимосвязи политики и экономики определялась преимущественно сформировавшимся еще в XVIII в. либеральным взглядом на государство как на «ночного сторожа». Главную роль регулятора социально-экономических и политических отношений отводили рыночным отношениям («невидимой руке рынка»), которые должны были оптимизировать и структуру экономики, и занятость населения, и создать средний класс как основу формирования гражданского общества и либеральной демократии. Один из теоретиков и реформаторов-практиков Е. Т. Гайдар даже после очевидного провала заявленного его правительством радикально-либерального варианта рыночных преобразований продолжал утверждать, что план был верный, но реализовать его в полной мере не позволили различные объективные и субъективные обстоятельства⁴. На наш взгляд, именно ошибочность в выборе стратегии рыночных преобразований стала одной из ведущих причин крайне негативных последствий в экономическом и социальном реформировании России в 1990-е гг.

Тем не менее подобная либертариистская точка зрения продолжает быть достаточно распространенной⁵. В начале 2010 г. был опубликован доклад Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра»⁶, авторы которого попытались обосновать безальтернативность либерального развития страны. По оценке В. Н. Лексина, данный доклад является первым

либеральным манифестом, разработанным в постсоветский период в России и для России⁷. В нем главным условием модернизации объявляется либерализация, одним из основных препятствий для достижения «желаемого будущего» назван «балласт власти». Авторы утверждают, что «мегамашина государства, состоящая из “винтиков”, теперь и впредь, в конечном счете, безнадежно проигрывает сообществу свободных индивидов»⁸. Поэтому в качестве главного ограничителя развития объявлено государство. Правда, при этом замечено, что «его стимулирующие действия могут быть локально полезными, но в целом это попытка форсировать мотор при заблокированных автомобильных тормозах»⁹. Авторы доклада в своей исходной методологической послышке декларируют необходимость базирования любых конкретных мер на системе ценностей, соответствующей XXI в., что должно предопределить необратимый характер процесса модернизации. Поэтому предлагается «отказаться от ценностного наследия», суть которого составляет «ресурсно-сырьевой способ существования», который автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества к полюсу государства и власти.

Подтверждением ошибочности ориентации на либеральные трактовки роли государства в экономике, на наш взгляд, может служить изменение позиции Всемирного банка, который долгое время уделял внимание только вопросам приватизации, финансовой стабилизации и государственных реформ, ориентированных на сокращение госаппарата. В начале 1990-х гг. Всемирный банк признал тот факт, что большинство кризисов в развивающихся странах носит характер управленческих. В результате банк определил государственное управление как метод, посредством которого обеспечивается реализация властных полномочий в распоряжении политическими, экономическими и социальными ресурсами страны в целях развития. В соответствии с этим произошла смена приоритетов и в отношении критериев оценок управления. На первый план вышли прозрачность, подотчетность и судебная реформа¹⁰. Эти новации нашли свое отражение и в концептуальных подходах к менеджменту в современных условиях¹¹.

Впоследствии Всемирный банк предложил новую концепцию оценки качества управления – «благое управление». Под ним понимаются рациональное управление государственным сектором (эффективность, результативность и экономия), подотчетность, обмен информацией и ее свободное распространение (транспарентность) и правовая база развития (правосудие, уважение прав человека и свобод). Основное внимание в этом определении уделяется четырем главным компонентам, а именно *легитимности* (государство должно пользоваться поддержкой народа, которым оно управляет); *подотчетности* (обеспечение транспарентности, ответственность за свои действия и свобода средств массовой ин-

формации); *компетентности* (эффективная разработка и проведение политики и оказание услуг); *уважению закона и защите прав человека*¹².

Как представляется, в трактовке «благого управления» нашли отражение те общемировые тенденции усиления роли политического фактора в решении всех важнейших общественных проблем, которые имеют место в последние десятилетия. Для России это особенно актуально в связи с накопившимися за двадцать лет последствиями строительства олигархического капитализма, ориентированного на приоритетное развитие сырьевых отраслей и распродажу соответствующих ресурсов.

Оценивая поляризованные подходы к роли государства в сфере экономики (от тотального планирования и управления до роли «ночного сторожа»), можно констатировать, что необходимо избегать крайностей их применения и тех негативных последствий, которые они влекут за собой. С одной стороны, целесообразно исходить из того, что одним из реальных политических факторов, определяющих экономическое развитие страны, является продуманная и эффективная государственная экономическая политика, нацеленная на поддержку отечественной промышленности. С другой стороны, необходимо учитывать, что в условиях процессов глобализации и жесткой мировой конкуренции необходимо максимально стимулировать внутренние инновационные ресурсы общества, в том числе и со стороны технической интеллигенции и бизнес-сообщества.

Чаще всего в литературе акцент делается на роли социально-экономических факторов в электоральных процессах. Например, исследуя электоральные циклы, У. Сересова констатирует наличие определенного воздействия социальной политики (через уровень социального развития) на результаты выборов, причем достаточно ограниченного, и подчеркивает, что «совершенно пренебрегать социальными программами власти нельзя, ибо только административный ресурс – без других факторов (и фактора социального благополучия в том числе) – не может обеспечить желаемый результат выборов»¹³. Как видим, вне поля исследовательского интереса остается воздействие самого электорального процесса (как механизма конкурентного привлечения на свою сторону различных социальных групп населения) на выработку экономической и социальной политики.

О том, что такое воздействие реально существует, свидетельствует, например, активизация социальной политики в период последнего электорального цикла. Политологи отмечали, что, занявшись улучшением прогнозов роста экономики, Министерство экономического развития включилось к кампании по подготовке к президентским и парламентским выборам. До выборов оставалось менее двух лет, и властям было важно показать эффективность экономических и социальных преобразований¹⁴.

Более взвешенный подход представлен в исследовании К. Рогова, который на основе анализа электоральных циклов в 2000-е гг. приходит к выводу, что «сформировавшаяся сегодня в России система политических и экономических взаимодействий очень молода, создавалась “с колес” и в условиях крайне благоприятной конъюнктуры. Ее способность адаптироваться к иным экономическим условиям неизвестна, а импульсы, способствовавшие ее формированию, выглядят в значительной степени растраченными»¹⁵.

В условиях текущего мирового финансового кризиса понятно усиление интереса исследователей к циклам и волнам общественного развития. Авторитетные авторы сборника, целиком посвященного данной проблематике¹⁶, выделили четыре перспективных направления, по которым может двигаться дальнейшая разработка циклически-волновых концепций.

Первое направление – методология изучения циклически-волновых процессов в обществе, в истории и политике, критический анализ существующих подходов, возможности и направления развития новых концептуальных моделей, в том числе модели эволюционных циклов. Второе направление состоит в более глубоком и фундаментальном исследовании структуры и продолжительности уже известных, но недостаточно изученных (например, кондратьевских) циклов, в выявлении на этой основе более общих эволюционных циклов, которые позволяют прогнозировать некоторые важные аспекты мирового политического и экономического развития. Третье направление – это детальное исследование циклов и волн внутривнутриполитического, социального, демографического развития отдельных стран, например, США или России. Такое исследование чрезвычайно важно, поскольку оно дает возможность не только глубже понять историю той или иной страны, но и выработать обоснованный и практически значимый прогноз ее будущего развития. Наконец, четвертое направление включает исследование ритмов, циклов и волн не только в политике и экономике, но и в других сферах, (например, в культуре, прежде всего в искусстве)¹⁷.

По мнению В. В. Лапкина, представление о жизненном цикле социальной системы позволяет исследовать хаотическое множество наблюдаемых в исторической эмпирике самых разнообразных фактов, явлений и процессов в контексте их развития и эволюции. «Обращение к модели эволюционного цикла, в результате которого происходит приращение структурной сложности системы, предполагает многочисленные когнитивные проблемы, сопряженные с необходимостью концептуализации сложного конгломерата движущих сил, механизмов и внутренней ритмики рассматриваемых процессов. Тем не менее практически любые системы определенной степени сложности обладают способностью к эволюции, при этом большие социальные системы оказыва-

ются многоуровневыми в эволюционном плане. Именно потребность в описании процессов развития сложных социальных систем и лежит в основе обращения к циклам, волнам и ритмам. Присущие сложным эволюционирующим системам колебательные (т. е. описываемые в рамках циклически-волновой парадигмы) процессы – это скорее закономерность, нежели исключение»¹⁸.

Как представляется, данная закономерность недостаточно осмыслена исследователями социально-политической динамики не только в рамках больших исторических циклов, но и в контексте исследований периодически повторяемых политических циклов разного уровня и масштабов (циклические алгоритмы принятия политических решений; циклы разнообразных политических кампаний; электоральные циклы и др.). Более того, именно взаимозависимость «малых» политических циклов и экономической динамики оказываются на периферии исследовательских интересов политологов.

Например, А. Д. Богатуров, раскрывая профилирующее содержание экономической политологии, определяет необходимость охвата четырех основных блоков знаний. В первый он включает специфические преломления предметов теоретико-методологического цикла политологии. В курсе «теория политики», например, укрупняется тематика философских трактовок взаимоотношений человека, богатства и власти, а также личного и общественного блага. В эту группу входят предмет экономического анализа политических явлений и его методология (варианты применения теории рационального выбора)¹⁹.

Во втором блоке рассматриваются вопросы обеспечения в широком смысле политической безопасности бизнеса. К ним относятся проблематика правовой основы ведения бизнеса в той или иной стране, а также все легальные аспекты отношений бизнеса и власти. В этой группе – анализ политических рисков, типология конфликтов бизнеса с обществом и властью, механизмы воздействия власти на бизнес и способы разрешения их противоречий. Обрамляющая тематика блока – исследование структуры экономического интереса государства, внутренних и международных аспектов экономической безопасности страны, а также практики государственного регулирования экономического развития.

В третьем блоке обсуждаются вопросы восприятия бизнеса обществом, отношений между ними, общественные ожидания в отношении предпринимателей, наконец, понимание бизнесом своей социально-политической и социально-экономической роли, ответственности и миссии. В этом блоке – вопросы этики («кодекса») политического поведения бизнеса, а также роль СМИ в отношениях бизнеса с обществом и государством.

В четвертом блоке рассматриваются проблемы воздействия бизнеса на государство, механизмы лоббирования интересов предпринимателей

во властных структурах и их правовые основания, сопоставление практик лоббизма в России и иностранных государствах. В этой же группе – анализ современных стратегий представления интересов бизнеса во власти и соответствующий зарубежный опыт (Северная Америка, Япония, страны ЕС). Отдельный подраздел – анализ роли личности политика в деловом мире и бизнесмена в политике, особенностей бизнес-психологии и бизнес-культуры в разных странах²⁰.

А. Д. Богатуров действительно вычленил важнейшие направления анализа экономической политологии. Однако, на наш взгляд, они не включают еще один социально и научно значимый сегмент – мотивацию публичной экономической политики, которую активно позиционируют представители действующей власти и оппозиции в ходе избирательных кампаний. Именно в этой области находит отражение дуалистичность демократических процедур в ходе конкурентных выборов в различные органы власти.

Суть проблемы сводится к тому, что содержание программ и предвыборных платформ политических партий, агитационно-пропагандистских материалов, публичных деклараций политических лидеров по поводу проблем в социально-экономической области определяется чаще всего не идеологическими и мировоззренческими принципами, а социальным запросом тех электоральных сегментов, на поддержку которых рассчитывают данные партии и их лидеры. Собственно, в этом и заключается основное противоречие указанной А. Д. Богатуровым концепции «рационального выбора», лежащей в основе теории «рыночной демократии». В соответствии с ней партии и их лидеры выступают своеобразным «товаром», выставленным на «продажу» в ходе избирательной кампании, а избиратели – «покупателями» своих представителей в политике. Программы и имидж различных партий и политиков – это своеобразные «упаковки», ориентируясь на которые, граждане и делают политическую «покупку», отдав свой голос на выборах.

При этом, в отличие от покупок бытовых товаров, мало кто из избирателей интересуется «содержимым» своего выбора, которое не очень охотно и подробно демонстрируется в случае победы в процессе деятельности на избранной должности. Сторонники теории рыночной демократии обосновывают, что в случае серьезных отклонений органов власти от предвыборных обещаний на них укажут публично представители оппозиции, с тем чтобы граждане во время следующей «покупки» отказались от «товара», который не отвечает обещанным обязательствам.

Однако эта идеалистическая картинка искажается даже в странах с давними демократическими традициями выборов, которые все более превращаются в театрализованное представление, в котором места рациональным аргументам

остается все меньше и меньше. Их заменяют специальные информационно-коммуникационные методы воздействия и имиджевые технологии. В современной России, когда удельный вес информационных ресурсов «партии власти» неизмеримо больше возможностей оппозиции, последняя выполнить свою роль объективных «разоблачителей» вряд ли способна (тем более с учетом объяснимой предвзятости критики субъектов политики, которые сами ведут борьбу за то, чтобы вытеснить действующую власть и самим занять ее место).

Как представляется, сюжеты предвыборных обещаний в социально-экономической области и их последующей реализации нуждаются в глубоком и всестороннем научном осмыслении. Однако взаимосвязь политики и экономики кажется настолько аксиоматичной, что данный аспект политологической литературе до сих пор фактически не выделен в качестве самостоятельного и самодостаточного.

Примечания

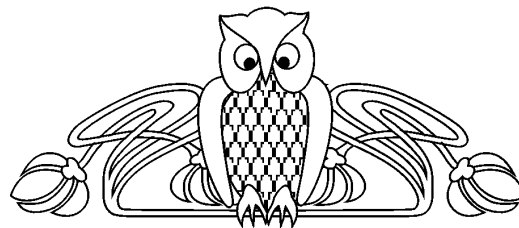
- ¹ См.: Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность*, 2002. № 3 ; Барашов Н. Г. Циклическая динамика современной экономики : теория, методология, практика. Саратов, 2008 ; Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России : Эволюция через трансформации. М., 2006 ; Васильева Н. И. Циклы и ритмы в природе и обществе : моделирование природных периодических процессов. Таганрог, 1995 ; Гурвич Е., Вакуленко Е. Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах // *Вопр. экономики*. 2009. № 2 ; Красильников О. Ю. Будущее России : сценарии развития в свете теории экономического цикла // *Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития – 2006)*. М., 2006. С. 96–98 ; Кузык Б. Н., Агеев А. И., Доброчеев А. И., Куроедов Б. Ритмы российской истории : опыт многофакторного исследования. М., 2003 ; Кульпин-Губайдулин Э. С. Восточный ритм русской истории // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6 ; Лапкин В. В., Пантин В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // *Полис*. 2005. № 3 ; Нурев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа : эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград, 2010 ; Пантин В. И. Волны и циклы социального развития. М., 2004 ; Яковец Ю. В. Прогнозирование циклов и кризисов. М., 2000 и др.
- ² Сидоренко Ю. Социальная диалектика без купюр // *Коммунист*. 1989. № 1. С. 64.
- ³ Кудрявцев В. Реформа политической системы и общественная наука // *Коммунист*. 1989. № 3. С. 7.
- ⁴ См.: Гайдар Е. Долгое время. Россия и мир : очерки экономической истории. М., 2005.
- ⁵ См.: Бальцерович Л. В направлении ограничения функций государства // *Экономический вестн.* 2004. Вып. 4, № 3. С. 376–402.

- ⁶ Россия XXI века : образ желаемого завтра. М., 2010.
- ⁷ См.: *Лексин В.* Либеральная Россия как реальность и как перспектива // Рос. экон. журнал. 2010. № 1. С. 43.
- ⁸ Россия XXI века ... С. 8.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ См.: *Линн Й.* Новый подход Всемирного банка к государственному управлению // Трансформация. Экономический бюллетень о странах с переходной экономикой. 2001. № 2. С. 1–3.
- ¹¹ См.: *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2000.
- ¹² См.: Государство в меняющемся мире (Отчет о мировом развитии 1997 г.) : пер. с англ. М., 1997 ; Важная роль государственного управления и благого управления в осуществлении Декларации тысячелетия ООН : электронное управление – известные сферы применения и благоприятствующие условия. Экономический и Социальный Совет. ООН, 2002.
- ¹³ *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России, или За кого голосуют бедные // Логос. 2005. № 1(46). С. 274.
- ¹⁴ См.: ВВП как индикатор электорального цикла. URL: <http://vt-inform.ru/smi/150/47142.php> (дата обращения: 20.05.2012).
- ¹⁵ *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14. Июль–октябрь. С. 20.
- ¹⁶ См.: Циклы политического развития: прогностический потенциал : сб. статей / отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М., 2010.
- ¹⁷ Там же. С. 7.
- ¹⁸ *Лапкин В. В.* Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития ... С. 13.
- ¹⁹ См.: *Богатуров А. Д.* Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. 2011. № 4. С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 10–11.

УДК 316.485.26(475+571)

МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю. Н. Полтавская

Саратовский государственный университет
E-mail: teleprofi@gtkr.renet.ru

В статье анализируются модели институционализации леворадикального молодежного движения в современной России и их потенциал для дальнейшего развития и политического участия. Предложены два варианта, каждый из которых имеет свою историю и специфику. Ключевыми понятиями, через призму которых рассматриваются особенности данных моделей и этапы их эволюции, являются понятия «институт» и «институционализация».

Ключевые слова: институт, институционализация, молодежные леворадикальные организации, Национал-большевистская партия, Левый фронт.

Institutionalization Models of Left Wing Youth Organizations in Russia Today

J. N. Poltavskaya

This article analyzes the models of the institutionalization of the left-radical youth movement in Russia today and their potential for further development and political participation. We identify two parties, each of them has its own history and specifics. The key concepts of our research are the concepts of «institution» and «institutionalization».

Key words: institute, institutionalization, radical-left youth organizations, National Bolshevik Party, Left Front.

Итоги парламентских выборов 2011 г. в России привели к распространению массового протеста, выходящего за рамки собственно митингов и не ограничивающегося численностью пришедших на них. Митинговая активность обо-

значилась во всех крупных городах субъектов Федерации. Требования выступавших были едины практически на всех площадках: отмена результатов выборов, роспуск Государственной думы, отставка председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Е. Чурова, а также назначение новых выборов. Катализатором проявлений недовольства стало формирование парламента, в котором набравшая чуть менее 50% партия власти получила абсолютное большинство.

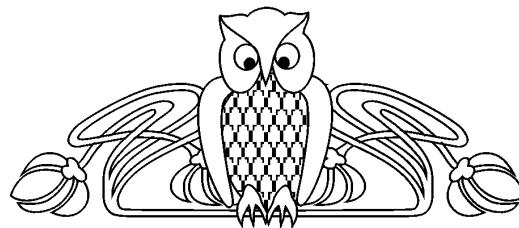
Митинговая активность вызвала либерализацию партийного законодательства: была упрощена процедура регистрации партий, смягчены иные требования. Однако эксперты сходятся в том, что уступки со стороны власти ситуативны и политически направлены против консолидации оппозиции как институционального актора. Изменения позволили создавать партию численностью 500 человек, одновременно запретив избирательные блоки и объединения. Изменения коснулись и глав субъектов: «Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) **избирается гражданами** (выделено нами. – Ю. П.) Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»¹. При этом кандидаты выдвигаются политическими партиями, а само выдвижение или самовыдвижение должны

- ⁶ Россия XXI века : образ желаемого завтра. М., 2010.
- ⁷ См.: *Лексин В.* Либеральная Россия как реальность и как перспектива // Рос. экон. журнал. 2010. № 1. С. 43.
- ⁸ Россия XXI века ... С. 8.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ См.: *Линн Й.* Новый подход Всемирного банка к государственному управлению // Трансформация. Экономический бюллетень о странах с переходной экономикой. 2001. № 2. С. 1–3.
- ¹¹ См.: *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2000.
- ¹² См.: Государство в меняющемся мире (Отчет о мировом развитии 1997 г.) : пер. с англ. М., 1997 ; Важная роль государственного управления и благого управления в осуществлении Декларации тысячелетия ООН : электронное управление – известные сферы применения и благоприятствующие условия. Экономический и Социальный Совет. ООН, 2002.
- ¹³ *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России, или За кого голосуют бедные // Логос. 2005. № 1(46). С. 274.
- ¹⁴ См.: ВВП как индикатор электорального цикла. URL: <http://vt-inform.ru/smi/150/47142.php> (дата обращения: 20.05.2012).
- ¹⁵ *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14. Июль–октябрь. С. 20.
- ¹⁶ См.: Циклы политического развития: прогностический потенциал : сб. статей / отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М., 2010.
- ¹⁷ Там же. С. 7.
- ¹⁸ *Лапкин В. В.* Проблемы моделирования политического развития // Циклы политического развития ... С. 13.
- ¹⁹ См.: *Богатуров А. Д.* Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. 2011. № 4. С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 10–11.

УДК 316.485.26(475+571)

МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю. Н. Полтавская

Саратовский государственный университет
E-mail: teleprofi@gtkr.renet.ru

В статье анализируются модели институционализации леворадикального молодежного движения в современной России и их потенциал для дальнейшего развития и политического участия. Предложены два варианта, каждый из которых имеет свою историю и специфику. Ключевыми понятиями, через призму которых рассматриваются особенности данных моделей и этапы их эволюции, являются понятия «институт» и «институционализация».

Ключевые слова: институт, институционализация, молодежные леворадикальные организации, Национал-большевистская партия, Левый фронт.

Institutionalization Models of Left Wing Youth Organizations in Russia Today

J. N. Poltavskaya

This article analyzes the models of the institutionalization of the left-radical youth movement in Russia today and their potential for further development and political participation. We identify two parties, each of them has its own history and specifics. The key concepts of our research are the concepts of «institution» and «institutionalization».

Key words: institute, institutionalization, radical-left youth organizations, National Bolshevik Party, Left Front.

Итоги парламентских выборов 2011 г. в России привели к распространению массового протеста, выходящего за рамки собственно митингов и не ограничивающегося численностью пришедших на них. Митинговая активность обо-

значилась во всех крупных городах субъектов Федерации. Требования выступавших были едины практически на всех площадках: отмена результатов выборов, роспуск Государственной думы, отставка председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Е. Чурова, а также назначение новых выборов. Катализатором проявлений недовольства стало формирование парламента, в котором набравшая чуть менее 50% партия власти получила абсолютное большинство.

Митинговая активность вызвала либерализацию партийного законодательства: была упрощена процедура регистрации партий, смягчены иные требования. Однако эксперты сходятся в том, что уступки со стороны власти ситуативны и политически направлены против консолидации оппозиции как институционального актора. Изменения позволили создавать партию численностью 500 человек, одновременно запретив избирательные блоки и объединения. Изменения коснулись и глав субъектов: «Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) **избирается гражданами** (выделено нами. – Ю. П.) Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»¹. При этом кандидаты выдвигаются политическими партиями, а само выдвижение или самовыдвижение должны

поддержать от 5 до 10% депутатов представительных органов муниципальных образований и(или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации. Таким образом, выдвижение кандидатов оппозиционными политическими партиями затруднено, а самовыдвижение практически невозможно.

Подобные уступки могут стать основой для развития коммуникации между властью и оппозицией. Налаживание диалога является важным элементом для оптимизации политической системы. Участие в публичной политике предполагает преимущественно участие институционализированных субъектов. Это актуализирует данную проблему для внесистемной оппозиции.

В настоящей статье мы попытаемся осветить модели институционализации и их потенциал для дальнейшего развития и политического участия. Для анализа мы выбрали две леворадикальные организации – Национал-большевистскую партию Э. Лимонова и Левый фронт С. Удальцова. Основой для выбора послужило то, что НБП – старейшая российская молодежная леворадикальная организация, выдержавшая ряд расколов, давшая начало нескольким радикальным группам, а также не утратившая активности за годы существования; Левый фронт в настоящий момент представляет собой самую мощную и сплоченную внесистемную леворадикальную оппозиционную организацию.

В рамках статьи нам необходимо определиться с понятием институционализации, ее этапами и спецификой. Институты – это социальные (в широком смысле слова) конструкции, созданные человеческими разумом и деятельностью. В современных социальных науках наблюдается множественность в определении понятия «институт». Различия в трактовках зависят от области научного знания. В правовой науке институты понимаются как сугубо юридические установления. В политологии долгое время институты (в том числе политические) трактовались формально, и лишь два десятилетия назад началась концептуальная переработка данного понятия².

Классическим стало определение нобелевского лауреата Д. Норта: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»³. Институт есть доминирующая норма, которая установлена, принята, стабильна, постоянно повторяется в поведении людей. Здесь проходит водораздел между нормой и институтом: норма – это правило (требование), институт – это такая норма, которая реализована на практике, стала типичной и постоянно повторяющейся. Институционализированная норма – реализованная на практике, внедренная и ставшая привычной. Таким образом, понятие «институт» представляет собой абстракцию, в которой отражается результат

реализации нормы на практике. Но если ограничить определение института лишь формальными нормами, то появляется риск упустить из виду многочисленные, присущие любой политической организации неформализованные, но «сами собой разумеющиеся» правила, которые детерминируют политическое поведение. Последнее утверждение показывает, что процесс институционализации не обязательно должен заканчиваться созданием некоей формальной организации или формальным нормативным закреплением поведения.

Институт может трактоваться как **организация**. Политические органы, такие как парламент, правительство, конституционные суды, часто рассматриваются как политические институты, поскольку поведение людей в них высоко институционализировано. Во многих дискуссиях присутствует смысловая двойственность понятия – институт как норма и институт как организация. Ж. Блондель в своих трудах отмечал: «Нет несомненных различий между институтами и процедурами, так как институты есть наборы процедур. Политическая партия – это институт, она также представляет собой набор процедур, по которым выбираются лидеры, принимаются решения, организуются избирательные кампании...»⁴

Традиционно считается, что процесс институционализации состоит из нескольких последовательных этапов⁵:

- возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий;
- формирование общих целей;
- появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок;
- появление процедур, связанных с нормами и правилами;
- институционализация норм, правил и процедур, то есть их принятие и практическое применение;
- установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях;
- создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института;
- законодательное оформление института.

Государством гарантирована возможность мирного выражения гражданами своего протеста, несогласия или недовольства. Возникающая в политической реальности потребность выражать приводит к формулированию цели в виде требований. Операционализация целей ложится на плечи лидеров. На этом этапе необходима возможность канализации протеста «вверх», конструктивный, открытый и понятный диалог власти и граждан. В процессе стихийного взаимодействия происходит первичная организация граждан, выдвигаются лидеры, вокруг которых формируются клиентелы. Постепенно складывается определенная субординация и формируются внутригрупповые нормы

поведения и взаимодействия. Таким образом формируется социальный институт. Последующие этапы включают в себя создание деклараций, уставов и прочих документов, фиксирующих ключевые нормы, правила, процедуры и роли. Именно по этим этапам мы будем сравнивать два выбранных варианта леворадикального протестного движения.

Национал-большевистская партия, лидером которой является Эдуард Лимонов, на настоящий момент старейшая леворадикальная организация. История ее возникновения представляет собой уникальный опыт стабильного развития радикальной организации.

Формирование НБП в 1994 г. происходило на неформальной основе как кружок андерграундных художников-авангардистов в широком смысле этого слова, скрепой была потребность и возможность выражения своей позиции, а также приверженность ультраправым идеям А. Дугина. Постепенно происходила трансформация сообщества людей с андерграундными взглядами на политику, экономику и искусство в политическую организацию⁶.

В 1994 г. НБП начинает издавать партийную газету «Лимонка», ставшую позже рупором так называемой контркультурной оппозиции и постмодернистским литературным проектом. Э. Лимонов в книге «Моя политическая биография» так описал этот процесс: «...Днём рождения Национал-большевистской организации должен, думаю, по праву считаться день выхода первого номера газеты “Лимонка”. Ведь на самом деле “Лимонка” сделала наше всё: наша программа, наш учебник политики, наш сборник легенд, наш устав партийной службы. Потому днём рождения партии я, её первый председатель и единственный живой отец-основатель, объявляю 28 ноября 1994 года»⁷. Создание собственной газеты позволяет выделить начало нового этапа – попытки операционализировать свои политические потребности, цели, сформулировать лозунги, сформировать организационную структуру.

Первые политические акции Национал-большевистская партия проводила против либеральных идей, базовый лозунг в это время – «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!». 22 ноября 1994 г. Э. Лимонов и А. Дугин на пресс-конференции в Российско-американском пресс-центре представили законодательные инициативы НБП (датированные 20 сентября). С 1996 г. НБП ежегодно, 5 апреля, отмечает неофициальный праздник «День Русской нации», подобно ряду других националистических и патриотических организаций в России, в частности, НБП, КПРФ, Евразийскому союзу молодежи, Русскому национальному единству и пр. Это была первая попытка консолидации с другими оппозиционно настроенными силами.

Апрель 1998 г. ознаменовался расколом в рядах Национал-большевистской партии. Из партии ушёл один из её основателей – Александр Дугин,

а вместе с ним большинство людей, стоявших у истоков создания партии. Также партия потеряла половину существовавших на тот момент региональных отделений (Новосибирское, Ростовское, Казанское, Уфимское, Екатеринбургское и некоторые другие). Таким образом, стихийные взаимодействия привели к формированию норм и правил в организации.

1–2 октября 1998 г. в Москве прошел I съезд Национал-большевистской партии. Уход А. Дугина спровоцировал перемещение партии влево в партийном спектре. Социальную базу НБП представляли молодые люди 16–25 лет самого разного социального положения (от безработных до преподавателей вузов). Главным условием для членства в организации было радикальное несогласие с текущим курсом правительства и Президента РФ.

Уход интеллектуальной части партии спровоцировал завершение институционализации бывшего арт-проекта как радикальной политической организации, именно в этот момент «радикальные нормы» воплощаются в реальных политических действиях – акциях «прямого действия». Подобный переход объясняется преобладанием маскулинности в молодежной радикальной субкультуре. Поэтому именно данные акции оказались закреплены на уровне внутригрупповых норм⁸.

К 2001 г. число членов партии выросло до 7000 человек, а к декабрю 2003 г. общая численность национал-большевиков составляла примерно 12 000 человек⁹. В московском отделении партии насчитывалось свыше 1 000 человек¹⁰.

В 2005 г. НБП так и не удалось обрести статус официальной организации: Верховный суд РФ подтвердил правомерность ее ликвидации как межрегиональной организации и отказал в регистрации в качестве политической партии. Это дополнилось штурмом штаба НБП правоохранительными органами, силовое давление многократно возросло. Тем не менее НБП наряду с жалобами в Европейский суд по правам человека из-за отказа в регистрации продолжала акции прямого действия.

2006 г. ознаменовался вторым серьезным расколом в рядах партии. 29 августа в Москве был организован съезд членов, решивших выйти из НБП, после чего был создан Национал-большевистский фронт. Лидерами его стали активисты и бывшие заключённые Максим Журкин и Алексей Голубович. Причиной раскола стала новая тактика на сближение с либералами, демократами, взятая руководством НБП, а также провозглашение второй политической программы. Все это означало переход от ортодоксальной теоретической трактовки национал-большевизма на более левые политические позиции. НБФ не смог переманить большое количество членов партии в свои ряды¹¹. Раскол продемонстрировал стабильность и жесткость внутригрупповых норм и отсутствие склонности к компромиссам.

В настоящее время НБП составила ось новой организации – незарегистрированной российской политической партии «Другая Россия». Она была учреждена 10 июля 2010 г. на съезде в Москве (21 января 2011 г. партии было отказано в официальной регистрации)¹².

На основе анализа процесса институционализации Национал-большевистской партии мы можем выделить специфическую модель институционализации радикального движения в России. НБП отличается:

- 1) стабильностью внутригрупповых норм, что привело к нескольким расколам;
- 2) наличием неизменного смысла своего существования – ключевой идеей, квинтэссенцией;
- 3) абсолютной социальной институционализированностью;
- 4) является неконкурирующим элементом политической системы в целом.

Молодежная организация Левый фронт получила широкую известность благодаря серии ежегодных акций «Антикапитализм», первая из которых прошла в 2001 г. Вскоре после парламентских выборов 2003 г. два активиста Союза коммунистической молодежи (СКМ РФ, молодежной организации при КПРФ) – А. Карелин и А. Неживой – предложили из участников маршей «Антикапитализм» создать молодежный левый фронт. Идея создания организации Левый фронт родилась весной 2005 г. среди части активистов, участвовавших в подготовке первого Российского социального форума. Среди них были Виктор Шапинов, Гейдар Джемаль, Илья Будрайтскис, Карин Клеман, Борис Кагарлицкий, Алексей Сахнин и др. Летом того же года прошла первая конференция движения, а в октябре – учредительная конференция Московской региональной организации¹³. Так, возникновение организации было вызвано необходимостью скоординированных действий в ходе уличных выступлений.

С 2007 г. отмечается новый подъем деятельности Левого фронта. Во многом он был связан с сотрудничеством с Авангардом Красной Молодежи (АКМ), активисты и лидеры которого сыграли большую роль в возрождении идеи объединения радикальных левых. Однако подготовительный период перед первым съездом организации занял почти целый год, поскольку ставка была сделана на работу по созданию новых региональных отделений, в которые входили бы как активисты старого Левого фронта и АКМ, так и члены других организаций или просто люди с левыми убеждениями.

В начале 2010 г. широкая коалиция внесистемной левой оппозиции выразила желание объединиться, и 22 февраля 2010 г. в его состав вошла Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), активисты политических организаций Авангард Красной Молодежи, Левый фронт, Трудовая Россия, Армия Воли Народа, Коммунистическая организация «Искра», а также члены

ряда профсоюзов – Межрегионального профсоюза работников автопрома (МПРА), Объединения рабочих профсоюзов «Защита труда», Федерального профсоюза авиадиспетчеров (ФПАД), Межрегионального профсоюза железнодорожников (МПЖ, ранее – РПЛБЖ) и др.¹⁴ Министерство юстиции шесть раз отказывало партии Российский объединенный трудовой фронт (РОТ-фронт) в регистрации, однако она продолжала попытки регистрации. Активисты неоднократно заявляли о том, что каждый отказ Минюста основывался на новых несоответствиях, хотя документы организации не менялись, за исключением тех моментов, которые требовал Минюст¹⁵. Как и НБП, партия Левый фронт неоднократно предпринимала номинальные попытки официальной регистрации. По сути, каждый отказ власти служил сплочению и радикализации организации.

Так же как и национал-большевики, Левый фронт с коалицией стремится к полноценной институционализации. «Движение будет иметь большую перспективу. Наша задача – полностью занять нишу внепарламентской борьбы, уличного протеста. Такое объединение необходимо, оно соответствует вызовам времени на фоне развивающегося мирового кризиса, – заявил С. Удальцов. – Мы должны понимать, что если в обществе будет запрос на протест, на левые идеи, а он с каждым днем будет нарастать, должен быть и политический субъект, который бы этим настроениям соответствовал. Надеемся, что Левый фронт в перспективе станет таким движением»¹⁶. Сам Удальцов стал одним из наиболее заметных активистов массовых протестов и претендует на роль лидера не только Левого фронта, но и всей радикально настроенной молодежи в России.

Определим характеристики институционализации молодежной радикальной организации Левый фронт:

- 1) формирование организации происходило на основе широкой коалиции, что актуализирует вопрос о стабильности внутригрупповых норм;
- 2) стабильность самой организации с момента ее создания была сугубо ситуативной;
- 3) внесистемность как основа протеста; если маргинальный протест НБП является согласованным для политической системы в целом, то Левый фронт – организация внесистемная, и ее деятельность направлена на изменение существующего режима;
- 4) партии так и не удалось добиться законодательного оформления своего статуса, ее лидер С. Удальцов наряду с другими общественными деятелями возглавил массовые акции протеста 2011 – начала 2012 г.

Таким образом, НБП, являясь старейшей радикальной организацией постсоветской России, представляет собой мощную структуру, преодолевшую несколько расколов и заключение под стражу своего лидера на продолжительный срок. Основная потребность активистов НБП – это потребность во

внесистемном маргинализированном протесте, в бунте. Организация институционализирована, но не получила статуса политической партии, что сделало бы процесс ее развития законченным. Однако, став партией, НБП потребовалось бы соотнести с новым статусом и политическую деятельность, что исключило бы саму суть организации, так как она полностью удовлетворяет социальному запросу именно на такой вид протеста.

Второй вариант институционализации молодежной леворадикальной организации представляет Левый фронт, сумевший взять под контроль и скоординировать деятельность многих организаций, то есть, по сути, артикулировать левую часть социальных требований. Степень институционализации Левого фронта значительно выше, чем НБП, что приводит к грамотной канализации и выражению самого протеста. Политические амбиции Левого фронта практически легализованы.

Рассмотрев модели институционализации современных молодежных леворадикальных организаций можно сделать вывод, что обе модели самобытны и проверены политическими реалиями, а значит, в дальнейшем необходим поиск путей эффективного развития диалога с институционализированными радикальными организациями.

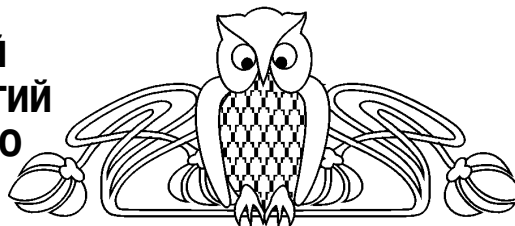
Примечания

- ¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2012) : федер. закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 02.05.2012) . Доступ из справ.-правовой система «КонсультантПлюс» :
- ² См.: *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 12–13.
- ³ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

- ⁴ Цит. по: *Bogdanor V.* The Blackwell encyclopaedia of political institutions. Oxford ; N.Y., 1987. P. 291.
- ⁵ См.: *Фролов С. С.* Социология. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20412/20451/> (дата обращения: 20.09.2012).
- ⁶ См.: Общественный проект «Марсиада». Национал-большевистская партия. URL: <http://marsjada.ru/624/vmeste/1868/714/> (дата обращения: 04.10.2012).
- ⁷ *Лимонов Э.* Моя политическая биография. URL: <http://lib.rus.ec/b/114363/read#t3> (дата обращения: 04.10.2012).
- ⁸ См.: *Щепанская Т. Б.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / ред. В. В. Костюшев. СПб., 1999. С. 262–302.
- ⁹ См.: Общественный проект «Марсиада»...
- ¹⁰ См.: *Вергазов И.* Молодежь в социальном пространстве национал-большевистской партии // Развитие личности. 2004. № 1. С. 114.
- ¹¹ См.: Экс-лимоновцы учредили Национал-большевистский фронт. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/08/29/265356.html> (дата обращения: 06.10.2012).
- ¹² См.: Получен письменный отказ в регистрации партии «Другая Россия». URL: <http://www.limonov2012.ru/news/398.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹³ См.: *Пономарев И.* К истории Молодежного левого фронта. URL: <http://www.pravda.info/politics/2779.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹⁴ См.: РОТ Фронт состоится при любой погоде. URL: <http://forum-msk.org/material/politic/2538176.html> (дата обращения: 04.03.2012) ; Левые в шоколаде // Коммерсантъ. 2010. № 31.
- ¹⁵ Пресс-служба Левого Фронта : [сайт]. URL: <http://wek.ru/politika/251-otkaz-v-registracii-partiya-rot-front-poluchila-v-shestoj.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹⁶ Беспартийные открыли «Левый фронт». URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-y/1044452> (дата обращения: 04.10.2012).

УДК 329(470)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИДЖЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В РОССИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье речь идет об особенностях применения технологий формирования имиджа в России и Чехословакии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на примере образов Б. Н. Ельцина и Вацлава Гавела. Особое внимание уделено выявлению основных направлений и специфике имиджевых технологий формирования политических образов российского и чехословацкого президентов.

Ключевые слова: политический имидж, демократический транзит, политические технологии.

Comparative Analysis of Features of the Use of Image Technologies at the Initial Stage of Democratic Transit in Russia and Czechoslovakia

A. S. Tolkalov

The article discusses the features of the use of image-making technologies in Russia and Czechoslovakia in the late 1980's – early

внесистемном маргинализированном протесте, в бунте. Организация институционализирована, но не получила статуса политической партии, что сделало бы процесс ее развития законченным. Однако, став партией, НБП потребовалось бы соотнести с новым статусом и политическую деятельность, что исключило бы саму суть организации, так как она полностью удовлетворяет социальному запросу именно на такой вид протеста.

Второй вариант институционализации молодежной леворадикальной организации представляет Левый фронт, сумевший взять под контроль и скоординировать деятельность многих организаций, то есть, по сути, артикулировать левую часть социальных требований. Степень институционализации Левого фронта значительно выше, чем НБП, что приводит к грамотной канализации и выражению самого протеста. Политические амбиции Левого фронта практически легализованы.

Рассмотрев модели институционализации современных молодежных леворадикальных организаций можно сделать вывод, что обе модели самобытны и проверены политическими реалиями, а значит, в дальнейшем необходим поиск путей эффективного развития диалога с институционализированными радикальными организациями.

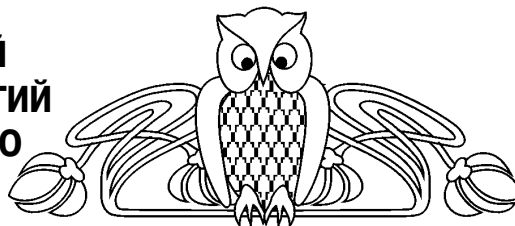
Примечания

- ¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2012) : федер. закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 02.05.2012) . Доступ из справ.-правовой система «КонсультантПлюс» :
- ² См.: *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 12–13.
- ³ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

- ⁴ Цит. по: *Bogdanor V.* The Blackwell encyclopaedia of political institutions. Oxford ; N.Y., 1987. P. 291.
- ⁵ См.: *Фролов С. С.* Социология. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/20412/20451/> (дата обращения: 20.09.2012).
- ⁶ См.: Общественный проект «Марсиада». Национал-большевистская партия. URL: <http://marsiyada.ru/624/vmeste/1868/714/> (дата обращения: 04.10.2012).
- ⁷ *Лимонов Э.* Моя политическая биография. URL: <http://lib.rus.ec/b/114363/read#t3> (дата обращения: 04.10.2012).
- ⁸ См.: *Щепанская Т. Б.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / ред. В. В. Костюшев. СПб., 1999. С. 262–302.
- ⁹ См.: Общественный проект «Марсиада»...
- ¹⁰ См.: *Вергазов И.* Молодежь в социальном пространстве национал-большевистской партии // Развитие личности. 2004. № 1. С. 114.
- ¹¹ См.: Экс-лимоновцы учредили Национал-большевистский фронт. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/08/29/265356.html> (дата обращения: 06.10.2012).
- ¹² См.: Получен письменный отказ в регистрации партии «Другая Россия». URL: <http://www.limonov2012.ru/news/398.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹³ См.: *Пономарев И.* К истории Молодежного левого фронта. URL: <http://www.pravda.info/politics/2779.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹⁴ См.: РОТ Фронт состоится при любой погоде. URL: <http://forum-msk.org/material/politic/2538176.html> (дата обращения: 04.03.2012) ; Левые в шоколаде // Коммерсантъ. 2010. № 31.
- ¹⁵ Пресс-служба Левого Фронта : [сайт]. URL: <http://wek.ru/politika/251-otkaz-v-registracii-partiya-rot-front-poluchila-v-shestoj.html> (дата обращения: 04.10.2012).
- ¹⁶ Беспартийные открыли «Левый фронт». URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-y/1044452> (дата обращения: 04.10.2012).

УДК 329(470)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИДЖЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В РОССИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье речь идет об особенностях применения технологий формирования имиджа в России и Чехословакии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на примере образов Б. Н. Ельцина и Вацлава Гавела. Особое внимание уделено выявлению основных направлений и специфике имиджевых технологий формирования политических образов российского и чехословацкого президентов.

Ключевые слова: политический имидж, демократический транзит, политические технологии.

Comparative Analysis of Features of the Use of Image Technologies at the Initial Stage of Democratic Transit in Russia and Czechoslovakia

A. S. Tolkalov

The article discusses the features of the use of image-making technologies in Russia and Czechoslovakia in the late 1980's – early

1990's on an example of images of B. N. Yeltsin and Vaclav Havel. Special attention is paid to the formation of the key directions of political image-making and particularity of image-making technologies in the political images of Russian and Czechoslovak president.

Keywords: political image, democratic transit, political technologies.

Актуальность проблемы формирования имиджа политического лидера обусловлена особенностями современных политических процессов. В условиях конкурентных выборов успешность политика во многом определяется поддержкой со стороны электората, которая, в свою очередь, напрямую зависит от имиджа политического деятеля.

Особое значение политический имидж приобретает в условиях демократического транзита, а именно на начальном его этапе. При фактическом отсутствии политических традиций имидж является одним из важнейших критериев выбора нового главы государства из многочисленных кандидатов.

Одним из наиболее масштабных примеров демократического транзита в конце XX в. является процесс, повлекший за собой распад Организации Варшавского договора и исчезновение с политической карты мира такого государства, как Союз Советских Социалистических Республик. Важной составляющей данного процесса нам видится проблема формирования имиджа глав государств, вставших на путь демократических преобразований. В рамках статьи анализируются особенности использования технологий формирования политического имиджа на начальном этапе демократического транзита на примере образов Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и Президента Чехословакии Вацлава Гавела.

Основной особенностью имиджа политического лидера в период радикальной смены режима является его антагонистический характер. Другими словами, образ нового лидера противопоставляется «старому» режиму и образу его представителей. Так, имидж Б. Н. Ельцина изначально основывался на противопоставлении имиджу М. С. Горбачева и такой характерной черте советской системы, как номенклатурность. На смену многословности первого Президента СССР приходит «малословность» первого Президента РФ. «Горбачев находился в сфере говорения, временами даже усиленного, Ельцин – в сфере делания, что позволило одному из аналитиков сравнить его со сказочным персонажем, поскольку в пространстве сказки нет места говорению, а только действию», – отмечает украинский исследователь Г. Г. Почепцов¹.

Противопоставление номенклатурности советской системы выражалось прежде всего в отказе от кремлевских привилегий. Подобные сюжеты, как, например, поход в обычную районную поликлинику, прогулка пешком на работу, активно освещались средствами массовой информации. В результате образ Ельцина как борца с привилеги-

ями и номенклатурой прочно вошел в сознание избирателей.

Имидж чехословацкого президента Вацлава Гавела также изначально строился на противопоставлении. Однако в отличие от Ельцина, который имел четко определенного оппонента в лице Горбачева, образ Гавела противопоставлялся чешскому социализму в целом и Чехословацкой коммунистической партии в частности. В значительной степени этому способствовали сама личность Гавела и некоторые факты его биографии, такие как обширная диссидентская деятельность.

После так называемой Пражской весны 1968 г. и последовавшей за ней интервенции войск Организации Варшавского договора на территорию Чехословакии Гавел начал активно участвовать в борьбе за права человека и демократию². Таким образом, образ Вацлава Гавела как борца с коммунистическим режимом сложился и укрепился в сознании людей задолго до Бархатной революции 1989 г., ознаменовавшей начало перехода к демократии. 16 декабря 1989 г. Гавел в своем предвыборном обращении к избирателям еще раз подчеркнул эту черту своего имиджа: «Двадцать лет официальная пропаганда твердила, что я враг социализма, что я хочу реставрировать капитализм, что я нахожусь на службе мирового империализма, который за это меня щедро вознаграждает. Что, наконец, я хочу быть владельцем предприятий и эксплуатировать людей. Все эти заявления были ложью, и скоро начнут выходить книги, из которых будет видно, кто я есть и о чем думаю»³.

Данный прием находит отражение практически во всех публичных выступлениях Вацлава Гавела в период 1989–1991 гг. Так, свое первое в роли президента Чехословакии новогоднее обращение к гражданам он начал со слов: «Дорогие сограждане, сорок лет вы в этот день слышали из уст моих предшественников в различных вариациях, как наша страна процветает, сколько миллионов тонн стали мы произвели, как мы все счастливы, как верим своему правительству и какие радужные перспективы перед нами открываются. Полагаю, что вы выбрали меня не для того, чтобы и я вам лгал»⁴. Таким образом, идею противопоставления себя предыдущему режиму можно назвать ключевой в имидже Вацлава Гавела в конце 1980-х – начале 1990-х гг. На наш взгляд, подобная ситуация обусловлена не только биографией президента, но и некоторыми событиями в истории Чехословакии во второй половине XX в., наиболее ярким из которых было подавление демократического движения в 1968 г.

Другая особенность формирования имиджа политического лидера на начальном этапе демократического транзита непосредственно связана с предыдущей и заключается в формировании связи имиджа со старым режимом. Такое, на первый взгляд парадоксальное, явление объясняется тем, что сознание абсолютного большинства граждан

сформировалось уже в условиях социализма, и на начальном этапе демократизации человек находится под влиянием одновременно и предшествующего, и зарождающегося информационного контекста.

Подобная связь находит свое выражение в ассоциировании образа политического лидера с положительными характеристиками предыдущего режима. К примеру, советская система подвергалась критике, прежде всего, за излишнюю привилегированность партийных деятелей высшего ранга, и именно это было признано в качестве наибольшего зла. Сама же коммунистическая идеология критиковалась в меньшей степени. Так, А. В. Коржаков четко отмечает верность Ельцина коммунистическим идеалам в доперестроечный период: «Борис Николаевич был убежденным коммунистом, старательно посещал партийные мероприятия, и его тогда вовсе не тошнило от коммунистической идеологии. Но в рамках этой идеологии он был, наверное, самым искренним членом партии и сильнее других партийных боссов стремился изменить жизнь к лучшему»⁵.

Также в процессе формирования имиджа Ельцина нашли применение традиционные для советского периода формы информационного воздействия – лозунги. Весь жизненный путь человека в СССР сопровождался массой лозунгов. Образ Ельцина также входит в массовое сознание со своим набором лозунгов: «Ельцин – кандидат народа!», «Руки прочь от Ельцина!», «Борис, борись!», «Борис, ты прав!» (данный лозунг является ответом на фразу «Борис, ты не прав!», произнесенную Е. К. Лигачевым) и т. д.⁶ Все эти выражения, будучи заключенными в привычную для советских граждан форму, прочно укрепились в их сознании и в значительной степени способствовали формированию соответствующего образа Б. Н. Ельцина.

Политический имидж Вацлава Гавела, несмотря на ярко выраженный антикоммунистический характер, также в некоторой степени связан с предшествующим режимом. Естественно, данная связь не настолько сильна, как в имидже Б. Н. Ельцина, но ее наличие нельзя отрицать. Главными связующими компонентами в образе Гавела выступали, прежде всего, патриотизм и желание вывести страну из кризиса. В уже упомянутой предвыборной речи 16 декабря 1989 г. он выражает благодарность коммунистам, которые согласились вести диалог с новой властью: «Господин Адамец имеет большую заслугу: он был первым, кто начал вести с нами диалог. Наше доверие к господину Чалфу, новому премьеру, растет с каждым часом. Если и остальные коммунисты будут действовать подобным образом, это будет хорошо для обоих наших народов, и нам уже никто не будет страшен... Один миллион семьсот тысяч коммунистов не принадлежат к какому-либо другому биологическому или моральному виду. Многие из них

были вынуждены двадцать лет молчать так же, как и мы, и многие из них делали много хороших вещей. Продуманная концепция основательной экономической реформы, которая не повлечет за собой социальные потрясения, безработицу, инфляцию и другие проблемы, подготовлена десятками хороших людей, среди которых было много коммунистов, много бывших коммунистов и беспартийных»⁷. Таким образом, образ Вацлава Гавела складывался как образ борца с коммунизмом и тоталитаризмом, но не с коммунистами.

Наконец, третьей ключевой особенностью формирования политического имиджа в условиях смены политического режима является высокая степень его «очеловеченности». Политический лидер предстает перед людьми не как говорящая голова в телевизоре, существующая лишь в сфере политики и государственного управления, а как обычный человек, для которого политика – не более чем работа. Для достижения подобного эффекта в ход идут технологии, чаще всего основывающиеся на биографических данных и особенностях личности носителя.

Так, мощным инструментом «очеловечивания» имиджа Б. Н. Ельцина стал его речевой стиль. Многие фразы и часто употребляемые Ельциным слова разошлись на цитаты и надолго закрепились в памяти россиян, а особенности произношения некоторых слов до сих пор копируют пародисты⁸. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что простая и понятная абсолютному большинству граждан речь президента сблизила его с народом, придав его образу человеческое лицо.

«Очеловечивание» образа Вацлава Гавела проходило по несколько иному сценарию. К концу 1980-х гг. он был известен не только как политик и диссидент, но и как писатель и драматург. Перу Гавела принадлежат пьесы «Zahradníslavnost» («Праздник в саду», 1963 г.), «Vyrozumění» («Уведомление», 1965 г.), «Audience» («Аудиенция», 1975 г.), «Vernisáž» («Вернисаж», 1975 г.), «Protest» («Протест», 1978 г.) и ряд стихотворений. В результате формируется образ Гавела не как профессионального политика, а как творческого человека с активной гражданской позицией, считающего своим долгом послужить на благо своего народа и своей Родины.

Таким образом, можно выделить следующие ключевые направления применения технологий формирования имиджа политического лидера на начальном этапе демократического транзита в России и Чехословакии.

1. Противопоставление имиджа предшествующему коммунистическому режиму. В качестве объекта для противопоставления выступает «наибольшее зло» режима, и происходит формирования имиджа лидера как борца с этим злом.

2. Связь имиджа с чертами старого режима, не подвергающимися осуждению. Необходимость выделения данного направления обусловлена тем, что сознание абсолютного большинства

избирателей сформировалось в условиях коммунистического режима. Поэтому подчеркивание определенной преемственности необходимо, в противном же случае имидж может выглядеть чужеродным и впоследствии не получить должной поддержки среди граждан.

3. Придание имиджу человеческих черт, сближающих его носителя с рядовыми гражданами.

Особенности формирования политического имиджа Б. Н. Ельцина и Вацлава Гавела в рамках данных направлений можно представить в виде таблицы.

Направления формирования политического имиджа Б. Н. Ельцина и В. Гавела

Личность	Противопоставление	Связь	Очеловечивание
Б. Н. Ельцин	Против номенклатуры и привилегий	Бывший коммунист	Речевой стиль
Вацлав Гавел	Против коммунизма	Диалог с коммунистами с целью преодоления кризиса	Творчество

В рамках имиджа Ельцина в качестве наибольшего зла была выбрана номенклатура и ее привилегированное положение по отношению к рядовым советским гражданам, в то время как образ Гавела противопоставлялся самому коммунистическому режиму. Однако имидж чехословацкого президента, не принимавшего коммунизма, не содержал негативной позиции по отношению к коммунистам. Напротив, Гавел призывал коммунистов к сотрудничеству с целью реформирования государства и выведения его из кризиса. Имидж же Ельцина не содержал явной критики коммунистической идеологии, но был направлен против партийных руководителей, в частности, против М. С. Горбачева. Таким образом, Вацлава Гавела можно назвать борцом с коммунизмом, но не с коммунистами, а Б. Н. Ельцина – борцом с коммунистами, но не с коммунизмом. На наш взгляд, это обусловлено особенностями исторического развития СССР и Чехословакии во второй половине XX в.

В свою очередь, выбор главного «очеловечивающего» фактора полностью зависит от особенностей личности политического лидера. В имидже Ельцина в роли такого фактора выступает его уникальный «народный» речевой стиль, а в случае

Гавела – известность как драматурга, литературного критика и поэта, долг которого – прийти на помощь Родине в трудную для нее минуту.

Примечания

- ¹ Почепцов Г. Г. Имиджелогия. Киев, 2006. С. 414.
- ² См.: Kaiser D. Disident Václav Havel (1936–1989). Praha, 2009. S. 113.
- ³ Václav Havel : Projev kobčanů před volbou prezidenta republiky // The official website of Vaclav Havel. URL: http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=923_projevy.html&typ=HTML (дата обращения: 17.10.2012).
- ⁴ Novoroční projev prezidenta ČSSR Václava Havla 1. ledna 1990 // Pražský hrad – Prague Castle. URL: <http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html> (дата обращения: 17.10.2012).
- ⁵ Коржаков А. В. Борис Ельцин : от рассвета до заката. М., 1997. С. 34.
- ⁶ См.: Почепцов Г. Г. Указ. соч. С. 417.
- ⁷ Václav Havel: Projev kobčanů před volbou prezidenta republiky...
- ⁸ См.: Потсар А. Стиль Ельцина // Политцензура. URL: http://www.politcensura.ru/eling/stil_el_cin.php (дата обращения: 18.10.2012).